

1 сентября

Олимпиада

№ 17 (1375) сентябрь 1984

**ДЕНЬ
ЗНАНИЙ**

**Письма
из райкома:
требуются активисты.**

**БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ
ОЛИМПИЙСКОЙ ЧЕМПИОНКИ.**

**СИБИРИАДА
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА.**

В ЗОНЕ ДЕЯ

ЧТО ДЕЛАЕТ РАЙКОМ КОМСОМОЛА, ЧТОБЫ ЕГО ВНЕШТАТНЫЕ АКТИВИСТЫ НЕ ОКАЗАЛИСЬ СЛУЧАЙНЫМИ

Борис ДАНОШЕВСКИЙ,
специальный
корреспондент «Смены»

Говорят, у каждого человека есть «свое» время года. Для одного радость и наслаждение — белая зима со снежными выгонами и двадцатиградусными морозами. Другому лишь золотая осень приносит вдохновение и покой. А кто-то только летом ощущает в себе неведомые силы. У Александра Резника тоже есть «свое» время года — весна. И тут можно вполне серьезно отметить некую закономерность, объясняющуюся не только и не столько особенностями пробуждения в эту пору природы, всего живого, а скорее теми переменами в жизни Александра, на которые оказались так щедры последние весны. Был он секретарем факультетского бюро, потом секретарем комитета комсомола института, сейчас — первый секретарь Ворошиловского райкома комсомола города Донецка. И так совпало, что на каждую свою новую комсомольскую должность Саша обязательно приходил весной. Последний раз даже дату точную помнит: было это три года назад, 15 апреля. Не потому ли и работает он не просто увлеченно, но еще и какое-то тепло от него исходит к окружающим, словно заряжен он солнечным светом, которого в Донецке с избытком, и света этого ему несколько не жалко для людей.

Он успешно окончил институт, мог остаться на кафедре, серьезно заниматься наукой, а ему неожиданно предложили перейти на комсомольскую работу. Поначалу Саша отнекивался, объяснял свои сомнения трудностями и спецификой комсомольской работы, которые он еще не до конца постиг, однако в горьком ему дружелюбно, но твердо сказали:

— Ты не один такой, все с этого начинали. Мы в тебя верим.

Представление о масштабности новой работы он получил сразу же, как был избран первым секретарем Ворошиловского райкома комсомола. Район — центральный в Донецке. Комсомольская организация самая большая не только в городе, но и в области, почти 50 тысяч членов ВЛКСМ. Всего на учете в райкоме числится 256 первичных комсомольских организаций, из которых больше половины можно отнести к малочисленным. На это обстоятельство стоит обратить особое внимание: райкому все-таки легче, когда у него много крупных организаций — они сами по себе на виду, актив там сильный, опытный, есть освобожденные секретари. И спрашивают с райкома прежде всего, конечно, за состояние дел именно в этих организациях. А в Ворошиловском районе все наоборот — малочисленных первичных большинство, именно к ним нужно особое внимание, чтобы на фоне более крупных они не оказались в тени.

Эта проблема сразу выделилась как важнейшая при определении стиля и форм работы райкома с первичными. Как ее решать, эту задачу, чтобы утвердилось правило: малая — не слабая? Да

одним-единственным, тысячу раз проверенным и опробованным способом: руководить так, чтобы между райкомом и каждой первичной установились живые, устойчивые человеческие связи.

Но вылезает наружу другая проблема, да еще какая: штатных работников в райкоме — всего девять, а организаций — 256! Сопоставив эти две цифры, легко понять трудности, возникающие перед райкомом.

А теперь другое соотношение: 256 и 114. Не правда ли, оно уже далеко не столь разительное? А дело в том, что вторая цифра — это число членов и кандидатов в члены райкома, избранных на конференции три года назад. То есть тот самый внештатный актив, который может, если на него постоянно и умело опираться, облегчить райкому решение многих проблем.

— С первого дня совместной работы, — пояснял мне линию райкома Саша, — мы рассудили так: если все активисты будут привлечены нами к практической работе, то есть получат возможность проявить свои организаторские способности на конкретных поручениях, мы значительно приблизимся ко всем первичным. Члены райкома — наша главная опора, и мы стремимся к тому, чтобы эти люди не оставались «в резерве».

Вместе с Сашей мы листали длинный список членов райкома, перебирая одну фамилию за другой, и Саша по ходу дела давал короткую характеристику каждому активисту. Он называл своих ребят по имени и фамилии, а я записывал за ним: «Валя Вересока. Секретарь комитета комсомола школы № 9. Эмоциональная, всегда веселая девушка, особенно любящая работать с пионерским активом. Лена Ведвенко. Инженер по технике безопасности объединения «Донецкгаз». Берется за любое дело, которое ей поручаешь, но опыта комсомольской работы пока не хватает. Надо учить и учить, и тогда толк из нее будет. Саша Ененков. Этот давно на комсомольской работе. Умеет убеждать, хороший организатор, поэтому руководит лекторской группой райкома. Иван Кричфалуши. Уже второй созыв подряд избирается членом райкома. На наших глазах вырос до заместителя директора ПГТУ № 6, ему мы поручаем контроль и проверку деятельности секретарей, работающих в ПТУ. Таня Зубань. Комплектовщица в производственно-текстильном объединении. У нее все еще впереди — и опыт, и самостоятельность, и авторитет у комсомольцев».

— Игорь Русанов, — назвав эту фамилию, Саша даже весь засветился, повеселел. — Вот кто подойдет — и не для статьи, для целого очерка. Пишите: работает электромонтажником треста «Донбасспромэлектромонтаж», учится на пятом курсе вечернего отделения политехнического института, секретарь комсомольской организации треста и член бюро райкома комсомола. Парень мировой. Зажигательный, инициативный, настоящий лидер молодежи. Познакомьтесь с ним и сразу поймете: если бы все исполняли свои общественные обязанности так, как Игорь, о многих проблемах, которые нас сегодня еще волнуют, можно было бы попросту забыть.

И вот знакомимся с Игорем Русановым.

Есть человеческие натуры, обладающие особым талантом — нравиться людям. Игорь Русанов как раз из таких. Молодой — всего-то 24 года, с крепкой фигурой, симпатичный, в глазах чистые искры, он уже успел отслужить в армии, где был инструктором по комсомольской работе учебного погранотряда. Мудрено, что, вернувшись в свой родной город и придя на прежнюю работу, Игорь был избран секретарем комсомольской организации треста. Комсомольцев у него немного — всего 38 человек, а вот дело, которым они заняты, большое и серьезное. Представьте: с десятком строительных объектов, расположенных в разных концах города, а то и области, которые по мере готовности надо начинать сложнейшим электрооборудованием.

Комсомольского секретаря в тресте знают все. Если разбудить Игоря ночью и сказать, что на таком-то объекте срочно нужны молодые руки — без них, ну, просто будет завал, — он, не тратя времени на расспросы и уточнения, встанет, обещит своих активистов и поднимет весь молодой народ на ноги. При этом не будет произносить зажигательных речей, взывая к совести и долгу, а просто объяснит ребятам задачу, организует фронт работ и первый возьмется за то, что труднее всего.

— Всех нас, только что избранных членов райкома, — вспоминает Игорь о своем первом общественном поручении, — распределили по трем комиссиям. Я попал в комиссию райкома по работе с несоюзной молодежью. Послали меня с проверкой в первичную организацию — областное управление газового хозяйства. Там было примерно 50 человек несоюзной молодежи. Стал знакомиться с положением дел. Поговорил с комсоргом Наташей Некрасовой, с комсомольцами, рассказал им о делах районной комсомолки, частью которой — пока совершенно пассивной и недееспособной, так и сказал им в глаза, — они являются. Потом вместе с Наташей, с членами бюро стали смотреть, кого из ребят можно рекомендовать в комсомол, а кого нет. Постепенно определил список ребят, с кем надо побеседовать.

— Представляю, сколько удивления было у них на лице: они же не привыкли, что к ним кто-то проявляет интерес...

— Для них даже слова «член райкома» звучали странно и незнакомо, но было видно, что им интересно, откуда это у их знаю... Ну, ничего. Когда первое смущение и заминка после знакомства прошли, я им сказал: «У нас в стране 42 миллиона комсомольцев. Если вы или кто-то из ваших друзей еще не вступили в комсомол, то это не значит, что наши комсомольские дела пойдут хуже. И комсомол в целом от этого не пострадает. Пострадаете только вы сами. Так почему же до сих пор не подаете заявление?» Таким примерно вопросом я и закончил свою «речь» перед ребятами.

— Знаете, — продолжал Игорь, — я удивился, насколько разные послышались ответы. Один говорит: «Не нужен мне комсомол, и без него проживу, только взносы платить». Другой мнется: «А мне никто не предложил вступить, потому что когда у нас в школе все

подавали заявления, я болел». Третий еще более неожиданную фразу выдал из себя: «Мне мама не разрешает». Представьте себе, так и сказал. Оказалось, в ПТУ, где он учился, была очень симпатичная девушка-комсорг, которая так рьяно взялась агитировать паренька, что мать забеспокоилась, как бы она ее сыночка не женила на себе, ну, и запретила тому даже думать о комсомоле. Смешно, конечно, но, поговорив вот так откровенно с ребятами, понял, кто из них чего стоит. Не сразу, конечно, а постепенно многих ребят приняли в комсомол, и мне, например, приятно, что они, встретив меня на улице или в райкоме, всегда с благодарностью вспоминают ту нашу беседу и считают, что именно с нее начались их комсомольские биографии.

Чем измерить, как оценить вот такую работу члена райкома комсомола? Не просто это сделать, потому что нет для этого пока единиц измерения. А если твоей работы вроде не видать, если она незаметна — в чем же тогда искать вдохновение? Когда мы говорили об этом с Сашей Резником, он высказал, на мой взгляд, интересную мысль:

— Если член райкома только и зарекомендовал себя как хороший исполнитель, то этого мало. Сегодня от него требуется, чтобы он был еще и организатором. Он должен действовать не как передатчик приказаний сверху вниз — от райкома в первичную, а сам быть инициативным, чувствовать личную ответственность за дела этой «первички». Конечно, тут ему необходимы умение анализировать положение и информацию, определенная смелость и способность самостоятельно находить выход из трудных ситуаций. Таких, к примеру, в какой оказался однажды Игорь Русанов.

...Шло заседание бюро накануне отчетно-выборного собрания в комсомольской организации ПМК-104. Комсомольцев там немного, организация числилась в отстающих, и райком правильно рассудил, что туда надо послать самого опытного своего члена бюро райкома — Игоря Русанова.

Внешне бюро шло благополучно. Секретарь уверенно зачитал доклад, в котором признавал факты нарушений трудовой дисциплины комсомольцами и молодежью ПМК, говорил «в общих чертах» о том, как боролся они за экономиию горючего и «честное отношение к труду», сетовал на отдельных комсомольцев, спустя рукава выполняющих общественные поручения, и заверял, что бюро и впредь будет «прилагать все свои силы», «совершенствовать», «добиваться существенного улучшения», «повышать» и т. д. в том же духе. Вслед за секретарем выступили несколько членов бюро, которые легко и просто объяснили имевшиеся недостатки объективными причинами и свели их к оргнедочетам.

Секретарь уже приготовился было закрыть заседание, когда молчавший до сих пор Игорь решительно попросил слова.

— Пойдите, ребята, что-то у вас не совсем ладно получается. Не дело так отчитываться и подводить итоги. Мне сейчас ваша организация напоминает мощный грузовик, водитель которого одной ногой давит на газ, а другой — на

СТВЯЯ

ЛЮДЬМИ В ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

тормоз. Вы — рабочие, и я — рабочий, и потому я хочу спросить вас именно как рабочий: о какой активной комсомольской работе вы говорите, если ваша колонна план выполняет еле-еле на 75 процентов? Разве в этом нет вашей, комсомольцев, вины? Каков ваш личный вклад в выполнение производственных заданий? Я понимаю, у вас есть трудности: мешает разбросанность комсомольцев по объектам, срывающийся график, но разве все это может быть объективной причиной невыполнения государственного плана? Почему никто из вас сегодня не сказал: чего вы могли добиться и не добились, где просчитались? Если не выполнили план, то по какой причине? И за что, за какие-то достижения и успехи вы собираетесь завтра голосовать? Я предлагаю: отложите собрание, соберите комсомольцев и молодежь, расскажите им все, и давайте подумаем вместе над тем, как по-настоящему возродить у вас соревнование. Только грамотное организованное соревнование, я уверен, поможет вам выйти из прорыва и сделать шаг вперед. Тогда можете и собрание проводить. Оно для каждой организации — момент серьезный. Нельзя допустить, чтобы для кого-то этот момент прошел «мимо».

Игорь сел на свое место. По его движениям, по взгляду чувствовалось: человеку нелегко дались эти слова. Но он их произнес, потому что был уверен в своей правоте, и уверенность эта исходила вовсе не от внушенного себе и окружающим всезнайства. Просто он знал, что становление, сплочение молодежного коллектива произойдет, только если его хорошенько встряхнуть, заставить каждого комсомольца честно посмотреть самому себе в глаза и признать свои ошибки. Тогда и ошибки эти легко будет исправлять.

Нужно отдать должное и членам бюро: поначалу обескураженные напором и прямотой Игоря, они, придя в себя, признали правоту члена бюро райкома.

Так Игорь Русанов — передовой рабочий и комсомольский активист — показал и себе и другим, где сегодня проходит передний край. Соревнование — вот этот передний край. Кому же, как не рабочему, знать, что именно оно, соревнование, способно менять человека, словно открывая в нем бездействовавший ранее источник силы и таланта! И кому, как не комсомольскому работнику, дано увидеть перспективу, оценить неограниченные возможности социалистического соревнования, и не только на своем предприятии! Вот и получается, что общественная работа обязывает Русанова быть человеком, так сказать, районного масштаба.

Игорь Русанов — это пример активиста, который безотчетно, как бы интуитивно, руководствуется главным: он должен быть первым среди равных. Если у него в тресте комсомольцы приступили к работе на каком-то срочном объекте, он не имеет права плестись в хвосте, иначе грош ему цена. Если субботник, он идет на него, хотя веки смыкаются после ночного бдения над сложным чертежом, который он, студент-дипломник, обязан сдать именно сегодня, и ни днем позже. Он идет сам и ни за что не будет хлопотать, обеспечивая массовость, — она для него не само-

цель, а результат его собственного поведения и авторитета. Он искренне верит, что если придет он, придут и другие. Все до одного. Видны как на ладони. А виднее других он сам, член райкома комсомола. Авторучкой тут много не наработаешь, относись в райком отчеты, справки и копии планов.

Упоминание об отчетах, справках и планах не случайно. Известно, что в комсомоле поиск нового, его накопление невозможно без четко налаженной оперативной информации. В Ворошиловском райкоме это хорошо понимают и потому постоянно просят, настаивают на том, чтобы члены райкома, бывающие в первичных, своевременно информировали райком о любых начинаниях на местах, о положении дел на том или ином направлении комсомольской работы. Конечно, в райкоме есть система связей с секретарями, регулярно проходят планерки, оперативки, раз два в месяц устраиваются встречи с членами райкома, где координируются планы, распределяются новые поручения. Но все-таки это живой контакт с секретарями и членами райкома, а не с самими первичными. Возможности таких контактов ограничены, полного представления о жизни коллектива из этих встреч не составишь. Зато прекрасную возможность поддерживать постоянную связь с первичной имеют члены райкома, по его заданию бывающие в организациях. Это их основное комсомольское поручение. Как же они его выполняют?

Всем ребятам, с которыми довелось беседовать, задавал я один и тот же вопрос: в чем конкретно заключается твоя работа как члена райкома комсомола? Ответы в большинстве своем, за исключением, конечно, Русанова и еще одного-двух человек, были стереотипные.

Елена Манько, выпускница музыкально-педагогического института: «Я член идеологической комиссии. Посещаю первичные организации, была в театре кукол, в автотранспортной колонне, присутствовала на отчетных собраниях как представитель райкома».

Алла Сидорова, секретарь комитета ВЛКСМ Донецкого горпромотра: «Бываю с проверкой в первичных, помогаю комсомольцам подготовиться к выступлению на собраниях».

Валерий Стасюк, студент ДонГУ: «Как член комиссии по делам учащейся молодежи проверяю вопросы быта, спорта, досуга студентов. К очередному пленуму райкома проверил работу педотрядов в университете, других вузах. Буду по этому вопросу выступать на пленуме».

— Ну, какая работа? — смущенно пожала плечами Татьяна Зубань, комплектовщица Донецкого производственно-текстильного объединения. — Проверяю, как проходят отчетно-выборные собрания в первичных, потом пишу справку и сдаю ее в райком.

— Тяня, а чувствуешь ты моральное удовлетворение от выполнения своих обязанностей?

— Когда мне чувствовать-то, если я час-два побуду в первичной, и уже надо уходить. Формализма в такой работе больше, чем удовлетворения.

Даже Игорь Русанов, отдающий, как мы видели, общественной работе много

Сосредоточить усилия на работе непосредственно в первичных организациях и комсомольских группах, повысить роль комсомольских собраний. Добиваться, чтобы каждый комсомолец добросовестно выполнял общественные поручения, активно участвовал в делах своей организации.

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи».

сил и времени, на мой вопрос, всегда ли он сам получает от нее удовлетворение, ответил сдержанно:

— Если честно, то такое чувство возникает все-таки редко. Смотрите: каждый день приходится составлять и оформлять много разных бумаг. Если я не успею вовремя сдать в райком очередную справку, с меня спросится по всей строгости. Но никто же не упрекает, если я не успею поговорить с комсоргом, не узнаю, какие у него планы на ближайшее воскресенье и на всю жизнь... И получается, что из его планов меня уже волнует только один — план работы комсомольской организации. Сам комсорг при этом решает, что план — это главное для райкома, и уже загодя готовится к таким «отчетам». Зато своими мыслями, радостями и болями делится мало. Парадокс! Заседаем, лишем, выступаем — для чего все это? А для того, чтобы человек стал лучше. Но просто поговорить с этим человеком порой нет времени. Оказывается, быть исполнительным гораздо проще, чем быть инициативным. А надо бы сочетать в себе и исполнительность и инициативу. Но где этому нас, комсомольских активистов, учат?

Понимаете, что получается: дается члену райкома поручение проверить какую-то комсомольскую организацию. Сегодня эту, через месяц другую, еще через месяц — третью. Изучая состояние дел в организации, он пользуется одними и теми же источниками информации — знакомится с протоколами, отчетами, статистикой. Бывает, побеседует с членами бюро, присутствует на комсомольском собрании, постарается встретиться с представителями администрации, партийными и профсоюзными активистами, с комсомольцами.

Если теперь прикинуть, сколько времени нужно члену райкома для беседы с каждым, кто перечислен выше — они ведь не стоят к нему в очереди, а работают, чем-то в данный момент заняты, — то получится, что член райкома должен провести в организации не один день. А его самого со скрипом отпустили с работы на каких-нибудь два-три часа — после известного постановления об укреплении трудовой дисциплины все уходы с работы строго регламентированы. Да еще надо написать подробную справку со своей оценкой положения дел в данной первичной и сдать ее в орготдел райкома. Все, теперь поручение выполнено.

Сами комсомольские активисты говорят, что это, конечно, в идеале, а в жизни все гораздо проще. Пришел в первичную вооруженный «вопросником», просмотрел документы, проверил уплату взносов, перекинулся двумя-тремя фразами с комсоргом, и до следующей встречи. Вникать в проблемы, вести беседы с комсомольцами, знакомиться с их работами, вглядываться в комсорга, познать его, спросить: как ты живешь? Что любишь? За что борешься и что отстаиваешь? Кого защитил и кого поддержал? Кому пришел на помощь и с кем разругался вдрязг? — времени на это часто не хватает. Оттого и комсомольцы смотрят на такого «представителя» как на гастролера, уж с ним не возникнет желания поделиться ни горем, ни радостью.

Не собираюсь подвергать здесь кри-

тике практику составления членами райкомов разных справок и отчетов, говорить о нужности или ненужности их в таком количестве. Больше того, считаю, что они нужны — для того, чтобы всегда иметь под рукой оперативную информацию по тем или иным вопросам комсомольской работы. Но стоит сесть над этой грудой протоколов и справок и углубиться в их изучение, как ты не сможешь освободиться от ощущения, что истинного положения дел они часто не открывают, что многие организации так и остаются «вещью в себе», что составление документации — а это сегодня почти все активисты научились делать — заслонило многим из них работу с людьми...

Ясно, однако, если практика раздачи членам райкома комсомольских поручений построена по принципу: сегодня ты в одной первичной, завтра — в другой, послезавтра — в третьей — то это означает, что он вынужден исполнять свое поручение не иначе, как персонаж известной оперы: Фигаро здесь, Фигаро там.

И совсем другое дело, если член райкома имеет 2—3 «свои», постоянно закрепленные за ним организации. Три года живя их интересами, планами, заботами, он волей-неволей будет ощущать себя членом этого коллектива, и к нему станут прислушиваться, замечать и уважать за его дела, почувствуют его силу и авторитет. А самое главное — он будет для комсомольцев не «начальство», а человек, который их проблемы считает своими, ощущает их нутром. Когда же первичная почувствует авторитет «своего» члена райкома, у нее еще больше возрастает интерес к комсомольским делам, и всю свою деятельность она будет строить так, чтобы было ясно: первичная и член райкома работают во имя общих успехов. Об этом мы много говорили и спорили с Александром Резником, но доводы мои, кажется, показали ему неубедительными. Утешаюсь, однако, тем, что у самих членов райкома они нашли единодушную поддержку.

Конечно, задавая ребятам вопрос, получают ли они моральное удовлетворение, выполняя те или иные общественные поручения, я понимал, что любая лирика на фоне того рационализма, который прививает им райком, попросту неуместна. Но ведь контакты, которые, приходя в первичную, должны иметь члены райкома с комсомольцами, с комсоргом, — это прежде всего все-таки человеческие контакты. И чем лучше они поймут друг друга, чем больше окажут друг другу доверия и дружеской помощи, тем легче и морально ценнее покажется всем им их общественный труд.

Так что с какой стороны ни подходи, а человеческий фактор оказывается сегодня решающим для качества комсомольской работы. Часто слышим: в комсомольской работе, мол, секретов нет. Утверждение верное в том смысле, что широко известны ее общие принципы. Но необходимо еще одно обязательное условие — чтобы в осуществлении их проявилась личность комсомольского работника, своеобразие его человеческой натуры. Стиль — это не справки и отчеты, а прежде всего люди, их ответственность за судьбу дела. В комсомоле такая ответственность сегодня вдвойне нужна.

Наверное, нет ничего более важного для юного человека, чем счастливая встреча с человеком взрослым, способным открыть ему всю красоту жизни, привить веру в добро, стать верным другом, наконец, просто помочь и поддержать в трудную минуту. И сейчас, когда идет перестройка школы, очень важно привлечь к воспитанию молодежи именно таких людей, как супруги Крепкины, о которых и пойдет рассказ.

ВСЕ ДЕТИ НА

Александр БОЙКО,
доцент,
кандидат педагогических наук.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ПРОШЛОЕ

Когда Михаил Степанович Крепкин предложил Вере Самойловне Калашниковой руку и сердце, он честно сказал: «Может так случиться, что я ослепну». И она ответила: «Ничего, у меня глаза зоркие, будут служить двоим».

С тех пор прошло много лет. С каждым годом Михаил Степанович видит все хуже и хуже. Сегодня диоптрия на одном глазу — 16, а на втором коррекции уже нет. Бывают дни, когда он начинает с поликлиники, делает укол, а после идет на свою никому не подотчетную службу. Три контузии и два ранения отобрали у Крепкина зоркость глаз. Мы все дальше уходим от той войны с ее беспощадным итогом — двадцать миллионов человеческих жизней. Но уже никогда не сумеем учесть ее истинный урон. И никто не сочтет миллионы жизней, укороченных войной; сорок три года люди страдают и умирают от тех

ран и от тех мук. Война может убить. Но никакая война не истребит в нашем народе Память, Веру, Надежду, Любовь и Доброту.

...Третьеклассница Вера закончила акробатический этюд, ей аплодировали. А после медсестра поманила ее пальцем, и шла Вера в узеньких проходах между койками, пока не остановили ее возле худого, изможденного человека, прикрытого до плеч одеялом. Он ласково улыбнулся: «Присядь, дочка (отец на фронте, и екнуло сердчишко), разговор у нас будет долгий, я позвал тебя, чтобы услышала ты о своем таланте. Смотрел и радовался, до чего ж ты гибкая и способная к движению. Тебе надо обязательно заниматься спортом. Я и сам хотел после войны поступать в институт физкультуры, да вот не получится. Второе ранение. Столько пережил, а тренированное сердце выдержало...»

И Вера, зная, как дорого добро слово, забеспокоилась: «Не волнуйтесь, дяденька, все будет хорошо, и не такие раненые здоровыми уезжали». Он вздохнул: «И я здоровый уеду. Но коль мы с тобой спортсмены, то напиши письмо моим детям». Он потянул ногами одеяло, и увидела Вера два обрубка — все, что осталось от рук, по локоть отсеченных безжалостной косой войны.

Еще школьницей Вера, забросив акробатику, расплнела. Несколько лет назад ее школьную фотографию показали известному профессору. Это он заявил с

трибуны, что по фотографии человека может рассчитать его потенциальные способности в спорте. Профессору сказали, что фотографию прислали из деревни, и эта девочка хочет заниматься спортом. Профессор категорически заявил: «Ничего не получится. Вот эти сочленения и углы достоверно доказывают заурядность в психофизическом отношении. Намучаетесь и время потеряете».

Не будем спорить, вспомним о той девочке, что оставила акробатику, но начала заниматься бегом. И чудо, заложенное в словах солдата, действительно разбудило ее талант, и бежала она все быстрее и быстрее. Не имея тренера, на чемпионате СССР стала четвертой в беге на 100 метров.

В июле 1960 года сподобилось мне присутствовать на тренерском совете сборной команды СССР. Был я самый молодой и незаметный по должности, сидел в углу и помалкивал. А тренеры спорили, кому защищать честь нашей страны на Олимпийских играх. Давно известно, самые маленькие обычно стоят с краю, и если потеснятся, они первыми и вылетают из строя. Примерно так же не нашлось места в команде самой маленькой. Правда, в порядке утешения ее взяли запасной для участия в эстафете; вдруг кто-то заболел. Человек она северный, скромный, полный внутреннего достоинства, когда еще и уговорили ее отказаться в пользу более одаренной, шапку из гордости не

ломала. А после, на Олимпиаде в Риме, Вера Крепкина и прыгнула так далеко, как не стыдно прыгнуть сейчас, и выиграла золотую медаль с новым олимпийским рекордом.

...Однажды в квартиру № 56 дома № 24 по бульвару Дружбы народов пришла группа пионеров. Месяц назад Крепкины были в пионерском лагере. Вера рассказывала о своих победах. Ребята слушали, а один пионер поднял руку и спросил: «А где же ваши медали за все эти победы?» И сначала Вера Самойловна смутилась, медалей не было, а что ребятам слова. Она улыбнулась и ответила: «Приходи в гости, посмотришь». Сказала и забыла. А через месяц пришла группа пионеров. Ходят по квартире, удивляются: ни кубков, ни вымпелов, ни призов — ничего! И тот, настырный, спрашивает: «А где же все-таки медали?» Лезет Михаил Степанович на антресоли, достает ящик, отвечает: «Молодцы, что пришли. Наконец-то рассортируете. Только, ребята, побыстрее, пока хозяйка не пришла, а то всем нам достанется». Через час тот, любопытный, докладывал: «Заслужен-

МОЖЕТ, ОНИ И НЕ СТАНУТ ЧЕМПИОНАМИ, ЗАТО ТРЕНИРУЮТСЯ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ «СТОТЫСЯЧНИКЕ» — ГЛАВНОМ СТАДИОНЕ УКРАИНЫ.

ный мастер спорта Вера Самойловна Крепкина принимала участие в следующих соревнованиях: «Первенство общества «Локомотив», Международные игры железнодорожников, чемпионаты РСФСР и Украины, чемпионаты СССР и Всемирные фестивали молодежи, чемпионат Европы, Олимпийские игры. Она выступала в беге на 100 и 200 метров, прыгала в длину и бежала в эстафетах 4×100 и 4×200. В период с 1950 года по 1965 год Крепкина завоевала сто три золотых медали,—он вздохнул,—остальные мы не считали...»

А теперь самый раз посмотреть на фотографию полной, жизнерадостной девочки. Это ее так старательно обмерил маститый профессор. Примерить бы к фигуре сто три золотых медали и охнуть: «Не может быть!»

Все может быть. Иногда и солдат знает больше, чем профессор.

НАСТОЯЩЕЕ

В 1965 году Вера Крепкина вернулась в Киев чемпионкой СССР. Пятнадцать лет она выступала за сборную страны. Теперь же решила закончить выступления в спорте. Почетному железнодорожнику, ей предложили заманчивую должность инспектора. Посоветовались они с мужем, подумали: нет, это не для нее. Если точнее, уже тогда они решили: это не для нас.

Вся остальная жизнь стала их общей работой. В детской спортивной школе райсовета «Локомотив», где Вера Самойловна занимается методическими вопросами, а Михаил Степанович — воспитательными, Крепкины трудятся уже двадцать лет.

Среди тех, кого они приобщили к спорту, много воспитанников детских

домов, интернатов — ребят, для которых они не только тренеры и даже не только педагоги, а близкие люди, старающиеся заменить — хотя возможна ли такая замена? — семью, способные дать родительский совет.

В своей детской спортшколе Крепкины никогда не отказывались ни от кого, кто приходил. Давно перевыполнив все нормы приема, брали, не забывая о «качестве» набираемых. Раз хотят, значит, надо! Приходили разные... Пришла девочка, говорит: «Хочу!» У Крепкиной рост 159, а эта еще меньше! Приходи. Так они и занимались, одна меньше другой, и завоевала та девочка первый разряд.

А может, все началось с мальчика по фамилии Бабич...

Он пришел записываться на футбол, но остался у Крепкиных. Потом привел двух братьев, и оказалось: нет у Бабичей ни мамы, ни папы...

А может, первым был Славик Зеленый? Пришел в дом солдат и сказал: «Хочу заниматься у вас!» Разговор зашел о ребятах, которые безобразничают оттого, что некуда деть время. И солдат взял увольнение, провел два вечера на отчаянной улице, привел шестерых... И докладывает: «У этих мам нет, у этих пап, а здесь разлад в семье». До сих пор жалеют Крепкины, что у Вячеслава Зеленого жизнь сложилась так, что не стал он их помощником. И уже теперь готовят к этой роли одну девушку. В семье восемь душ, мать умерла, и все годы она содержит младших. Не из трудностей ли, на которые обрекает тебя нелегкая судьба, начинается лучиться энергия добра? Или зла? Что победит?

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. Еду в интернат № 3. Интернаты бывают разные, этот из серии детдомов. Приехал. Спрашиваю. Заглядываю в класс, вижу только за-

тылки. Ребята сидят на партах (нарушение!), а некоторые поставили ноги на скамейки (еще нарушение). Из-за этого и не могу рассмотреть Веру Гордеевну, так по-домашнему окружил ее класс. А когда уходили мы, ребята смотрели на меня с обидой, и я чувствовал это... Извините, ребята, мне стоило подождать.

Вера Гордеевна Свицерская спокойная, обстоятельная, а в голубых и таких добрых глазах можно увидеть самого себя. Наверное, ее класс потому и садится поближе.

Итак, что же для ребят легкая атлетика? Все! Тренировка у Крепкиных — главная радость. А главное наказание — отмена тренировки. Зато как же приятно вернуться вечером со стадиона, а на тумбочке — бутерброды... Столовая закрыта, и в интернате нет бабушки и распахнутого холодильника. Кто-то может сказать: подумавшись, оставили бутерброд. Нет, все-таки подумайте! Когда о тебе помнят, бутерброд — это колечко в непрерывной цепи наших поступков, и держат они нас возле добра и не дают овладеть злу.

Итак, самое страшное наказание для детей — не пустить на тренировку. Давайте и мы встанем на место неведомых нам детей... Задумаемся о светлом, радостном мире, именуемом «спорт». Ты едешь через весь город, и тебя ждут Вера Самойловна и Михаил Степанович. Они что-то говорят и что-то делают, а вокруг веселые ребята, и от них и тебе тоже достается крошка тепла, принесенная ими из своего дома.

В интернат № 3, где живут круглые сироты и дети родителей, лишенных родительских прав, пришел как-то тренер. Как и Вера Гордеевна, он имеет диплом Киевского института физической культуры. Оглядел их, мелкорослых, иногда угрюмых, иногда развязнонаглых (кстати, подобное относится и к тем, кто живет дома), процедил сквозь зубы: «Нечего мне здесь отбирать, «жиряф» не вижу».

Итак, для спорта нужны длинные, стройные, как жирафы, дети, и тогда кому-то они обеспечат безбедное существование. А если таких детей нет? Есть обыкновенные. Все в костюмчиках, но лиджаки как с чужого плеча: некому подогнать. Да, они обыкновенные, не претендующие на олимпийские медали...

Вот передо мной обыкновенная девочка Ира. Только почему из школьного фартука — скучного дополнения к форменному платью — она сотворила это воздушное чудо? Я хвалю ее, а сам думаю: дочку бы такую! Это же украшение дома. Нет, Ира не красавица — просто море обаяния!

КАК КОМАНДИР И КОМИССАР — В ОДИН ГОЛОС, С ОДНОЙ ЦЕЛЬЮ: НАУЧИТЬ И ВОСПИТАТЬ.

КАК ХОРОШО ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ МАЛЕНЬКИЙ ЗАКИ НА РУКАХ У БАБУШКИ! КАК ХОРОШО, ЧТО РЯДОМ МАМА И ДЕДУШКА!

Сегодня Ира пришла к Крепкиным и сказала: «Я хочу иметь разряд!» Нет, не заниматься спортом, нет, не завоевывать медали, а вот так, предметно: хочу иметь разряд.

Мне достаточно взгляда, чтобы сделать вывод: на большее она не способна. И я, тренер, запрограммированный на подготовку олимпийских чемпионов, должен ответить: «Нет!» И спортивное начальство, бегло бросив взгляд на Иру, согласно кивнет: «Молодец! Нечего засорять наши стадионы». Только, сказав так, я увижу, как погаснет ее восторженный взгляд, как смутится она и уйдет. Куда уйдет Ира? По возрасту она окончила интернат и сейчас в ПТУ, где учат шить обувь. Куда уйдет Ира?

На мгновение допустите мысль, что это ваша дочь или младшая сестра. Представьте, это ваша мать. И на старости лет она вдруг расскажет вам об оплаканном детстве. И вы будете сжимать кулаки, но ничего не сможете сделать. Крепкины же услышали о ее желании и обрадованно сказали: «Приходи! Ждем!»

И тогда я пошел по ее следам. Правда, сначала спросил: «Ира, откуда ты?» И, не смутившись, не застыдившись за тех людей, что произвели ее на свет, она все же вспыхнула яркостью щек и просто ответила: «Я не знаю. Меня сдали в Дом ребенка».

Мы сдаем белье в стирку, ботинки в ремонт. И можем, как выясняется, сдать часть своей плоти, оторванной беспощадно, бездумно, бесчеловечно, просто так оторвать от себя, сдать, забыть, не требуя квитанции на получение. Сдать свое, родное, кровное, орущее, еще не знающее — это навсегда!

Смотрю на нее и кричу беззвучно: «Где же вы, кретины-родители? Где же вы, подлые негодяи? Пусть минует вас радость материнства. Пусть в одиноких старческих снах приснится вам эта девочка, которую за вас вырастила Советская власть!» Здесь, в интернате, где Ира училась, мне восторженно рассказывали о ее прекрасных человеческих качествах. Не оттого ли пришла такая женщина, и Ира понравилась ей, и женщина удочерила ее? И все воспитатели были счастливы, как бывает всегда, если кто-то из их детей получает свою долю тепла. Кажется, та женщина была художница, она учила Иру рисовать. И я понял, откуда у нее несравненный фасон школьного фартука... Но прошло время, и та женщина привела Иру обратно...

Двадцать три года работает в детском доме Вера Гордеевна. Это она мне сказала: «Пока Ира здесь жила, она часто приходила ко мне домой, и я все время восхищалась ее золотыми руками. Если бы вы видели, как она шьет! Да, я видел и думаю: Ира может одеть королеву. Только есть неподвластные нам законы, и, если запланировано, этот выпуск детского дома идет в ПТУ, где готовят обувщиков. Ира, так ее и назовем «золотойшейка Ира», идет туда».

Представьте, ваше дитя хочет стать медсестрой, а ее посылают учиться на парикмахера. О, как возмутитесь вы! Как неистребимой силой восстанет праведная родительская любовь против чинуш, которые посмели... Только у Иры никого нет. И она, имея волшебные руки швеи, учится шить чуйки... Но я рад был услышать, что в детдом пришел новый директор и поклялся: «Жизнь положу, но каждый НАШ ребенок пойдет учиться туда, куда он захочет».

Спасибо вам, неведомый мне Эдуард Александрович! Только таким и должен быть отец трехсот детей.

Пишу о том столь подробно, потому

что гнетут меня слова Веры Гордеевны. Пишу и думаю: чему же учили меня в институте физкультуры? Кто? Когда? Где? На какой кафедре института произнес слова о том, что физическое воспитание детей — удел одаренных?

Мы молчим с Верой Гордеевной... За окном, разравнивая пришкольную площадку, создавая свой стадион, бурчит бульдозер. Придут ли сюда тренеры?

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. Что такое судьба? Уточню, чужая судьба. Конкретизирую, судьба постороннего ребенка. Сколько их? И где взять время, чтобы разобраться со своими? Где найти каплю душевного тепла и отдать чужому? Всегда ли добры мы к близким, чтобы думать еще о чужих?

Пишу, задавая вопросы себе, и пытаюсь идти следом за Крепкиными. Нет, не вам — себе задаю вопросы и себе хочу ответить: сделал бы так?

Они приехали в пионерский лагерь под Житомиром... Вера Самойловна рассказала об Олимпийских играх, подписала свои фотографии. А Михаил Степанович обратил ее внимание: «Смотри, вон девочка сидит, грустная, одна и одна». Действительно, сидит хмурая, насупленная. «Давай подойдем, а вдруг кто обидел?» Подсели. Вера Самойловна тронула за локоток, осторожно спросила: «Как зовут-то?» «Тамара». «Чем увлекаешься?» «Меня не берут. Я толстая». «А кто у тебя есть из родных?» «Никого!» Что-то прорвало ее детскую обиду, и начала она перечислять: «Ни папы, ни мамы, ни тети, ни дяди, ни дедушки, ни бабушки...» Вера Самойловна прервала ее: «Успокойся, доченька. — Оборачивается к Михаилу Степановичу: — Может, переведем к себе поближе?»

Прошло время, и Михаил Степанович тормозит жену: «Вера, надо ехать». «Куда?» «Да, к той, черной, помнишь? Нашел адрес детдома». А Вера Самойловна вздохнула и отвечает: «Михалыч, ну, не можем мы со всей страны собрать сирот. И у меня сил поубавилось. Да вряд ли что из нее выйдет». «Как не выйдет? А вспомни себя! Пусть для здоровья занимается, пусть фигуру исправит. И то польза для сироты!». Вздохнула Вера Самойловна: «Иди покупай билеты!».

Приехали. Люди чужие, незнакомые, советуют Тамаре, окончив восьмилетку, переехать в Киев. Директор задает вопрос: «Вы ее родственники?» Крепкин и отвечает: «У нас одно родство: мы с женой коммунисты, а она комсомолка. Как вы думаете, имеем право сиротской судьбой заниматься?»

...Уезжают Крепкины. Тамара провожает их до ворот. Михаил Степанович спрашивает: «А вам деньги дают? Может, тебе нужны? Мы люди небогатые, но, может, чего захочешь купить?» Тамара удивленно посмотрела: «Деньги? Не дают». «А если дадим, сколько надо?» «Рубля три». Крепкин выдал ей пять рублей.

Ровно через год Тамара объявилась у них на квартире. Крепкины переполошились: «Откуда? Где взяла деньги?» Тамара разжала руку, а там смятый билет Любар — Киев стоимостью 4 рубля 50 копеек и мелочь. «Вы же дали мне пять рублей! Я согласна учиться, если можете».

НЕ ТАКИЕ УЖ ОНИ ЛЕГКИЕ, ЭТИ СТАРТОВЫЕ КОЛОДКИ. НО ВЕДЬ И СТАРТ — ДЕЛО НЕЛЕГКОЕ, А ВСЕ С НЕГО НАЧИНАЕТСЯ.

НЕ КАЖДОМУ ВЫПАДАЕТ ТАКОЕ — ТРЕНИРОВАТЬСЯ РЯДОМ С ОЛИМПИЙСКОЙ ЧЕМПИОНКОЙ.

У КОСТРА, КАК У ДОМАШНЕГО ОЧАГА

Идет Михаил Степанович к директору интерната, где учились их воспитанники Люда Тесленко, братья Вороновы, сестры Еременко и еще... А директор Петро Кузьмич Гончаренко (светлая ему память!) только и спросил: «От вас? Принимаю!»

Осталась Тамара Пашинская в Киеве. 1 сентября получила новую форму. Это была ее первая обновка в жизни. Она ревела. Пришла на тренировку. Неуклюжая, неподвижная. А за спиной Крепкиной очередная реплика: «Опять привели. И кого только набирают!»

А тут еще на территории стадиона вышли участники республиканского пленума. И опять слышны реплики: «И кого Крепкина готовит? И за что ей деньги платят?»

Согласимся с ратателями государственных средств, отпускаемых на спорт. Но лучше спросим Михаила Степановича, за что его жене платят деньги. На этот счет у него свое мнение: здоровье! Будет здоровье, будут дети полезны народному хозяйству; будет здоровье, станут дети спортсменами; будет здоровье, девочки здоровых детей народают...

А Тамара отлично окончила школу, поступила в университет, на физмат. Училась и работала на почте. Приходила в пять утра и до восьми успевала все рассортировать. С тридцати рублей заработной платы вышла на восемьдесят, поскольку работала за троих. Тренировалась. Разъезжала по соревнованиям. Выполнила норму мастера спорта по многоборью ГТО. Во время каникул подрабатывала экскурсоводом. Там и познакомилась. Ждала, когда Заки отслужит в армии. А во время выпускных экзаменов сказала: «Собираюсь замуж, жених в Башкирии, там и свадьба, туда и поедем!» Как? Кто? Посмотреть бы... В общем, известные родительские хлопоты и беспокойство. Жених приехать не смог, но звонил Крепкиным, просил согласия. И по голосу и по тону они поняли: Тамару отпустить можно.

Уехала. Ждут Крепкины ее писем, пишут, наставляют, шлют посылки.

Все бы хорошо, только в жизни такое случается, что... При исполнении служебных обязанностей погиб лейтенант милиции — муж Тамары... А ребенок, как говорят врачи, уже был живой...

Крепкины получили письмо от Тамариной подруги. Она писала: родители мужа требуют, чтобы Тамара избавилась от ребенка. Об этом нелегко писать и трудно слышать... Но из жизни это тоже не вычеркнешь.

Снова звонит подруга. Говорит, если не вмешаетесь, Тамара покончит с собой. Сколько пережито — вспоминать не будем. Все прошло. Вскоре после гибели мужа Тамара родила сына и назвала в честь отца — Заки. И ушла с ним в общежитие. И тогда Крепкины написали: «Приезжай, будем думать». Приехала Тамара: в одной руке чемоданчик, в другой — сын.

На этом бы поставить точку, все страшное позади. Только добро тем и славно, что оно бесконечно, а Тамаре еще понадобятся добрые люди.

ПЕРВЫЕ ШИПОВКИ В ЖИЗНИ! ИХ КУПИЛИ КРЕПКИНЫ ДЕТЯМ В ПОДАРОК НА СОБСТВЕННЫЕ СКРОМНЫЕ СРЕДСТВА.

И ВО ВРЕМЯ СОРЕВНОВАНИЙ УБЕРЕЖЕТ РАЗГОРЯЧЕННЫХ РЕБЯТ ОТ ПРОСТУДЫ ПИДЖАК МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА.

Живет она в квартире у Крепкиных. Не работает. А раз не прописана, пенсию на ребенка выдать не могут. Не будем возмущаться, сына погибшего милиционера все равно надо кормить.

Взяли Крепкины малыша на руки, принесли в больницу. Главный врач ахнула: «У него же рахит последней степени!» И опять идут они по кабинетам и просят устроить Тамару с ребенком в спортивный лагерь.

Многое сделали Крепкины, а вот прописать к себе в квартиру не смогли. Пришли ко второму секретарю ЦК комсомола (сейчас Виктор Иванович Мироненко — первый секретарь ЦК ЛКСМУ). Мироненко за пять минут во всем разбрался, забеспокоился. А когда начали Крепкины извиняться, удивился: «Да вы что! С такими вопросами идите днем и ночью! Это вам спасибо, что такое делаете».

Заки в яслях. Тамара работает в интернате с теми, кто ходит к Крепкиным. И теперь уже, мать, женщина, хлебнувшая горя, она видит детей другими глазами. Расхлябанные, развинченные, все могут: и покурить и выпить. А главное, нет в них струны, которую беспощадно вытягивает спорт в каж-

**ВОСКРЕСНЫМ ДНЕМ
НА ЭКСКУРСИИ В МУЗЕЕ.
ВПЕЧАТЛЕНИЙ ХВАТИТ НАДОЛГО.**

дом, кто захочет стать лучше. Но идет время, и меняются на глазах во внешнем облике, в дисциплине, учебе. Нет, не выходят на высочайшие вершины, требующие беспощадности к себе. Но элементы движений, заставляя напрягать волю и подчинять непослушное тело, — это и есть главное, откуда начинается самодисциплина, так необходимая в жизни подростка.

Когда я встретился с Тамарой, она твердо сказала: «Буду учиться на юрфаке. Буду заниматься криминалистикой. Кто-то из нас — или я, или Заки — будет работать в милиции!»

Люди наши добры, и если эти строки попадутся комсомольцам из киевской милиции, не исключаяю факт: однажды в комнате, где живет Тамара с сыном, объявится делегация с цветами. И это будет приятно. Только лучше не надо... После водопада доброты часто бывает грустно... Доброта ведь не пламя, это — тепло. И лучше, если раз в месяц участковый с комсомольским значком, вежливо взяв под козырек, ненавязчиво спросит: «Чем может помочь киевская милиция?» Пусть так будет. Пусть Заки привыкает к форме, которую он никогда не видел на отце.

24 декабря 1983 года, когда я был в Киеве, Заки исполнилось три года. Он пришел к дедушке и бабушке Крепкиным, и мы пили чай за его здоровье. А

именинник, не сказав ни единого слова, гонял по полу автомобильчики и гудел голосом ревущей машины. Когда я начал собираться, он вдруг вскочил, обхватил меня за колено и закричал: «Папа!»

Я подождал, пока ком опустится в горле, погладил его по головке и сказал: «Будет у тебя папа, Заки, будет. Главное, что тебя спасли люди».

БУДУЩЕЕ

Где-то я прочитал: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки».

Мы не имеем права стрелять в прошлое этих детей... Не будем говорить обо всех, вспомним Иру. Ей отказано в праве иметь родителей. Дважды отказано! Ей отказано в праве заниматься любимым делом. А теперь допустите, пришла она не к Крепкиным, а к тому, кто отказался от нее? Или к другому? И снова отказ. Не много ли?

Что-то меняется в нашем спорте... Сейчас процесс взаимосообщения — одно из главных достоинств спорта — нарушается, все кому-то мешают. Но разве таким должен быть коллектив, где развиваются спортивные и творческие возможности? Когда Вера тренировалась, ее не волновало, кто бежит рядом, важнее другое — как тренируешься ты

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1375) СЕНТЯБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Первое сентября».
Фото
Нины СВИРИДОВОЙ и
Дмитрия
ВОЗДВИЖЕНСКОГО.

- 1 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ. «В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ».
- 2 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
«ВСЕ ДЕТИ НАШИ».
Фотоочерк Александра БОЙКО и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 7 Рассказы Николая ВОРОНОВА и Анатолия МАРКУШИ.
- 10 Александр ТАХ. «БЕССМЕРТНЫЕ».
- 13 ОТЕЧЕСТВО.
«РОСТОК НА КАМНЕ».
Фотоочерк Зория БАЛАЯНА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 Стихи поэтов — участников VIII Всесоюзного совещания молодых писателей.
- 15 Конкурс одного стихотворения «ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».
- 18 НАДО ОБСУДИТЬ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «СЛУЧАЙ ИЛИ СУДЬБА?»
- 21 «НЕ ЧУЖАЯ БЕДА».
Продолжаем разговор о борьбе с пьянством.
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
«Анатолий ИВАНОВ: «ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ».
- 24 Адель АЛЕКСЕЕВА. «ОСТАВИТЬ ПЛАМЯ СВОЙ».
- 28 Александр АНДРЮШКОВ, военный летчик 1-го класса.
«ЛЕТАЕМ РОМБОМ».
- 30 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1984 г.

сам. Ее рекорд мира в беге на 100 метров на гравейной дорожке — предел мечтаний тысяч преуми, имеющих блестящие условия и прекрасные тартановые покрытия, созданные для больших скоростей. Только ведь у них и их тренеров другой заряд и другая нацеленность... Когда Вера еще не была известной, но, бегая, выделялась среди других, на нее смотрели и учились. Сейчас кто-то из маститых гаркнет на ее девочку: «Уберите их, чтобы не мешали!» Кому и кто мешает? Эти дети? На огромных пространствах пустых стадионов?..

Как же можно отказать юному, упрекая его в физическом несовершенстве, в чем он не виноват? Как можно попрекнуть сироту куском государственного хлеба только потому, что тебе дано право распоряжаться этим куском?

По-разному пришлось работать Крепкиной... Вера Самойлова уже двадцать лет трудится на одном месте в детской спортивной школе райсовета «Локомотив». И тридцать восемь лет состоит в обществе! Поставим восклицательный знак, знаменуя не только преданность своему коллективу, куда ты вошла девочкой — работницей паровозного депо, но и отметим деталь: она не позарилась на посулы, какие в отдельных видах спорта и у отдельных лиц достигли размеров катастрофы...

Сегодня наш спорт достиг высочайших вершин. И пусть меньше, не так, как в 1952 году, когда мы увидели своих первых олимпийских чемпионов, но все равно с любовью мы чувствуем новых чемпионов. А сияние, исходящее от их медалей, все так же будоражит покой молодых. И это прекрасно. И пусть встреча с чемпионом маленькой каплей падает на чье-то сознание и отзывается в нем прекрасной мелодией: «Я буду таким же!» Все так же на сияние лучей от медалей слетаются дети, как бабочки, и не будем осуждать их.

И если — да, то вправе ли кто-то услышать отказ? Пишу, хорошо зная обстоятельства, не позволяющие принять в группу. Ограниченность гимнастического зала, размеры ледовой площадки, теснота на дорожках бассейна. Все понимаю, но хочу спросить каждого, кто оттолкнет неуклюжего, бесперспективного мальчика: «Что его ждет? Сигарета? Рюмка? А дальше?» В спорт ведь тянутся те, кто нуждается в жесткой руке, потому что сильные духом, дав клятву и, чего доброго, расписавшись собственной кровью (были и такие случаи!), будут скрипеть зубами, а своего добьются. Из таких выходят новые чемпионы! Но мы говорим о других... О тех, кто мечется на распутье, кто хочет вцепиться в сильную руку и безгласно орать: «Спаси!»

Да, не все будут первыми. Но и спорт не инкубатор чемпионов. Спорт — огромный, радостный мир, где рядом со сладким дурманом победы сочится горький сок поражения. Спорт — это модель, где исполняется жизнь. И каждому, кому государство платит деньги за эту работу, должен знать: от него во многом зависит, выйдет ли человек на дорогу добра или свернет на кривую тропинку.

На этот счет у Крепкиных свое мнение. И они твердо уверены: ни один человек, даже калека, не может жить без спорта. Вот Оля, дочь женщины, лишенной материнских прав. Оля ходит на занятия три месяца, но уже распрямилась и похорошела. Девочка попала в другую обстановку, где главное — радость общения.

А коль так, простите жуткое сравнение, но, честное слово, не знаешь, что лучше: быть круглым сиротой или иметь мать, которая не столько своим непотребным видом, сколько словами, действиями, омерзительным примером пьянства разлагает собственное дитя. Нам трудно поверить, что сегодня, когда у нас все хорошо, где-то бьется истерзанное детское сердце. Оно кровотоцит втихомолку, не кричит, не просит, но плачет...

Пишу, представляя реальную картину. Отобраны лучшие. Но ничего из них не получилось. Не будем упрекать, зафиксируем факт, медаль-то все равно одна. Но кто и когда сочтет ущерб от потерь отторгнутых, сошедших с правильного пути, наконец, опустившихся, больше того — пропавших для общества. Это ведь не учтешь и не предъявишь чиновникам от спорта, надежно прикрытым щитом, где написано: «Выше! Дальше! Быстрее!» И этот правильный и очень необходимый лозунг позволяет им вести себя с непрекращаемой категоричностью. Не все девочки, пришедшие в балетную студию, станут пожими на Уланову, не все мальчики,

поющие в хоре, запоют так, как Шаляпин. Но рядом, облагораживая душу и восхищая нас, существуют тысячи студий и хоров. И это нормально. Но как же слышать, что дети непригодны для совершенствования тела и духа?

И друзей и недоброжелателей Крепкиных я много расспрашивал, пытаюсь выяснить некоторые обстоятельства. И неожиданно в легкоатлетическом манеже услышал фразу дежурной гардеробщицы: «О, опять «крепкины пришли». И чуть позже реплику медсестры: «Снова эти крепкины пришли». Речь шла не о супругах, о группе!

Жизнь в спорте позволила мне водить дружбу с тренерами выдающимися. Но ни разу не довелось мне слышать, чтобы их фамилии перешли к ученикам. Можно ли мечтать о большей чести!

Давно вырастили Крепкины своих сыновей: приемного Александра и своего Андрея. Казалось бы, жить, дожидаясь внуков. А здесь дети-сироты... Трудно поверить, что в середине 80-х такое возможно. Раньше списывала война, а сегодня? Но дети существуют, и проблема остается...

Крепкины со своими детьми и проблемами, как эстафета, передавались по непрерывной цепи доброжелательно заинтересованных секретарей горкома комсомола. Сегодня — Галина Михайловна Лактионова, вчера — Тамара Васильевна Захожая, позавчера — Людмила Федоровна Кудрявцева...

Когда был в Киеве, заместитель председателя Шевченковского райисполкома Тамара Васильевна Захожая заканчивала свой отпуск. Я позвонил ей домой, и мы долго говорили по телефону. А где-то поблизости попискивал маленький сынок. Тамара Васильевна пошутила: «Знает, что о Крепкиных говорим, на занятия просится».

А Галина Михайловна Лактионова сказала о другом: «Есть у нас активисты, имеют они сто почетных грамот, но хотят еще получить сто первую. Сколько Крепкиных знаю, удивляюсь, ни разу ничего не попросили для себя. Только за их бескорыстие комсомол перед ними в долгу. Планов у них нет и нет строгой системы. Но есть стремление помочь каждому! Они стучатся с чужой бедой».

Предпоследний день командировки. Мы говорим с Михаилом Степановичем на ходу: времени нет. Он спешит выкупить путевки и вывезти на каникулы тех, кому ехать некуда. В беседе дошлагали до районного совета ДСО «Локомотив». Я остался возле огромных листов, где графы массовой физкультурной работы четко разделены на ПЛАН и ВЫПОЛНЕНИЕ. Если им верить, дружные колонны железнодорожников Киевского отделения Юго-Западной дороги день и ночь штурмуют спортивные площадки. Стою, читаю, радуюсь всемогущему охвату, а полурзрячий Крепкин в это время тычется из кабинета в другой, в третий, и слышу, как просит он, чтобы кто-то из невидимых чиновников взял заявление, где стоит магическое слово: «Выдать». Но никто заявление брать не хотел...

Из кабинета вышел председатель райсовета ДСО Ю. Н. Сколота. На просьбу Крепкина взять заявление недвусмысленно изрек: «Это ваше дело, вы им и занимайтесь». Через плечо глянул на свои достижения, с гордостью отметил факт моего интереса. И так, на стенах — бумаги и многочисленные нули, а в руках — бумажка, где выписаны десять фамилий.

Я слышал его слова и думал о деньгах, выделенных государством на развитие физической культуры и спорта. Мудрое государство хорошо просчитывает наши недоработки, заранее зная: нет, не сумеем мы подготовить олимпийских чемпионов по всем видам спорта и по всем номерам программы. И, думая так, государство большую долю отпускает на тех, кто приходит, чтобы в спорте стать физически здоровым, окрепнуть нравственно.

Жизнь не стоит на месте... И у Крепкиных тоже. Вера Самойлова так и не научилась носить шляпки — по-северному повязывает голову платком. А Михаил Степанович так и не разжился дубленкой — все ходит в серой шине.

Вот они вышли из дома, только он все чаще опирается на ее руку, так сподручнее, ее глаза нужны ему! Где-то там, в неведомой нам дали, живут их дети. И им надо помочь.

Если мы живем, строим, радуемся, верим, то причиной и неперменной основой остается добро — вечный двигатель нашей жизни. А если изверимся, если во имя своей выгоды перестанем видеть других, недостойных нашего внимания, нам всем будет плохо.

Глоток солнца

Весной, когда попадаешь за город, вдруг становится жаль самого себя. Это чувство не однажды возникало в моей душе, потом я забывал и о нем и о том, что его вызывало, и оно опять возникало и вспоминалось по весне.

То же чувство недавно пробудилось во мне, едва я выпрыгнул из бензиновой духоты автобуса, пыхнувшего тормозным воздухом.

Я увидел глинисто-желтый ствол сосны, на котором жужжали лоскутки кожицы, крону, заваленную ворохами гнезд, кружащихся воронов, горлающих восторженно и картаво.

Скоро должна была отходить электричка на Москву, и я подумал, что надо торопиться, а сам все глядел, как вороны заваливаются с крыла на крыло, отливая булатной синевой.

Возле кассы я узнал, что отправление электрички отодвигается на час: ремонтные работы на дороге, — и начал скакать с рельса на рельс через шпалы, политые мазутом и нефтью.

За путями голубели длинные лужи. Дальше по-над лесом тянулась поляна. Я крутил головой, чтобы ее со всех сторон омывало солнце, и глядел то на землю, из которой выжили ландыши, то на маленькие сосенки — из них уже выметнулись свечи, светились розово, нежно.

Под березами я обнаружил островок каких-то растений: граненые стебли, лиловые цветы.

Если бы не сверко, день был бы жаркий. Ветер шелестел в березах, попискивал в хвое, ронял мохнатые сережки осин.

Я сразу уловил, как среди лесных звуков, вызываемых сверком, возникло это гудение: словно кто-то дернул струну контрабаса, и она громко дрожала.

Не рокоп ли это далекого реактивного самолета? Спутал гудение шмеля с гудением самолета. Вот он, шмель, вот он, голубчик, вывернул из-за ели, сделал вираж над крохотным кленом, еще не расправившим ладошку своего единственного красноватого листочка, и мелькнул к островку низеньких растений, нырнул среди веточек, гудя деловито, глуше, на мгновение задерживаясь над цветками, вероятно, определяя по запаху, есть ли в них пыльца и нектар или нет. Над одним цветком шмель трепетал дольше обычного, сел на его чашечку, напоминающую величиной и формой чашечку ландыша, только до того стянута перед растробом, что внутрь ведет игольчато узкое отверстие, ухватился за эту чашечку передними лапками, и запрокинулся, и, поблескивая брюшком, прилаживался, чтобы уткнуться в цветок, и запустил туда хоботок, и замер — так гуляка припадает с похмелья к стакану с вином.

Рисунок Ильеса АЙДАУРОВА

После шмель еще гудел и петлял меж веток, по-медвежьи неуклюже хватался за чашечки, виснул вверх брюшком, сосал нектар.

То ли он устал бражничать, то ли пьяная тяжесть навалилась, он потянул низко-низко над стланью прошлогодних листьев, приземлился неподалеку возле ландышевой пики. Он уткнулся головой в черный осиновый лист, закрыл ее лапами, затих, и лишь изредка взметывал крыльшками, и они мерцали прожилками, и еще мерцало темное пятнышко на его медных заплечных латах.

Меж прядущими тенями берез качалась дымка света. Как я не догадался, что шмель сел «позагорать». Ну точно: повернулся боком к лучам и застыл, и только ветер гнет крылышко. Повернулся задом наперед, потом другим боком. Греется. И все закрывает голову лапками, будто остерегается, как бы ненароком не получить солнечный удар.

Я стоял, стараясь не шевелиться. А когда переступил с ноги на ногу и стал наклоняться, чтобы лучше разглядеть шмеля, он даже не шелохнулся: заснул.

Я снова переступил. Неудача — задел за хворостинку.

Шмель взвился и улетел.

Я засмеялся. Он, должно быть, так перепугался спросонья, что летит сейчас над поляной со скоростью реактивного истребителя, а из травы в испуге ловят его глазами муравьи, божьи коровки, бабочки, мушье.

Я пошел вдоль края леса. То, что мне посчастливилось наблюдать, как «загорал» шмель, отразилось на моем настроении так, будто я сделал какое-то удивительное открытие.

Из черно-ржавых еловых лап пробивалась изумрудными коготками молодая хвоя, листья осин до сих пор не расчехлились, на ветру порхали перыстые рябины. Все это я видел прежде и ясно помнил, но казалось, что оно позабыто и воспринимается точно впервые.

Весна — не просто повторение, она — обновление земли, воды, деревьев, трав, чувств, взгляда, надежд, нежности.

Она возвращает и обновляет твою печаль по тому прекрасному в природе, чем ты мог любоваться и что мог бы открыть для себя, но пропустил из-за прикованности к городскому круговороту жизни.

Я побродил по сырým тропинкам и, возвращаясь на станцию, прошел мимо холмика, на котором чирикали воробы во все горло.

Платформа пахла теплым бетоном. Пассажиры, облокотясь о перила, созерцали бор и пльвущее над вершинами сосен алюминевое облако.

Никто не спешил садиться в электропоезд, хотя до отправления оставалось немного времени, только в хвостовом вагоне сидела старуха с девушкой.

Когда дзинькнул провод от прикосновения поднявшихся пантографов, все, кто находился на платформе, повернулись к электричке. И тут встала с места старуха. Она двигалась по вагону, придерживаясь за спинки сидений. Девушка следовала позади, расставив руки, готовая подхватить старуху под руки.

В тамбуре девушка спросила беспокойно:

— Бабушка, ты куда?

— Глотну солнца.

Старуха остановилась в дверях вагона, вскинула в небо лицо, отбеленное годами до полотняной бледности, зажмурилась и глубоко вдохнула весенний воздух.

Я побежал по платформе, чтобы сесть в головной вагон. Полоскал волосы в солдце.

До бесконечности...

Было время, когда я ждал лета. Мальчишкой. Купаться в пруду, толочься на переправе в надежде пожить луком-слезуном, жмыхом, горной вишней, свежесрезанными подсолнухами, играть в швай — метить круглым напильником в железное кольцо, брошенное на землю, шик попадания — кольцо, вращаясь, восходит по напильнику и соскакивает... Были годы, когда бредил зимами, где на лыжах с дустволкой бегаю по снегам обочь заячьих и лисьих следов. Снега среди раkitников пахли самаркандскими дынями. Здесь обрета-лись волки. Бесшумно они покидали раkitники, быстрыми махами удалялись в чистое поле, и твоей картечи или пулям лишь оставалось дыривить им вослед сугробы. Был период, когда не терпелось оказаться в сентябре, чтобы в будний день не пустить сына в школу и податься с ним в ельник, тающий рыжики. А когда возникло и окрепло чувство, что Коктебель — моя третья природная привязанность: Урал, Россия, он, — я весь устремился к веснам Киммерии.

Перед полуднем последнего мартовского числа я приезжал в Феодосию. До странности неизменно выпадало ведро: свободное солнце, веселая кольшень бухты с черными танкерами, но ветры — дуновения морских сквозняков.

Город еще малолетний, тускловатый: стекла не помыты, дома накануне косметических прихорашиваний, но обязательно обрадует зеленой, как хризопраз, травой, архитектурными чертами с привкусом греческой, венецианской, генуэзской, армянской старины...

Ты в Крыму, рвался сюда от московских перегрузок, доводящих за холодá до телесной немочи, казалось бы, должен отрешиться от спешки, однако в тебе мчашеся на Коктебель чувство, оно неподвластно рассудочной правоте, и ты, позиркивая из машины на заоконный мир, почти не запечатлеваешь его.

Правда, твое зрение восприняет при виде стрельчатого лба горы Клементьева, и вовсе к тебе вернется пристальность, едва выскочит из-за холма сталистый, с темными оплывами мыс Хамелеон, а то и фиолетовый вприсинь, каким зачастую бывает под высоким светом ранней весной. Миг — и взор приластится к воде, льдисто-прозрачной от остуды. Море курчавится, бликует, слюденеет. Вдали над ним витают туманные волоконца. Канат горизонта дрожит, отслаиваясь от воды к небу, от неба к воде.

Все это вдруг отзовется в душе торжественностью, что приближаешься к родному, пусть кратко, обиталищу, и замешанное на болевой тревоге отчаяние: «Не сбудется... Наверно, не сбудется?» — неуследимо отслоится от души, как будто оно не морочило тебя в часы зимнего томления.

А начнется подъем к поселку (справа двугорбый холм, слева пустующий кемпинг), твои глаза потеряются для восприятия чего бы то ни было: взгляд отымет гора Сюрю-Кая, отымет промыто-серым видом скал, в чем есть светлота отбеленной домашней холстины, зубцами такой четкости и притягательности, как спинной гребень ископаемого ящера, поперечными валами нагорья, которое явно существует для того, чтобы выделить, вконец прояснить красоту каменного хребта, тогда он средю не забудется, потому что подобных скал хотя бы теплотой облика ни в своих, ни в чужих краях не было и нет.

Скоро ты уже катишь садом. Первыми тебя встречают гималайские кедры и аризонские кипарисы. Но не к ним ты летел. О, вот он. Тебе не по нутру черствость его веток и стволов. Да и что тебе до них, коль мечтал о цветении. Счастливо оправдалось ожидание: миндаль в цвету.

Ты не ждал бурной пышности, чем завораживает цветение яблонь, абрикосов, сливы, сирени, акации. Оно еще впереди. Ты ждал кружеватости, пушистой легкости безлистных крон. Ты ждал ненавязчиво белых, розоватых, румяных пятилистных, слагающихся в неправильные шаровые узоры.

Миндальные деревья проскальзывали мимо, обвеивали своим пуховым ароматом. Ты радовался их прелести. И нет-нет щемило почему-то сердце от их одуванчиковой незащищенности.

Автомобиль останавливается возле третьего корпуса. Ты поднимаешься по крутой лестнице в комнату. Бросаешь чемоданы. И на балкон. Поверх вихрастой будлеи, сухих плетей обвойника, опутавшего альгучу, вяз и кипарис, сквозь иглистую, увешанную гремлящими стручками гледичию смотришь на море. Чайка. Парит на дуговидных крыльях, поваживая носом цвета слоновой кости. Чайка. Одиноко ли ей?

Танцуют лучи на всем пространстве залива, стеклянятся марево, канат горизонта от моря к небу, от неба к морю.

«Здравствуй, — произносишь в уме, обращаясь к синему тису возле балкона, к шипастой, погромыхивающей гледичии, к великанскому тополю, выросшему неподалеку от угла дома, к морю, окованному солнечным блеском. — Здравствуй. Я тут».

Бёсны близ Феодосии, в Коктебеле. Год-другой я устремляюсь и к бёсням Киммерии.

Жду ли я сейчас отдельной поры?

Теперь я жду лишь того, чтобы продлилась жизнь. При мне. До бесконечности после.

Обелиск в степи

Сколько себя помню, всегда я хотел летать. Хотел — и всё, хотя никогда не умел и не пытался приводить сколько-нибудь веских доводов — для чего мне летать. Хочу!

Только вот ведь какая штука, даже самого большого «хочу» в жизни нашей бывает недостаточно... При первой практической попытке приобщиться к авиации я узнал с помощью медиков, что у меня врожденное, неизлечимое разноглазие — один глаз видит лучше, другой — хуже, и оба малость недобирают до нормы. Словом, «жить, говорят, будете, любить, говорят, будете, летать — никогда...».

С медицинской, состоящей при авиации, спорить бесполезно, с досады и от собственного бессилия я поступил в авиационный техникум. Специальность выбрал — точные приборы. Так я оказался причастным к авиации. Не стану изображать дело так, будто с той поры я погибаю от страданий, когда приходится провозить кого-то в полет, а самому оставаться на земле. Привык: летают другие. Человек ко всему привыкает. Но общаться с летным составом, это я давно уже заметил, мне затруднительно. Конечно, я понимал: ни один летчик на свете, ни один штурман или бортмеханик не виноваты в моей непригодности к летной работе... Выходит, что?... Выходит — зависть...

И так было не день, не два, долго так было.

Но тут мне предложили одну работу. Вскоре оформился.

Дня через два вызывает заместитель Главного. По какой он части был зам, я еще не знал, не успел выяснить, и для чего ему потребовался, — тоже. Пошел.

Рысев оказался пожилым, в глубоких морщинах; я сразу заметил его мягкие, крадчивые манеры и насторожился. Рысев предложил мне сесть, называл по имени и отчеству, обращался, разумеется, на «вы».

— Скажите, Валентин Дмитриевич, вы человек коммуникабельный, как сами считаете? — спросил меня Рысев и едва заметно улыбнулся.

— Стараюсь.

— Это хорошо... А к авиации вы как относитесь?

— Положительно, — сказал я, никак не ухватывая хода его мысли.

— Понятно, а если точнее — пылко, эмоционально обостренно или, возможно, рассудочно?..

— Затрудняюсь сказать... Когда-то я рвался в летчики, можно сказать, горел... — И тут я заметил: Рысев вроде бы насторожился, повел большими ушами и сразу спросил:

— Вам известно, что я зам по летным испытаниям?

— Нет.

— Примите к сведению. А речь вот о чем: мы заняты доводкой весьма любопытной системы. Ее основа — летательный аппарат. Аппарат — носитель сверхчувствительного контрольно-измерительного комплекса. Комплекс в окончательном состоянии должен быть полностью автоматизированным. Но пока идет отладка, кое-какие параметры мы измеряем, так сказать, вручную — обычными приборами... Улавливаете?

Требование к приборам — точность, точность и еще сто раз точность.

Так как вы смотрите на то, чтобы полетать с этими приборами, присмотреть за ними? Работа, может, и не ах, но ответственная и очень нужная...

— Если вы полагаете, что я справлюсь.

— Не знаю, но хочу верить, — сказал Рысев. — Учтите, у вас будут две трудности: первая — экипаж. Ведет испытания наш лучший летчик, но ведь самый-самый пилот — обязательно еще и душа-человек... Словом, трудная личность — командир! И вторая трудность — в аппарат понапишали всего и еще чуть-чуть, так что повернуться совершенно негде. — Тут Рысев оценивающе поглядел на меня, и я почувствовал острое раздражение: кому может понравиться, если его выбирают по весу, росту... да-да, я был не только разноглазым, но еще и худым, низкорослым и вообще...

На испытательной базе мне дали два дня для знакомства с материальной частью, заинтересовались, когда я последний раз прыгал с парашютом, и предупредили: Шебенко строг, учти. И трепачей Виктор Иванович органически не переносит, особенно не расстраивайся при нем...

Ну, что ж, я поблагодарил в душе доброжелателей и стал ждать встречи.

Шебенко оказался мужчиной лет сорока пяти, худощавым, на вид несколько старообразным, не слишком разговорчивым. Во всяком случае, из нашего первого знакомства мне запомнились только эти его слова:

— Измерительный комплекс — кот в мешке! И этот гибрид, — он махнул рукой в сторону машины, — не по уму... Если расчет на автоматику, так нечего было экипаж задействовать, а если на экипаж, так надо бы дать возможность вмешиваться в действия комплекса нам... Я главному говорил, но пока без последствий...

Шебенко ушел по своим делам, а я остался под рукой у Борисова — ведущего инженера. Он показал мне немислимый закуток, где торчали приборы моего заведования, пояснил, что, когда и как следует включать и выключать, посоветовал потренироваться и, прежде чем оставить меня наедине с техникой, спросил вызывающе:

— Водку пьешь?

— Не особенно, — сказал я, постеснявшись признаться, что от одного только винного запаха меня воротит с души.

— Жаль! — то ли всерьез, то ли иронически прокомментировал Борисов и помахал мне на прощанье: счастливо, мол, оставаться.

Часа два я пытался представить себе полет и репетировал мои действия: включаю питание на первую группу... устанавливаю ноль на шкалах высотометров... включаю питание второй группы... записываю показания барометра... ввожу координаты отсчета...

Потом я старался вообразить, что мне могут приказать в полете Шебенко или Борисов: проверить, отключить, зафиксировать... В какой-то момент я вспомнил о парашюте, и мне сделалось смешно: парашют сиротливо лежал у входной двери, но как, в случае чего, его пристегивать к подвесной системе, как вообще до него дотянуться, если рук было не поднять и поворачивался я в своем закутке еле-еле.

Тут же решил: про парашют ни за что спрашивать не стану. Первый полет... какое впечатление может произвести такой вопрос на Шебенко... может быть, после...

Но вскоре я забыл обо всем на свете: мне было жарко и тесно. Тесно и жарко.

Перед вылетом Шебенко коротко объяснил задание и сказал в заключение:

— Работаем, как обычно, от могилы... Со взлета до могилы — четыре минуты: штурману и тебе, — он посмотрел в мою сторону, — поворачиваться проворно. Вопросы? Нет вопросов. Сверяем часы: семь двадцать две...

Должен сказать сразу — полета я не видел: с моего, извините за выражение, места ни земля, ни небо не просматривались. Я делал, что надо было и, вероятно, делал правильно, потому что меня никто в полете (и после полета тоже) не обругал.

А впечатления?

Грохот, теснота и жарища... или так — жарища, теснота и грохот.

Ночью, когда я растянулся наконец на собственной постели, когда сон почему-то не шел, я снова слышал тяжкий гул над головой, редкие хлопки и пронзительный зуд, и тогда мне стало представляться, как все было... Вот я увидел летательный аппарат-носитель: очень большой, неуклюжий на вид и такой тесный изнутри — мне не понравился носитель... Загадочный суперкомплекс, ради которого нагородили весь огород, господствовал надо всеми, подавлял... Наверное, это было нехорошо с моей стороны, но я подумал: а стоит ли этот комплекс моих мучений? И здесь мне сразу увиделся Шебенко... Истергая до белизны на плечах кожаная куртка, заносенные спортивные брюки с некогда лимонно-желтыми лампасами, дешевые кеды, затянутые совершенно новыми, белыми шнурками... Или жадный?

Потом я заснул.

А когда продрал глаза, надо было торопиться: времени на сборы, завтрак и прочее оставалось в обрез.

Мы летали день за днем. И я даже не могу сказать, было ли это трудно, приятно, интересно, страшно или весело... Может, потому я ничего не в состоянии припомнить, что видел лишь доверенные моему попечению приборы, а ни земли, ни неба даже самой крошки не наблюдал. Одно подтверждаю достоверно: ничего особенного, из ряда вон выходящего в наших полетах не происходило. Мы начинали режим «от могилы», как сказал Шебенко в первый день знакомства, и завершали его в той же точке.

Семнадцатого августа Шебенко объявил:

— Завтра не летаем. Соберемся у столовой в девять.

Мне никто не сказал ни слова, но я сразу почувствовал: мои фирменные джинсы, моя легкомысленная в мелких цветочках рубашечка и светло-голубые кроссовки — неуместны. Шебенко невзирая на жару был в синем, хорошо сшитом костюме, при галстучке, Борисов тоже приоделся, и остальные выглядели весьма импозантно...

К нам подошла незнакомая мне женщина. В руках у нее был огромный сноп гвоздик. Она отдала цветы Шебенко. Он было полез за деньгами, но женщина взглянула прострельно:

— Что за паника, Виктор Иванович? Потом...

И Шебенко спрятал кошелек.

Нам подали зеленый «рафик», все, кроме женщины, принесшей цветы, расселись в машине, и шофер, не спрашивая куда, поехал.

Мне досталось место в конце салона, обзор слева закрывал своей могучей массой Борисов, справа окошко закрывала салатного цвета шелковая занавеска, так что за дорогой я не следил. Ехали мы недолго — минут пятнадцать. Когда «рафик» остановился, я понял: мы где-то за аэродромом, в степи. Все чинно вышли из машины, последним — я.

Действительно, вокруг была степь — ровная, выгоревшая, подернутая голубоватым, трепетно струившимся маревом. А слева от нас над степью поднималось громадное крыло из нержавеющей стали, стилизованное птичье крыло, будто бы росшее из земли... Невольно я глянул на экипаж и, признаюсь, растерялся: все они постарели... Клянусь, лет на двадцать прибавилось мужикам. И все молчали.

Шебенко положил сноп красных бархатистых гвоздик к крылу. Выдержал паузу и первым полез в машину.

Над степью трещали кузнечики.

Откуда-то из дальнего далека едва доносилось жужжание перегруженного двигателя — видно, тяжелая машина одолевала трудный подъем.

С тех пор минуло пятнадцать лет.

Уже не один год я работаю летчиком-испытателем. Как это случилось, разговор особый, сейчас скажу только: преодолеть мое разноглазие, а точнее, обойти бдительность медицины и вырвать персональный допуск, «в порядке исключения», помог Шебенко... Будет случай, расскажу подробнее.

На днях удивил меня Виктор Иванович: попросился ко мне в экипаж вторым пилотом...

— Летать не дают, во всяком случае, командиром... Устарел, говорят... Вторым возьмешь? — только и сказал.

И еще: не так давно я узнал, что под тем крылом — трое:

Волков Анатолий Михайлович,

Прищепов Дмитрий Силантьевич,

Селенга Иван Архипович.

Лежат, где упали.

Один уцелел. Шебенко. Он был в том экипаже, как я у него, оператором. Все говорили тогда — чудо. Он молчал. Он и теперь молчит.

Сталинградский ЛИСТ

Никогда я не увлекался шахматами или рыбной ловлей, охотой или, скажем, рысистыми испытаниями лошадей. Так уж воспитали: работа, работа и работа. Только не подумайте — хвалится. Гордиться тут совершенно нечем, скорее, сожалеть надо: жизнь на исходе, а страсть, азарт прошли стороной... Утешаюсь, как могу, — не каждому, мол, дано... Да-а, один вот родился с абсолютным музыкальным слухом, а другой — нет, и тут уж ничего не поделаешь.

Впрочем, если разобраться как следует, то и у меня, пожалуй, кое-какие пристрастия, кроме работы, обнаружатся. Но сначала кое-что о моей работе.

Раньше такое славное бытовало в жизни словечко — мастеровой. Оно и к плотнику, и к слесарю, и к токарю могло быть отнесено; суть словечка не в том заключалась, что делал человек, а как! Если работал основательно, сноровисто, на совесть, а иначе сказать, мастеровито, то и был тот человек мастеровой.

Рисунки Юрия ИВАНОВА

Я — из мастеровых и сам мастеровой. Начинать слесаришкой, подрост и как-то незаметно к станкам приспособился, а в армии из меня сделали сперва моториста, а потом авиационного механика.

Служба, скажу откровенно, не для всякого: мороз, ветер, ночь, день — значения не имеет, самолет должен быть готов к вылету, и никаких уважительных причин, никаких оправданий... Готов — сказать легко, а ежели он приковывался с плоскостями, как решето, если тяга руля высоты на честном слове держится и два цилиндра осколками побиты... Вот и крутись и вводи, как хочешь, в строй. А запасных тяг на складе нет, и цилиндры менять полагается в закрытом помещении, а не под дождем...

— Степаньч, — говорит при том летчик, — умри, а к утру сделай.

Ему-то хорошо: я сделаю, он улетит, а тут сиди и переживай...

Вообще я летчикам не завидую: всю жизнь по самому краю ходить, какая радость? Верно, почетом, наградами они обеспечены. Факт. Многие, между прочим, летчики из механиков вышли, переучились. Сам Покрышкин из технарей. Но меня не тянуло.

Помню, сиделся мой командир Ашот Ованесов с подбитыми плоскостями, покалеченным шасси, подарался на приземлении умеренно, но беда — винт загнул. Как плоскости латать — не вопрос, как шасси перебирать — тоже не вопрос, а что с винтом делать? По довоенным нормам полагалось менять. А на что, когда нет резерва?

Снимаю, разбираю... Кладу погнутую лопасть на сосновую доску сороковку, сороковой накрываю, прошу шофера бензоаправщика, значит, аккуратненько наехать, придавить машиной...

— Ты в уме? — не соглашается мужик. Настаиваю.

И что же? Обе лопасти выправил, винт собрал, отбалансировал. Ашот сначала на земле, потом в воздухе опробовал — не трясет.

Или другой пример: балда Остапенко, оружейник наш, так синхронизатор отрегулировать сумел, что сам, своею собственной рукой прострелил лопасть, тоже хорошая потеха была! Как, спрашивается, сквозное отверстие в воздушном винте заделывать? Никто не знает. Не предусмотренный наукой вариант...

— А что ребята скажут, Степаньч? Самострел! Подумай только, — это Ашот мне говорит. И я его понимаю: большие бои идут, некрасиво может получиться.

Пошел в ремонтные мастерские, выточил пробку, потом рассверлил пробочку до нормального отверстия, нарезал газовую резьбу, завернул пробку, расчеканил по окружности, шлифанул. Зову Остапенко, спрашиваю:

— Ну найдешь свою дырку, балбес?

Не нашел. А я торжествую: смог, отважился! Вот такая у меня работа была.

Пристрастился я еще мальчишкой к картам географическим. Очень мне нравилось глядеть на них и воображать, что да как там, на настоящей земле выглядит, что вот за этим малюсеньким значком «скрывается»? Крестик черненький, вроде жучок малый, — церковь, а якорек — пристань, а вот тоносенькие коричневые ниточки-линии одна к одной стягиваются, густеют — и, пожалуйста, обрыв... а рядом — мелколесье, болото, гать.

И хоть сам я на войне не летал, скажу честно, в полетных картах разбирался всем штурманам на удивление: читал свободно, без ошибок и, как Ашот сказал, «с выражением!». Больше всего я любил пятикилометровки — очень выразительные они, а если такую карту чуть-чуть подкрасить — иллюминировать — лучше и не придумаешь масштаба. Когда время выпадало, я и Ашоту и другим летчикам, случалось, на свой вкус подготавливал, и никто никогда не обижался, благодарили.

Попадали мне в руки и трофейные карты. Что сказать? Бумага была хорошая — плотная и гладкая. Подсвечены типографским способом. Четкие и яркие были карты. Только шрифты их мне не нравились — жирноваты, рябили из-за этого надписи.

Как началось, и не помню, только стали ко мне разные полетные карты стекаться и придираеть: вот миллионка района Москвы. На ней типографским способом маршрут воздушного парада. Редкая штука! Есть листы Харькова, Киева, Минска — совершенно девственные, несонутые даже, а есть обтрепанные склейки районов Варшавы, Кенигсберга, Берлина... Для меня эти карты — живая память войны... Берегу.

Нет, я не собираюсь домашний музей устраивать. Просто, когда жизнь вдруг дает пробуксовку, перестает ладиться, достаю старые карты, перекалдываю, подклеиваю, ухожу туда — марш назад совершаю, и... становится легче.

Не так давно получил я неожиданный подарок: Сталинградский лист. Двухкилометровка. Сильно потраченная, хранящая следы планшетных перегибов, исчерченная простым карандашом и против всех правил красными чернильными овалами карта. Насколько могу судить, с этой картой летали на разведку, а возможно, и на бомбежку немецких артиллерийских позиций. Прислал карту Ашот, и письмо от него было — не дай бог.

Писал, что доживает, болен, надежд никаких; просил принять на память о нем лист штурманской карты и объяснял, что хранил ее, «дабы не забывать о безрассудствах молодости». Оказалось, в сорок втором мой Ованесов был разжалован, изгнан из истребительной авиации и совершил тридцать четыре вылета — «штрафных!» — на штурмовике Ил-2. «Эх, Степаньч, мне бы тогдашнее мое нахальство и силу — теперь! И как бы отступил. Но все проходит. Так что прощай, старина, и держись крепче!»

Не один Ашот Ильич был надо мной командиром, только ведь никто больше про своего механика не вспомнил. Может, конечно, беда его лицом к прошлому повернула, не знаю.

Ездил я к нему в Нальчик, но рассказывать про то не стану. Ни к чему.

А теперь самое трудное... стыдно... Но раз взялся, должен. Прихожу с работы. Я как был механиком, так и остался, правда, последние годы в автосервисе работаю.

Прихожу с работы.

Навстречу мне Артем — первоклассник, младший внук.

— Деда-деда, — болтает Артемка, а я вижу: в руках у него книга, должно быть, учебник, обернут в полетную карту, понимаю, узнаю — двухкилометровка, Сталинградский лист.

Знаю, ребенок неприкосновенен, нельзя бить ребенка... Да нашло на меня тут, когда я изрезанный Сталинградский лист, Ашотов лист, увидел...

Артемка потом винулся, прощения просил, только мне от его слов вовсе и не легче, а только горше: моя вина, и ничья больше, — не научил мальчишка моего перед памятью тех лет, времен трепетать, во фронт становиться, шапчонку дергивать и умолкать... Виноват.

БЕССМЕРТНЫЕ

Часы Времени отсчитывают годы жизни. Людей, государств, народов...
В календаре — даты, которые никогда не исчезнут из памяти. Сорок лет тому назад Советская Армия освободила всю территорию нашей страны и приступила к великой освободительной миссии.

Листаем странички календаря 1984 года...
40 лет назад началось освобождение Польши от фашистских захватчиков — 22 июля польский народ отметил День возрождения. 23 августа — 40 лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига. 29 августа — сороковая годовщина со дня начала Словацкого национального антифашистского восстания. 20 октября — сорокалетие освобождения столицы Югославии Белграда от нацистских оккупантов...

9 сентября 1984 года будет 40 лет социалистической революции в Болгарии. Этот день навечно вписан в летопись революционной борьбы братского болгарского народа, которую он вел долгие годы под руководством героической БКП. Огромных жертв стоила долгожданная свобода. Она пришла под знаменем Советской Армии, при ее решающей помощи и была встречена всеобщим ликованием.

Среди героев Болгарии, связавших свою судьбу с Россией, с Советским Союзом, династия мужественных борцов — семья Карастояновых. О ней — этот документальный очерк...

Александр ТАХ

Вечерний сумрак мягко ложился на землю. С берегов Дуная в комнату врвался свежий, пахучий ветер. Сквозь тишину улиц доносились шум лебедок, скрежет поднимаемых якорей, гудки пароходов, уходящих в рейс.

Александр тихо открыл дверь в детскую комнату. Леночка уже спала. Лилия сидела на низеньком стуле, слушая старинную сказку. Услышав шаги и увидев мужа, Георгица закрыла книжку, положила ее на тумбочку и стала укладывать дочурку спать.

— Извини, не мог раньше, — сказал Александр, устало опускаясь в кресло. Болела голова, в ушах стоял нестерпимый шум голосов. Все, о чем говорилось в партийном клубе, приобретало сейчас непревиденную остроту...

После ужина он достал книгу о Василе Левском, перелистал страницу, другую и, подняв густые брови, произнес:

— Гица, милая, послушай, что писал Левский еще в канун русско-турецкой войны: «Осуществить коренное преобразование теперешней государственной деспотическо-тиранической системы в результате общей революции и установить демократическую республику...» И только через всеобщее народное восстание!

Он задумался. Потом сказал:

— Отец мне говорил, как он с Левским обсуждал вопросы тактики, как восхищался его умом. А когда прочел проект Закона о народе, был просто потрясен. Это же была подлинно народная конституция...

Часы гулко пробили полночь.

**АЛЕКСАНДР
КАРАСТОЯНОВ**

Отец Александра, Гаврил Карастоянов, был сподвижником Васила Левского, участвовал в освободительной русско-турецкой войне против османского ига.

В молодости Гаврил окончил педагогическое училище в родном городе Ломе. Его крестный отец, известный просветитель и педагог Кривошурка, давая задания ученикам, пользовался книгой «Болгарский букварь», полученной от профессора Харьковского университета Марина Дринова. Молодой Гаврил рано пристрастился к чтению книг, писал стихи.

... Однажды дом Карастоянова посетил Васил Левский.

— Согласны ли вы приступить к созданию в Ломе конного партизанского отряда и взять на себя командование для защиты города от возможных зверств башибузуков? — спросил Левский.

— Согласен! — произнес Гаврил не раздумывая.

В ноябре 1877 года русская армия одержала блистатель-

ную победу при взятии Плевена. Болгарское население Ломы ликовало. Турецкие войска отступали на запад, к Видину. Возникшее безвластие в Ломе башибузуцкие банды пытались использовать и хотели поджечь город, но были встречены и разбиты конным отрядом Гаврила Карастоянова. В то время русская разведка собирала сведения для решения наиболее важной задачи — найти удобное место для форсирования Дуная в районе Ломы. Гаврил Карастоянов решил помочь «братушкам». Он откупил удобный участок на берегу реки у подножия холма. Турецкие власти не подозревали, что болгарские рыбаки под видом рыбной ловли измеряли дно реки, готовили места для установки русских орудий в качестве предмостного укрепления при форсировании Дуная.

После вступления русских войск на болгарскую землю генерал Струков назначил Гаврила Карастоянова градоначальником Ломы. Десятилетний Александр постоянно помогал отцу во всех его делах и получил в подарок книжку Васила Левского «Заповеди рабочим освобожденного народа».

Вся жизнь отца стала для Александра примером.

... Сентябрь 1923 года. До начала антифашистского восстания оставались считанные дни. Доктор Карастоянов, используя богатый опыт, накопленный русскими большевиками в борьбе с самодержавием, организовал крепкую революционную группу и возглавил ее. И когда партия коммунистов в ответ на монархо-фашистский переворот призвала народ подняться, советник городской общины доктор Карастоянов возглавил штаб восстания и руководил всеми действиями повстанцев. До последнего часа.

Восстание началось в ночь на 23 сентября 1923 года. Повстанцы захватили электростанцию, воинские казармы, атаковали пограничный участок на Дунае. Начался марш в сельские районы.

Утром 26 сентября доктор Карастоянов с повстанцами прибыл в село Голиницы для встречи с руководителями районного штаба и попал в засаду. Повстанцев повели на расстрел.

Последние минуты жизни. Лучшие годы отданы борьбе за свободу. Отец ему часто говорил:

— Твоя судьба — судьба народа! Ничто и никогда не заменит тебе кровной связи с отчизной. На твоё место встанут другие, если наступит твой последний час.

Солдаты ждут команды.

Раздается залп...

Георгица скрылась в доме акушерки Стоянки Петровой. Там она узнала о гибели мужа. А на третий день ее арестовали.

Из тусклого окна трюма баржи видна переполненная пристань. Офицеры и жандармы оттесняли от берега родных и близких захваченных повстанцев. Баржи, превращенные в плавучие тюрьмы, медленно отчаливали от пристани. Над Дунаем стояли крики, стоны. Брань конвоиров, тревожные гудки буксира, тянущего баржи на фарватер реки, бесконечной болью отзывались в сердцах людей, оставшихся на берегу.

За участие в восстании Георгица была приговорена к смертной казни, замененной ввиду беременности длительным тюремным заключением. Часовые разрешили ей свидание с дочерью — Леной и Лилией. В тюрьме она родила сына и назвала его в честь отца Сашей. С помощью друзей Лилию и Лену удалось отправить к сестре мужа в Варну.

В январе 1924 года под давлением мировой общественности, прогрессивных организаций страны правительство Цанкова объявляет амнистию. Георгица на свободе. Дети вернулись из Варны.

Опустевший дом разграблен. Дрожащий язык пламени керосиновой лампы высвечивает рваные обои, тускло освещая комнату. Мокрый снег ложится на холодную землю. С

Дуная плывет густой белесый туман, заволакивая серое небо, вершины гор, кварталы домов. Сырость и стужа...

В один из дней осторожный стук в дверь. В полумраке горящего огарка свечи узнает партийного секретаря Лому Николу Аврамова и его двух друзей. Они тайно вернулись из Югославии по заданию партии, чтобы восстановить разгромленную фашистами партийную организацию города. Молча, испытующе смотрят то на нее, то на спящих детей, словно спрашивая, способна ли она дать убежище. Георгица тихо говорит:

— Располагайтесь в той комнате, там чуть теплее.

Ушли с рассветом. Ночевали в горах. Их охраняли местные комсомольцы. Одного из них выследили, арестовали, пытали. И он сообщил имена подпольщиков. И снова арестована Георгица. Лилии и Елене было разрешено каждое утро ходить в начальное училище, а после уроков возвращаться в камеру тюрьмы.

Пользуясь сообразительностью Лилии, мать дает ей поручения, касающиеся конспиративных связей с подпольными группами, и девочка успешно справляется с новыми обязанностями. Часовые строго проверяют у детей ученические тетрадки, пытаются обнаружить «недозволенное», но память Лилии необычайно. Выслушав дочь, мать поражалась ее умению сохранять в уме малейшие подробности встреч с подпольщиками. Под влиянием новой волны протестов мировой общественности Георгице объявляется амнистия. Дорога на Москву — мечта всей ее жизни — открыта!

Последнее прощание с друзьями на вокзале. Слезы разлились, букеты алых гвоздик. Она входит с детьми в вагон, останавливается у открытого окна, машет рукой.

— Я вернусь к вам, вернусь! — говорит она взволнованным голосом. В глазах, влажных от слез, — уходящий перрон и поднятые руки друзей...

**ГЕОРГИЦА
КАРАСТОЯНОВА**

В немецком городе Эггсбурге ее встречали коммунисты — члены городской общины. Детей поместили сначала в детский дом МОПРа, а позднее отправили в Москву. Советская страна встретила их ласково и сердечно.

... Кабинет Емельяна Михайловича Ярославского наполнил старинную библиотеку. Высокие стеллажи почти до потолка заполнены книгами. Главная тема — история партии, революционного движения в России, движения декабристов, народолюбцев, группы Благоева, французских коммунаров, английских рабочих.

Лилия часто заходила сюда, с взрослой пылкостью вчитывалась в названия книг, Емельян Михайлович доставал ей книги Пушкина, Добролюбова. Рассказывал о Чернышевском, о Свердлове, о Фрунзе. Рассказывал о Ленине.

Всю дорогу до чеховской усадьбы Мелихово мать и дочь молчали. Все мысли — о маленьком Саше. Машина свернула с косогора на проселочную дорогу. В низине стоял старинный дом с колоннами. Их встретила воспитательница.

— Сейчас вы увидите его! — сказала она. Пятилетний мальчик вошел в прихожую, остановился.

— Саша, ты узнаешь свою маму? — У меня нет мамы, — сказал он вдруг тихо. Тогда Лилия взяла его на руки.

— Мама была в Болгарии, а теперь она с нами. Подойди к ней, не бойся. Георгица обняла Сашу, покрывала его лицо поцелуями, приговаривая:

— Сынок мой, детка моя родная, когда-нибудь ты узнаешь, сколько я вынесла, пока увиделась с тобой!

Она провела с сыном всего день, поздно вечером вернулась в Москву. И снова учеба в Международной ленинской школе. В 1930 году Георгицу Карастоянову принимают в ряды ВКП(б). После учебы она руководитель балканского сектора женщин в Коминтерне. Дети растут, учатся, кончают школу.

Лилия много читает, пишет взволнованное письмо Николаю Островскому о его книге «Как закалялась сталь», начинает работать в издательстве «Молодая гвардия». За рассказ «Жанна», посвященный героям Парижской коммуны, получает первую премию на молодежном конкурсе. А потом неожиданная и радостная новость: ее переводят в редакцию газеты «Комсомольская правда».

Но думы о родине не оставляют ее. Она делится своими мыслями с матерью.

— Да, моя девочка! Наша родина, наша Болгария... Я, наверное, скоро уеду. Но ты не волнуйся. Так надо. Ты же знаешь: я боец партии.

Своему другу Раде Болгаровой Георгица говорит перед отъездом:

— Я еду бороться с тиранией, помочь нашим товарищам. Им там очень трудно. Мое решение бесповоротно. Я хочу, чтобы мои дети, когда они вырастут, поняли: иначе поступить я не могла!

В Москве Лилия напряженно работает, бывает на заводах, фабриках. Готовит статьи, дежурит по редакции, выезжает в командировки в Саратов, Куйбышев, Вологду.

И постоянные думы о матери. Что с ней, где она, жива ли? Теряясь в мучительных догадках, она пишет ей письмо, опубликованное в «Правде». Подписывается чужим именем, надеясь, что мать получит газету, посланную из Москвы, и поймет, кому адресовано письмо.

«Ты далеко. И только твой портрет, твои дорогие черты напоминают мне о том, сколько нам пришлось выдержать горя в тюрьме... Я ничего не забыла — ни голодных дней, ни сырого карцера, ни расстрелянного отца.»

Мое счастье добыто ценой дорогой крови революционеров. Здесь, на русской земле, я, дочь болгарских революционеров, обрела новую родину...

Родная, ни расстояние, ни время не изгладят чувства нежной любви и благоговения перед тобой, лучшая из матерей. Мне хочется обнять тебя крепко и нежно. Звать тебя сюда я не имею права: ты нужна там. Но я верю, что настанет время, когда мы встретимся с тобой на свободной, счастливой земле...

...**«Ты, конечно, идеализируешь меня! — пишет мать дочери в ответном письме. — Я совсем не героиня и далеко не совершенство. Я революционерка, а это значит, что живу не только для себя. Я свое личное счастье не могу отделить от необходимой борьбы. И я борюсь потому, что верю в торжество нашей победы. Это требует жертв, мы это знаем и готовы на них.»**

Великая Отечественная война. Лилия с нетерпением ждет писем от мужа. Он где-то под Сталинградом, на Калининском фронте, редактирует дивизионную газету, часто бывает на передовой — и тогда в руках автомат, а в планшетке записная книжка. Идут письма в Москву, в Серебряный бор, от корреспондента «Комсомольской правды» Александра Слепянова. Она перечитывает их по нескольку раз, а потом едет к его родителям, и те молча, утирая слезы, слушают, как Лилия читает им письма сына.

30 июня 1941 г.

«Милая Лилия, жена моя!

...Я горжусь тобой, горжусь и хочу быть достоин тебя. Будь тверда, моя милая! Работай энергично. Именно сейчас в тебе рождается журналист. Не сомневаюсь в твоём полном успехе. Горячо целую. Твой муж Саша».

2 июля 1941 г.

«Люлюшенька милая. Рад за тебя. Работай спокойно. Тебе помогают все, кто может. Уверен, что ты не только поддержишь журналистскую честь нашего семейства, но достигнешь еще большей высоты. На всю жизнь твой Саша».

2 октября 1941 г.

«Дорогая моя, нежно любимая!

Ты хорошо знаешь своего Сашку, его слабости и его достоинства. Думаю, что этой ночью уже уеду. Сейчас не знаю, в каком направлении, но, наверно, под Москву. Будь за меня спокойна и решительна. Держись смело и решительно в бою. До скорой встречи, до радостного дня Победы.

Твой Саша».

28 мая 1942 г.

«Дорогая моя!

Сейчас работаю над несколькими рассказами, которые составят книжку. Думаю дать ей заглавие «Такое время на войне». Хочу показать, что фронт не просто выстрелы и взрывы, а больше интеллектуальная борьба людей. Расскажу, как фронтовики думают о научных диссертациях, открывают у себя музыкальный талант.

Пиши, твой Саша».

А вскоре в одном из боев Саша героически погибает в схватке с танками противника. И когда Лилия приходит к Слепяновым, они молча всматриваются в ее почерневшее лицо, подают на стол чайник, кусочки сахара. И ничего не говорят.

В ноябре 1942 года в гостях у редакции «Комсомольской правды» — командующий партизанским соединением генерал Алексей Федорович Федоров. Он рассказывает о героической борьбе против гитлеровских захватчиков на украинской земле.

— Сейчас в нашем соединении есть даже отдел пропаганды, и ему нужен журналист. Может, кто-нибудь желает разделить с нами партизанскую жизнь?

Утель «Москва». В комнате восьмого этажа сидят двое: Федоров и Лилия.

— Откровенно говоря, вам, молодой девушке, будет у нас трудно.

— Я комсомолка и готова перенести все трудности, товарищ генерал. Можете быть спокойны.

— Большой риск, мой друг. Борьба идет не на жизнь, а на смерть.

— Я дочь болгарских революционеров и хочу быть полезной фронту.

— Ну хорошо, собирайтесь. Доложите в редакции о моем согласии. Через две недели вылетает самолетом.

В иллюминаторы самолета проглядывает черное небо. Где-то недалеко лагерь партизан. Пилот уже видит сигнальные точки зажженных костров. Встреча на земле, радостная и волнующая. Теперь Лилия — боец отряда. Она в белом армейском полушубке, затянутом ремнем, на котором подвешен пистолет. Впервые «Комсомольская правда» имеет своего корреспондента в партизанском крае... В соединении выходит партизанская газета «Большевик». В ней со статьями, с пламенными призывами к беспощадной борьбе с ненавистным врагом выступает Лилия, или, как ее называли партизаны, журналистка Лена.

Сколько встреч с советскими людьми в оккупированных немцами районах! На выступления агитбригады, с которой ездит Лена, выходят жители окрестных сел. Лену партизаны любят за ее душевность, отзывчивость, умение переносить трудности походной жизни.

В землянке стучит печатный станок...

**ЛИЛИЯ
КАРАСТОЯНОВА**

Лилей совсем: идет низко, метров сто. Очередь... Жертв нет. Продолжаем работать.

Выставка готова. Не ахти какая. Торопились. Смертельно устала. Ложусь отдохнуть. 9 часов».

1 января 1943 г.

«В землянку входят двое — это знакомые ребята, приехавшие от Шемьянского отряда за сводкой Информбюро. Один из них вынимает кружку с медом.

— Вот вам.

Я, конечно, поблагодарила, но растерялась.

— А чай у вас есть? — спрашивают они.

Отвечаю:

— Нет!

Вынимают из кармана и чай для заварки. Вот Новый год у меня с медом! Какие чудесные, симпатичные ребята! Едем в село проводить беседу. Я и Костя. Нам запрягли двух лошадей, приказали проверить оружие. Легкие сани, много сена. В руках у меня ППШ. Лошади мчат нас по хорошо укатанной дороге, «партизанскому большаку». Правда, до села по прямой 3 км, а нам ехать 8 км: объезжаем укрепления.

До чего же красиво! Зимний лес... И сани мчатся, только снежная пыль летит позади. Высокие сосны под тяжелым снегом искрятся на солнце... Если бы не ППШ в руках, была бы полная иллюзия чудесной прогулки в лес.

Проезжаем Мамаевку — село, дотла сожженное немцами. Торчат столбы, кое-где уцелели заборы. Вдалеке на пригорке можно различить землянки, в которых живет народ. Война!

...В избе десять стариков. Много баб с маленькими детьми. Мне поставили столик со скатертью под иконами.

Я рассказываю им о Москве. Слушали очень тихо...

Командант провожает в другую избу. Там настоящая, беспредельно, беззаветно преданная советская семья. Старик хромой, мать сморщенная, с молодыми, яркими глазами. «Ох, и красивая вы были, мамаша!» «Да, да, доченька, было...» — оживает она. И до того она характерна в платке, повязанном на манер тюрбана, что нарисуй ее — покажется манерным. Рассказывает: сын — летчик. Другой в армии, и от обоих нет сведений... Едем обратно. Темно. Слышна стрельба. В 13 километрах от нас идет бой с немцами».

2 января 1943 г.

«Рано приехали от Шемьякина за мной. Просят выставку: много москвичей, они хотят узнать про Москву. Беру «лейку», еду.

В огромной землянке — москвичи. Чудесные юноши, славные партизаны. Долго и тепло беседуем. Потом они поют. Люблю, когда поют юноши — проникновенно, слаженно, скромно.

Распелись ребята. Чудесную песню поют: «Прости, прощай, подруга дорогая». Закрошь глаза — и чудится Москва. Вдруг гул. Самолеты. Тревога... Выходим из землянок. Три раза разворачиваются «юнкерсы». Сброшено до 100 небольших бомб. 8 самолетов. В деревне Кременец идет бой. Там бомбили больше всего. Пострадал чудесный командир — молодой чехист Галюга. Убито 15 человек. Около отряда Шемьякина упало 2 бомбы. Разрушения: выпали окна у радиоземлянки и на кухне...»

14 января 1943 г.

«...Выпустили первую молодежную листовку: «Красная Армия наступает — час победы близится» — передовая, а на второй — письмо Людмилы Павлюченко.

Сегодня все партизаны по подразделениям принимали присягу. И я принимала. Я партизанка...»

16 января 1943 г.

«Я знаю, читать дневник постороннему будет неудобно. Теперь я думаю так: если я пройду поход с нашим отрядом и не напишу взволнованных, прочувствованных вещей, оставляющих след в душе, я обязана уйти из журналистики. В конце концов все решает человек. Перед собой я должна быть чиста и довольна. А в жизни у меня есть большая радость — мой человек голубоглазый чистый собственный: где ты, сынок? Думаешь ли ты о матери; когда вспомнишь — всегда щемит. Неужели я виновата? Разве я когда-нибудь обвиняла маму? Нет, не обвиняла. Но много раз в отчаянии звала и еще беспомощно страдала. А если погибну я? Во-первых, он мальчик. Во-вторых, у него есть родные. В-третьих, материально в случае моей гибели он будет обеспечен. Я знаю, что, идя на операцию, рискованную жизнь, я ни о чем не буду думать. Только о том, чтобы в случае моей смерти сын не очень осуждал меня, чтобы я не заслужила его упреков. Он — это я. Он вырастет и будет думать так, как думала я. У меня не будет трагедии матери и сына. О, только бы кончилась страшная, опустошающая война. Пусть не мне, другим будет очень светло и очень хорошо! Сегодня улетает Мария. С ней посылаю письмо Ефиму Яковлевичу и хочу отдать дневник. А жизнь идет. Вслух читаем сводку. Наши взяли Россошь, и почти уничтожена сталинградская группировка. Читаем, кричим. Радует. На душе празднично. Вперед — через страшный бой — к светлой победе. За сына, за Москву не пожалею жизни! Все».

...Каратели обложили Клетнянские леса. Партизаны с боями выходили из окружения. По дороге на Черниговщину остановились на привал в селе Будиче. Неожиданно показались немецкие обозы. Начался бой. Немцы терпели поражение. Около избы поодаль от оврага стояли сани, брошенные врагом. Из них торчал ствол миномета. Лилия, следившая за боем, хотела его забрать: трофей, который пригодится партизанам. Пригибаясь, она пробежала метров сто, огляделась. Кругом было тихо. Она чуть привстала. В эту минуту неожиданно ударила очередь гитлеровского автоматчика.

В ее полевой сумке нашли блокнот...

В ночь на 8 марта 1943 года в конспиративной квартире в Софии Георгица Карастоянова слушает сообщение подпольной радиостанции «Христо Ботев»:

«В жестокой схватке с немецкими захватчиками около белорусского села Будиче героически погибла верная дочь нашего народа Лилия Карастоянова. Вечная явля и поклон ей наш!»

Нет! Этого не может быть! В безутешном горе, рыдая, упала на кровать. Вошла Невена, ее друг и помощник. Увидела Георгицу, закрывшую лицо руками, и все поняла. Помогла ей встать, усадила рядом. Георгица выпрямилась, достала из сумки портрет Лилии.

— Я знала, чувствовала, что она пойдет по стопам отца...

Советские войска громят немецкую армию на всех фронтах. В Болгарии для борьбы с немецкими оккупантами на базе партизанских отрядов создана Народно-освободительная армия — НОВА. Георгица получает задание обеспечить связь между штабом НОВА и Заграничным бюро ЦК БКП. Она действует по личной инструкции Георгия Михайловича Димитрова. Соединения НОВА усиливают борьбу против немецких оккупантов. Взрываются вражеские эшелоны, взлетают на воздух склады с боеприпасами. София подвергается бомбардировкам американской авиации. Город почти безлюден. В полуразрушенном доме на тихой улице смонтирована радиостанция, на ней работает отважная коммунистка.

Ранним утром она идет к дому неторопливым шагом. Пересекает сквер, увитый кустами жасмина. Над ней — розовая полоска зари. И синее небо, похожее на волны Дуная. Хочется закрыть глаза, усталые от тревожных ночей, бессоницы. И... от неотступных дум о сыне Саше, дочери Лене, маленьком внуке Лене. Внезапно в тишине улочки гулко раздается выстрел, и она падает, подкошенная вражеской пулей.

Александр, Георгица, Лилия...

Трое из династии Карастояновых не дожили до светлого дня Победы. Они отдали свои жизни во имя любимой Болгарии. Они верили в ее великое будущее и не жалели себя в тяжелые годы. Они остались верны священному долгу, патриоты родной земли, интернационалисты по духу и крови, беспредельно преданные партии и народу. Они любили Россию. Они черпали силу в ее могучей поступи, учились стойкости, выдержке, смелости у советских людей. В дни тяжелых испытаний были с нами в одном строю.

Они оставили о себе святую память. В городе Ломе имя доктора Александра Карастоянова присвоено городской больнице, имя Георгицы — детскому интернату и одной из улиц Софии, в Ломе ей поставлен памятник.

Имя Лилии Карастояновой запечатлено золотыми буквами в мемориалах в редакции «Комсомольской правды», в пионерском лагере «Артек» в Крыму, в Центральном Доме журналистов. Его носит Пионерский дом в Ломе. Лилии, верной дочери Болгарии и России, присвоено звание Героя Советского Союза, ей воздвигнут памятник в селе Будиче на Черниговщине, где в последнюю минуту заносилась в блокнот корреспондента «Комсомолки» пылающие строки о партизанских буднях.

Честь и слава вам, Карастояновы!

Бессмертен свет вашего подвига...

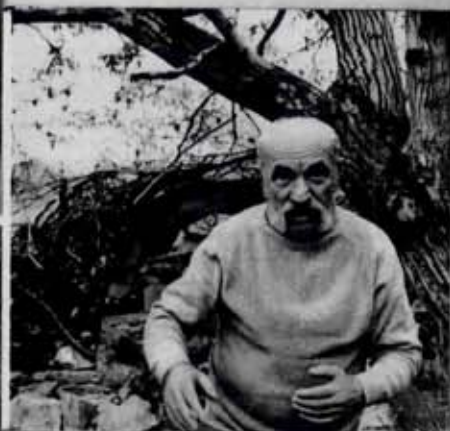
ДЕТИ В АРМЕНИИ ПРИРОЖДЕННЫЕ
СКАЛОЛАЗЫ.

ЗЕМЛЯ,
ОТВОЕВАННАЯ ЛЮДЬМИ.

ПАМЯТНИКИ-РОДНИКИ СТРОЯТ В
АРМЕНИИ МНОГИЕ. ПАРТИЙНЫЙ
РАБОТНИК РЕДИК АЙРАПЕТАН И
ЕГО ТОВАРИЩИ СОЗДАЛИ ТАКОЙ
РОДНИК В ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ НА
ВОЙНЕ ЗЕМЛЯКОВ, ИЗВЕСТНЫЙ
ПИСАТЕЛЬ СЕРО ХАНЗАДЯН — В
ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО УШЕЛ ИЗ ЖИЗ-
НИ МОЛОДЫМ.

РОССТОК НА КАМНЕ

Зорий БАЛАЯН.

Фото Сергея ВЕТРОВА

то было вскоре после войны. Возле горной дороги, ведущей в карабахское село Агорти, мой дед строил памятник-родник в честь погибших на фронте троих своих сыновей. Из трещин в отвесной скале стекала вода. Надо было собрать ее в одну нить, да так, чтобы вода не просто текла, а мерно фонтанировала. Тогда прохожий, наклонившись над фонтанчиком, сможет напиться. Тут надо было не просто строить...

Я тогда был подростком и с утра до вечера помогал деду. Таскал камни. Носил ему еду. Меня не удивляло, что дед — потомственный земледелец, отличный плотник — вдруг стал каменотесом. Причем он не просто тесал камни. Он творил на них узоры. Помню, как тщательно измерял дед высоту камня, на вершине которого должен был журчать фонтанчик, — надо, чтобы человеку было удобно. Человек наклонится и припадет к воде.

Наклониться. Поклониться. Поклон. Земной поклон в память о погибших на войне.

Я спросил деда: если родник будет лишь утолять жажду, то зачем так много узоров на камне, зачем грозди винограда, листья дуба, плоды граната? Дед ответил: «Тропа горная. Путник, особенно в знойную пору, разгоряченный трудной дорогой, не должен с ходу припадать губами к студеной воде. Он должен остановиться. Присмотреться, полюбоваться узорами. Прочтет он слова, на одном камне и узнает, в честь кого установлен памятник-родник. Прочтет на другом: «Первый глоток младшему, первое слово старшему», — и вспомнит

собственных детей. Время выиграет. Отдохнется. Пот остынет. Вот тут-то и можно напиться вдоволь, не боясь, что заболеешь».

Уже потом я понял, что связь воды и камня — это символ. Символ вечности и жизни. И еще понял, что камень — школа.

Поэт Геворг Эмин армянский камень сравнивал со школьной доской. В своей знаменитой книге «Семь песен об Армении» он пишет: «Много разных камней в Армении, но здесь почти не найдешь камней неграмотных... Поскреби любой из них, и ты обнаружишь на нем то клинопись, то армянские письмена, то орнамент или барельеф». Чаще всего невозможно определить автора письмен или орнаментов. Гораздо легче определить их возраст. Как не раз это удавалось известному историку Павлу Сафяну. Однажды мы побывали с ним в местечке Ухтасар, что в тридцати километрах от райцентра Сисиана, на высоте около трех тысяч трехсот метров над уровнем моря. Камней с древними изображениями здесь целый океан. Наскальные изображения, или петроглифы, известны в народе под названием «ицагир» — в переводе это означает «козье письмо». Редкостный музей под открытым небом. Экспонаты V—II тысячелетий до нашей эры.

Бродили по Ухтасару, и по праву экскурсовода Сафян рассказывал:

— Эти каменные полотна — словно книги. Их можно читать. Они изобража-

ЕСТЬ У КАМНЕЙ ЯЗЫК.

**СТИХИ ПОЭТОВ —
УЧАСТНИКОВ
VIII ВСЕСОЮЗНОГО
СОВЕЩАНИЯ
МОЛОДЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ.**

**Алексей ИВИН
Возвращение
на Родину**

Ветер веял по вольному взгорью,
И голубенький лен волновал,
И по небу, как парус по морю,
Белокурое облако гнал;

И сбегала тропа полевая
К затененной студеной воде...
И в просторах родимого края
Я, как мальчик, душой молодец,

И по пыльным дремотным дорогам
И по темным прохладным лесам
Я счастливым бродил, босоногим,
Неподвластным беде и годам.

Что ж, принимайся за дела.
Довольно бедствовать и злиться,
Учись у хлопотуны-птицы,
Которая гнездо свила

Из зыбких прутьиков и пуха
На безнадежной крутизне,
Учись и сохраняй вполне
Присутствие и силу духа.

Пускай развеет к ноябрю
Гнездо на ветке одичалой,
Ты, как она, начини сначала
И о минувшем не горюй.

Анна ГЕДЫМИН

Грузинская песня

Пели горы, припав на равнину,
Все о том, все о том, все о том,
Что, свой дом и навеки покинув,
Ты душой не покинешь свой дом.
То не горы, то вторило громом
Эхо, выросшее вдалеке.
Пел старик на таком незнакомом,
Но понятном сейчас языке.
Горы созданы верно и крупно,
Не прощаются с местом родным.
Расставанье лишь смертным
доступно —
Птицам, людям и водам речным.

Игорь БОЙКО

По свече видна мне краткость века.
Только слышу, в тишине ночной
о стекло царапается ветка,
коченея в стуже ледяной.

Память моя, темная водица...
Засыпаю, но тревожно мне.
И все глуше, все слабей стучится
кто-то мне невидимый в окне.

Леонид ВОЛОДАРСКИЙ

Песок — это камни, убитые морем,
Которым была не под силу борьба.
Мы клятвами юности
сердце неволим,
Но слишком превратной
бывает судьба.

И некогда твердые, грубые глыбы
Уже не кольнут остротою углов...
И смотрят на них
бессловесные рыбы,
Довольные тем, что не ведают слов.

И тянется время бесцветною калькой,
И через нее на поступки глядишь...
И вот уже гладкой, сияющей галькой
Играет веселый, счастливый малыш.

А после бросает игрушку с размаху
И метко сбивает далекие дни...
И вот уже галька становится прахом,
Готовым угодливо лечь под ступни.

Михаил КИРИЛЛОВ

Сколько люди живут —
столько люди поют.
И уютно когда и когда неуют.
В час застолья
и в поле в уборочный час
Люди песни поют от души,
без прикрас.

Даже если на подвиг,
в бессмертье идут,
И тогда напоследок, бывает, поют...
Видно, тем, кто и в счастье
и в горе поет,
Песня крылья, терпенье и силу дает.

Максим ИВАННИКОВ

Десантник

Поверь, товарищ,
все будет в норме:

Явлюсь однажды
в десантной форме.

И долгой встречей не утружу:
Совсем немного ей расскажу.

...Прыжки в ночные квадраты-люки.

...Какие носят в десанте брюки.

...О всех достоинствах маскхалата.

...О том, какие в полку ребята!

...И тайн военных
я не нарушу,

Сказав,
Что часто тела и души

Спасает сухо и по-мужски

Поддержка теплой литой руки.

Госпиталь

Пахнет йодом.
Пахнет чаем.

Пахнет спиртом и травой.

Я сегодня замечаю

Только запахи.
Я живой.

Я услышу —
через месяц.

Я увижу —
может быть.

А сейчас — лишь запах чистен:

Ненавидеть и любить...

ют жизнь и быт наших далеких прародителей. По петроглифам можно судить о так называемом мифологическом, космографическом мышлении первобытно-человека...

Я слушал объяснения историка, и мне казалось, что волшебная «машина времени» перебросила нас на тысячи лет назад. Дух захватывало от одного только осознания того, что ты можешь руками дотронуться до «каменного полотна», на котором творил твоя предок, сделавший первые шаги к прогрессу, в цивилизацию.

К великому сожалению, эти бесценные творения рук человеческих зачастую повреждаются, а то и исчезают. До сих пор мы не можем добиться, чтобы уникальная художественная галерея стала заповедником. Бывали случаи, когда «экспонаты» дробили для очистки земли под пашню. С десятком камней Павел Сафян перевез в город. Их сегодня можно увидеть в Советском районе Еревана. В сквере сложен неповторимый курган из камней, на которых есть изображения семитысячелетней давности.

К каменному Еревану мы еще вернемся. А пока — о камне вообще. О камне, ставшем землей — сутью родины. Ибо родина — это прежде всего земля.

Я много раз видел нашу землю, нашу Армению с высоты, из кабины вертолета. Пилоты частенько разрешали мне устремиться в самом ее носу, на стекле. Удивительное ощущение. Кажется, летишь над горами сам, без летательного аппарата. Переведешь взгляд на высоту — две тысячи пятьсот метров. Это над уровнем моря. Средняя высота поверхности республики тысяча восемьсот метров. Так что чаще всего вертолет летит на высоте семьсот метров над землей. Иногда сама земля словно вырастает под тобой, и тогда кажется, что вот-вот ты коснешься ее ногами. Все как на ладони. Под брюхом вертолета медленно проползает выжженное оранжевое нагорье, сплошь усыпанное черными, белыми, красными камнями. Нередко бросаются в глаза ровные круги, обрамляющие вершины сопков. Им, этим

кругам, миллионы лет. Когда-то здесь были кратеры вулканов — земля гудела и ревела, выбрасывая на поверхность мириады тех самых черных, белых, красных камней.

На протяжении веков Армении не раз делили между собой завоеватели, и всякий раз их меньше всего прельщало именно этот кусочек безжизненного вулканического нагорья, где редко кто отваживался жить, где из тырч посаженных руками человека деревьев зеленеет лишь единично.

На этом каменистом клочке Армении тысячелетиями существовали отдельные села и города. Но на таком пустыре нельзя было выжить целому народу. Об этом знал враг. Вот почему уже через два месяца после геноцида армян в Османской империи его организаторы, захватившие плодородные земли родины армян-аборигенов, цинично заявили на весь свет: отныне нет армянского вопроса, потому что нет самих армян. Головорезы были уверены, что уцелевшие остатки народа не уцелеют в «Каменной Сахаре», как тогда называли нынешнюю территорию Советской Армении. «То, что не сделал ятаган, сделает камень» — так заявляли османские паши, ставшие провозвестниками фашизма. Они хорошо знали: крохотный остаток Армении в двадцать девять тысяч квадратных километров — это гигантское кладбище. И никого в черную годину не удивило сообщение одной из английских газет: «Вероятно, через несколько лет об армянах будут говорить как об исчезнувшем народе».

Таковы были, увы, не лишние логики прогнозы судеб армян-беженцев, буквально выброшенных из своих домов в «Каменную Сахару». И прогнозы могли бы оправдаться, если бы на этой территории двадцать девятого ноября тысяча девятьсот двадцатого года не была установлена Советская власть.

Беженцы искали места для новой жизни. Искали в долине, которая называлась «мертвой», «соленой». Жизнь в «мертвой долине»? Но сегодня нас, так сказать, с высоты времени ничуть не удивляет этот парадокс. Во-первых, у

несчастных беженцев выбора не было. Во-вторых, у армян после ноября тысяча девятьсот двадцатого года появилась вера не только в спасение, не только надежда на выживание. У них появилось прекрасное чувство — чувство предвидения. Оно вырастает из веры в будущее. Оно становится у человека реальным только тогда, когда в душе и сердце появляется другое чувство — чувство государственности. На клочке освобожденной земли развеивался флаг. Флаг надежды.

Глядя на рельефную карту республики, а тем более путешествуя по ее горным тропам, человек с трудом представляет, что на этом клочке можно сеять пшеницу, разбивать сады, растить детей. Площадь плодородных земель в республике меньше, чем площадь озера Севан. Остальное — вереницы высоких гор, мириады камней. Трудно было поверить, что на такой, с позволения сказать, земле можно возродить жизнь некогда великой Армении с ее оазисами, простирившимися от моря до моря. Однако оптимисты не только обладали даром предвидения. Они не только умели заглядывать вперед, но и четко усвоили принцип поэта: «Все превращается в пепел и золу. Все, кроме памяти». А память помогла установить, что еще у историка Мовсеса Хоренаци было отмечено: во втором веке до нашей эры при первом армянском царе династии Артаксидов Арташесе I «не было неводеланной земли в Армении ни на горах, ни на полях». Но земля умирает, если умирают на ней отцы и не рождаются сыновья. Оголились камни. Враг сеял камни. И это надо понимать буквально.

Только спустя годы западная печать будет вынуждена признать, что сам пример возрождения из пепла Восточной Армении — беспрецедентный в мировой практике межнациональных отношений. Тысячи лет земля этой части Армении практически не возделывалась человеком, и не только потому, что попытки были тщетными. Нужна была уверенность в завтрашнем дне, без которой человек не возьмется за дело, требующее многолетнего изнурительно-

го труда. Такая уверенность пришла в Армению. Участки, нафаршированные мелкими камнями, расчищали еще тогда, когда на селе не было даже трактора. И лишь в шестидесятых годах в республике были созданы сразу тридцать два механизированных отряда, каждый из которых, по существу, представлял собой настоящее боевое подразделение, призванное вести бой с камнями.

В Советской Армении около сорока административных районов. И, пожалуй, наиболее каменистым считается Талинский. Я не раз обращал внимание, что, подъезжая к этому району, пассажиры, словно сговорившись, умолкают. Они молча смотрят на устрашающую своим видом каменистую пустыню, уходящую к горизонту. Порой кажется, это застыл, окаменел неведомый океан в момент шторма. И волны превратились в скалы, девятый вал — в гору. И уже чудом представляется крохотный зеленый сад у дороги или утопающая в зелени деревня, окруженная виноградниками. Если бы не огромные пирамиды и баррикады, сложенные из камней вокруг фруктового сада, вокруг деревни, вокруг виноградника, то вряд ли можно было бы поверить, что эти островки-оазисы созданы руками человека. Именно потому, что не верится, хотелось бы рассказать, как создаются эти самые островки, покрытые зеленью. Хотя бы привести перечень работ, проводимых на каждом квадратном метре.

Вначале так называемый рыхлитель проходит по полю, чтобы, если можно так выразиться, расшевелить покрытую каменным панцирем землю. Проходит он три раза. Проходит крест-накрест. Потом корчеватель сдвигает с места каждую глыбу, чтобы вросшие в землю камни-пни, камни-зубы вытащить из глубоких ям, в которых они пролежали, может, миллионы лет. Потом собирает — все машины или прицепные орудия имеют точное, соответствующее своему назначению название — сгребает камни в один курган. Потом плантажным плугом машина выдергивает на поверхность камни из глубоких слоев.

Евгений ЛЕБЕДЕВ

Вселенная моя — Россия,
Я часть твоей судьбы,
твоей души,
И мне твои просторы
голубые,
Как путнику
тропинка из глуши.
Твой воздух,
как глоток воды
в пустыне,
Где много дней
не встретишься с рекой.
Будь счастлива,
судьба моя
Россия,
Мой праздник,
мой покой
и непокой!

Елена ОБОЙМИНА

Половецкие пляски листья
и деревьев раздетые сучья...
Снова дымом потянет густым,
духом леса, издревле могучим.
Будут снова и снова с утра
над заливом туманы клубиться,
да на поиск бывшего тепла
полетят торопливые птицы.
У осенних продрогших небес
будет снега выпрашивать суша...
Наши чайки останутся здесь —
коренные приморские души,
каждый раз — на вершине волны
и не могут, не могут иначе,
ожиданием нашим полны,
ожиданием вечным морячек.

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ

Борис БЕНДИК-ВЕРОВ,
Москва

Матросский реквием

Красной медью оплавилось утро,
беспокойное море шумит.
Купол неба, срезанный будто,
Ослепительной синью горит.
Тихо траурный реквием льется,
Все слышнее доносится шаг.
Круглый нож восходящего солнца
Облил кровью хребты Улу-даг¹,
Там, где с небом сливаются крыши,
Наплывающая, чернеет квадрат.
И все ближе,

все ближе,
Продвигается к морю отряд.
В бескозырьках идут черноморцы,
Ленты гвардии выются, лучась,
И в матросских глазах-колодцах
Голубая сочится печаль.
Ощетинились грозно винтовки
Вороненою сталью штыков.

Гулко рубят булыжник подковки,
Четка поступь матросских шагов.
На лафете в полотнище алом
В окруженьи пехоты морской,
Командир, словно пахарь усталый,
Спит, исполнив свой долг боевой.
Севастополь.

¹ Улу-даг — большая гора.

Валерий ГОРСКИЙ,
журналист, Краснодар

Попутчик

И вот капли зашумели
И с неба ринулась вода.
Ручьи в мгновение запели
И устремились кто куда.
И эта степь любой былинкой,
Любым колючим колоском
Хватала каждую дождинку,
Как человек, горячим ртом.
И, хлопнув дверкою машины,
Попутчик, старый агроном,
Вдруг, руки радостно раскинув,
Плясать пустился под дождем.
Он пил, ловил его в ладони
И будто небо обнимал,
И я тогда впервые понял,
Что никогда не понимал
Дождя,
Ни светлого грибного,
Ни проливного, ни шального,
И, видно, не пойму вовек,
Как он, сроднившийся с землею,
Всей жизнью,
сейчас счастливый человек.

Под таким девизом проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

Евгений ЖУЙКОВ,
учитель, г. Киров

Андрей Данилович

Не пришлось мне

свидетельствовать с дедом,
Фотокарточка — ни при чем:
он ушел в сорок пятом, победном,
я пришел в пятьдесят втором.

Он с земли ушел, как в атаку,
вел по Вятке в разлив воды.
Каждым бревнышком по рейхстагу
били временные мосты...

Жизнь моя устроена сносно,
но чего б она значила, жизнь,
если б там, где валил он сосны,
сосны новые не поднялись?!

Пусть врачи говорили — бронхи!
Но чем дальше — понятней мне:
Дед упал вдалеке от фронта —
на Отечественной войне.

Лев КАЛЬЯНОВ,
журналист,
г. Узловая Тульской области

Этюд

Вдоль реки лозняк густится.
Тает легки туч гряда.
Голубою медуницей
Ярко светится вода.
Всколыхнулась ряби пляска,
Жадно конь к реке приник.
Зеленеет коврик раски,
Как на карте материк...

После за дело вновь берется собиратель. Он подбирает крупные камни, а мелкие приходится выносить людям. Потом следует планировка или разравнивание. Глядя со стороны, можно подумать, что люди готовят к игре футбольное поле: скашиваются кочки, засыпаются ямы. Планировка, как, кстати, и все другие операции, проводится трижды. Потом идет вспашка пятизубым плугом.

Такой эпизод: когда в одной из бригад в Талинском районе я наблюдал подготовку к вспашке, подумал, что это уже последний шаг, что земля уже готова, так сказать, к сдаче. Но как-то же было мое удивление, если не сказать досада, когда я увидел, что почти очищенное накануне поле вновь покрылось тысячами и тысячами камней. Они вылезли из земли на поверхность, как картофели после картофелеуборочной машины. И, совсем как картофель, их убирают только руками.

Я смотрел на исцелителей земли, и мне все казалось, что они заняты сбором урожая. Только тяжел, очень уж тяжел этот урожай. В среднем по тысяче тонн камней дает каждый гектар. Это в среднем. А бывает, и до пяти тысяч тонн доходит.

Убежден, придет время, когда о рукотворных землях Армении люди будут говорить как о загадке, как о египетских пирамидах.

Девяностолетний талинский колхозник Петрос Аветикович Ованесян вспоминает: «Мы выбрали эти камни, потому что здесь была свобода, была Россия, и с ней спасение. Мы прежде считали, что здесь невозможно жить. Думали, к следующей весне уедем с этих мест. И потому строили дома-временки. Здоровые дрова жгли, а гнилье шло на строительство. Но вот пришла новая власть. Она вселила веру в нас. Сплотила. И мы выжили».

Старик говорил еще о том, что каждый клочок земли был очищен от камней на его глазах, каждое дерево было посажено при нем. И все же самому не верится, что землю можно, как он выразился, достать из-под земли. И не толь-

ко достать. Но и выходить. А для этого нужны не только воля, терпение, но и... время. Порой долгие годы, десятилетия.

Не раз бывало, что сам творец земли не успевал увидеть ростки на камне, над которыми колдовал всю жизнь. Не хватало жизни. И тогда на его место становились сыновья. Ведь землю — суть родины — творят не для себя. Для будущего. Вот и сегодня вместо Петроса Ованесяна трудится на камне (так и говорят у нас: «трудится на камне») Петрос Ованесян, названный в честь деда. Молодой Петрос руководит одним из механизированных отрядов Талинского района. Год назад он сыграл свадьбу. Мне рассказывали, что столы были накрыты под сенью деревьев, посаженных его дедом на земле, которую род Ованесянов творил собственными руками. Показали сад, разбитый уже внуком. А недавно у Петроса родился сын. Назвали его Аветиком, в честь деда, погибшего на фронте, и в честь великого поэта Аветика Исаакяна. И я подумал: а ведь «работники камня» и впрямь чем-то напоминают поэтов.

Выврванная из лап смерти земля еще долго остается чахлой. Например, одной из причин изреженности виноградника специалисты считают перенесенную в прошлом болезнь самой земли. Несколько лет назад такая изреженность составляла в среднем около шестидесяти процентов — из ста виноградных лоз плодоносили только сорок. Сейчас эта цифра доведена до двадцати пяти процентов. Все же мы еще теряем четвертую часть продукции. Но справедливой сказать по-другому: не теряем четверть, а приобретаем три четверти. Ведь в старину никто и не предполагал, что мы выжьем из камней хотя бы одну кисточку. Еще в начале тридцатых годов ради одной грозди для больного человека люди отправлялись в далекие путешествия.

Но, как бы там ни было, изреженность — зло. Со злом борются. И борьба тоже входит в комплекс мер по сотворению земли. Читаю в научном труде: «Если лоза не взойшла, то в каждую ямку, выдолбленную в камне, глубиной

до семидесяти сантиметров вносим необходимое количество плодородной почвы, ведро перепревшего навоза и чуть меньше полукилограмма суперфосфата. В течение вегетативного периода систематически поливаем водой, добавляем удобрения. Новые кусты на второй год уже начинают плодоносить, но свое доброе дело они делают еще раньше. Своими корнями укрепляют землю». Такая укрепленная земля уже не подводит своего творца.

Как-то у нас в Армении гостил итальянский журналист Энцо Рава. В местечке Гарни он спрашивался у крестьян, занимавшихся посадкой нового яблоньного сада на «новой земле»: «Сколько всходит саженцев из, скажем, десяти, посаженных в камнях?» Крестьяне пожимали плечами. Тогда итальянец спросил: «Ну, а сколько всходит из тысячи?» «Вся тысяча», — ответили крестьяне. Позже Энцо Рава написал мне из Рима письмо, в котором были такие слова: «Я никогда не забуду беседу с крестьянами, водружавшими, как знамена, яблоневые саженцы в ямы, засыпанные привозной землей. Вспоминая о своем путешествии по Армении, я теперь не удивляюсь, почему из тысячи посаженных деревьев взрастает вся тысяча...»

...Говорят, практически невозможно определить, обозначить конец дороги. Она обычно, разветвляясь, продолжается. Проселочная переходит в большак, который на одном из перекрестков дробится и разползается змеями в разные стороны. Пожалуй, лишь дорога из Еревана в Гегард имеет четкий конец. Там, где кончается асфальт, там кончается возможность для передвижения. Дорога упирается в скалу с одной стороны, в ущелье — с другой. Путнику приходится пешком взбираться по пологому склону горы к подножию каскада гранитских скал. Сюда я не раз привозил моих гостей и всякий раз ловил себя на мысли, что волнуясь не меньше их. Здесь — выдолбленный в цельной скале храм.

Предание гласит, что храм Гегард начали творить (тут никак не подходит глагол «строить») в четвертом веке.

Столетия минули, прежде чем работа была закончена. Наноса удар по гранитной скале, первый каменотес и не предполагал, что в невообразимом двадцатом веке соберутся здесь ученые, математики, архитекторы и будут спорить. Спорить о том, какими расчетами пользовались далекие предки, добиваясь неповторимой симметрии. Ведь одно дело сначала чертить на бумаге, а потом, глядя на чертёж, класть камень на камень. Другое — творить, самому находясь в камне изнутри.

Подлинными мастерами были и остаются и создатели хачкаров (от слов «крест» и «камень»), без которых невозможно представить армянскую архитектуру, армянскую культуру. Каждый художник в хачкаре импровизирует. Соблюдая определенные каноны, творец исполняет собственную мелодию. Ни один штрих, ни один узор не должны повторяться — в этом ценность памятников, подлинных шедевров храмового и архитектурного искусства.

Народ-каменотес. Древняя страна, а чуть ли не все жилие дома построенные сегодня, буквально на наших глазах. Душа радуется, когда смотришь на новехонкий домик, утопающий в зелени. Узоры на стене. Орнамент на заборе. Все со вкусом. Нет, не кануло в Лету мастерство...

«Строить — это значит не просто жить, а улучшать жизнь» — так у нас говорят. И мы сегодня воистину улучшаем нашу жизнь. Однако делаем это, иногда не особенно задумываясь о завтрашнем дне.

Посетил я все каменные карьеры республики. Расскажу лишь о самом главном, знаменитом камнедобывающем комбинате «Арктикуф». Предприятие создано в 1928 году. Тогда по плану добывалось до двадцати пяти тысяч кубометров уникального красного камня. Сейчас цифра эта возросла до полумиллиона. Есть чему радоваться. Но не будем спешить. Оказалось, чтобы добыть такое количество камня, надо перевернуть в три раза больше залежей. Кто-то когда-то бросил фразу: «Арктикский тувф неисчерпаем». Многие при-

няли это за аксиому. Завороженные магическим словом «неисчерпаемый», мы все расширяем и расширяем производство бесценного камня, словно забывая, что в мире только несколько месторождений туфа, но по качеству такого, как в Артике, нет нигде.

Артикский туф — это декоративный, облицовочный материал. И не больше. На большее его, как говорится, не хватает. Он не выдерживает перегрузок. Здание выше шести этажей строить из туфа нельзя: рассыплется. И, зная об этом, строили сплошь пятиэтажные дома из нашего красного золота. Совершенно непонятно, почему нужно при строительстве дома, что называется, класть туф на туф. Почему бы не строить из железобетонных блоков, а туф использовать только как облицовку.

Вот что мне рассказал молодой инженер комсомолец Владимир Мовсеян:

— Чтобы «Артиктуфу» ежегодно добыть и произвести до полумиллиона кубометров камня, нужно «переворочить» более миллиона кубометров. У нас в официальных документах отмечается: «отходы до 600 тысяч кубометров». Но почему-то эти самые «отходы» пишатся без кавычек. С каких это пор кусок камня перестал называться камнем? Камень всегда камень. Нам нужны большие и маленькие. Нам нужны даже крошки. Ведь из так называемых отходов можно производить наполнители

для легкого бетона, можно их использовать как уже готовый стройматериал. Но у нас всего этого не делается. К категории отходов отнесены шестьсот тысяч кубометров на комбинате «Артиктуф», а всего около миллиона в Артикском районе. Вдумайтесь: миллион кубометров! Тысячу шестьсот пятиэтажных домов на пятьдесят тысяч семей можно построить из этого камня. То есть речь идет о городе с населением примерно в триста тысяч жителей. И это из «отходов», полученных всего лишь за год. Запасы туфа у нас действительно обширны. Они доходят до глубины сорока метров. Именно с учетом площадей и глубин ученые говорят о «неисчерпаемости». А на практике глубже семи метров никто никогда не опускается. Так легко. Так дешево. И разворотили землю на огромных площадях. За последние годы только у сельскохозяйственного Артикского района была отобрана и, конечно, начисто уничтожена тысяча гектаров земли...

Трудно не согласиться с молодым инженером, человеком, не просто влюбленным в родной край, но преобразующим его. К сказанному добавим, что по иронии природы самый высококачественный туф, как правило, залегают под самой высококачественной землей. Правда, ведутся разговоры о том, что нужно проводить рекультивацию. Но, во-первых, не совсем понятно, откуда

будет завозиться земля. Я побывал во всех сельских районах и что-то нигде не видел хоть одну пядь «свободной», «лишней» земли. И потом: как мы собираемся рекультивировать земли, когда знаем, что под ногами до сорокаметровой глубины проходит слой туфа. А что же будет здесь, скажем, в двухтысячном году? Неужто, чтобы добираться до туфовых залежей, будущее поколение вновь должно раскочурить теперь уже нами рекультивированную землю. Почему бы уже сейчас не подумать о поколении будущем?! Тем более, что это наш прямой долг.

Я видел, с каким уважением, с какой святостью относятся в Узбекистане к хлопку. В уголовном кодексе республики есть специальная статья, карающая за порчу хлопка. На многих зданиях Ташкента выведено крупными буквами: «Хлопок — национальная гордость узбекского народа».

Туфовый камень — наш хлопок. Его добывают, как старатели — золото. Нет в мире ничего тяжелее труда каменотеса. И мы с полным правом можем написать на наших домах: «Туфовый камень — национальная гордость армянского народа».

...Земля-камень. Камень-земля. Слова эти у нас произносятся рядом. Когда говорят, что из камня можно выжать вино, имеют в виду, конечно, что прежде вдохнули в камень саму жизнь. И уже

никто не удивляется, когда камень цветет. Как никто в Армении не удивляется названию прекрасной книги о моей родине, написанной Эдуардасом Межелайтисом, «Каменное вино». Никакого парадокса. Все верно.

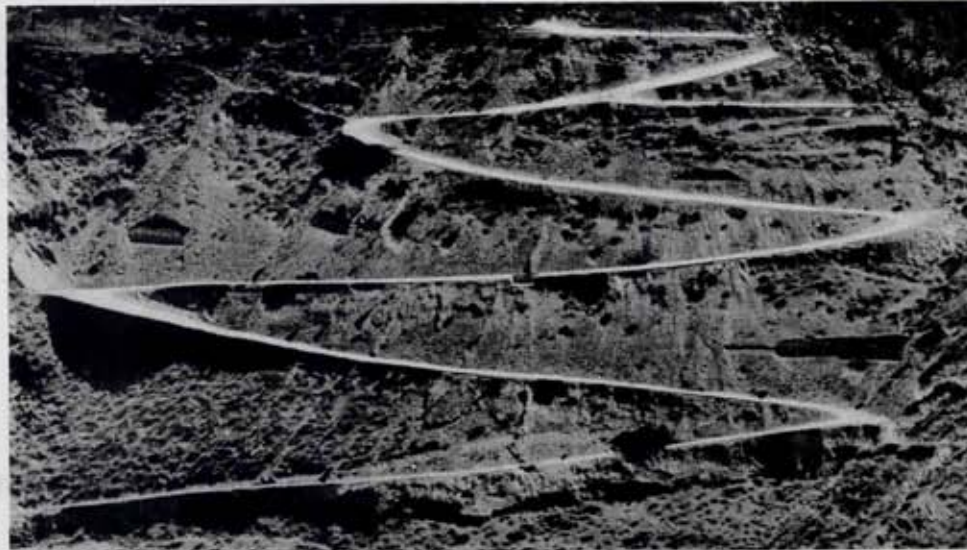
Собственно, у нас сама земля, как вино. И как вино она портится быстро, если не беречь ее. Грешно портить землю. Так любил говорить мудрый старец, которого во всей округе звали дедом Андраником. Он был земледельцем. И дед его и дед его деда были земледельцами.

Крохотные клочки каменистых пустырей дед Андраник превращал в островки-оазисы. Убирал камни, рыхлил землю, привозил, а точнее, тащил на себе почву или дерн издалека. Поистине творил землю. И когда, как уже говорилось, в Армении были созданы механизированные отряды, призванные вести бой с камнями, ученые не стеснялись держать совет с дедом Андраником. И ничего удивительного: в мире к тому времени не было науки «сотворения земли». Справлялись у деда: «С чего начать?» Он отвечал: «С конца». И стал объяснять: «Когда уберете огромные камни, разровняете землю, пропадете

ГОРНЫЙ СЕРПАНТИН.

**ВЫРАСТИТЬ ДЕРЕВО
НА СКАЛАХ —
БОЛЬШОЙ ТРУД.
НАУКУ ЭТУ
ДЕДЫ
ПЕРЕДАЮТ ВНУКАМ.**

НОВЫЕ РАЙОНЫ ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЫ АРМЕНИИ.

ее, на поверхность вылезут крохотные камушки. Вот их-то убирать и не надо. Они за день накапливают тепло и на вечерней зорьке греют землю, тем самым продлевая день». И еще дед предлагал, прежде чем ворочать скалы, найти место, куда складывать камни. Надо выбрать абсолютно негодный участок. Нельзя воздвигать каменные курганы на земле, на которой может вырасти хотя бы одна травинка.

Сегодня по всей республике так и делается: курганы вырастают на скальных породах. Уже нет в живых деда Андраника. И курганы эти стоят словно памятники великому мудрецу. Правда, у великого мудреца есть своя могила и памятник на ней. За несколько месяцев до смерти он начал выдалбливать углубление в базальтовом участке поля, который, может, с высоты птичьего полета казался просто обсевком. Его распрашивали, зачем он это делает. А он отшучивался, мол, роет себе могилу. Выяснилось, что дед вовсе не шутил. Перед смертью завещал похоронить его в выдолбленной им яме. «Слишком хороша земля на деревенском кладбище. Грешно...» Это были последние слова деда Андраника.

Сыновья выполнили завещание. Они не воздвигли камня на могиле мудреца. И так ведь слишком много камней. Старик хотел своим телом, своим духом, своей могилой закрыть базальтовый обсевок в поле. И просил, чтобы засеяли его могилу пшеницей. Хлебом. Один из внуков Андраника изменил профессии деда. Он стал каменотесом. Володя Бабаян. Могучего телосложения, с мощными руками. Он был одним из тех, кто возрождал из небытия храм Гарни. И сегодня он продолжает восстанавливать другие шедевры армянского зодчества.

Изголодавшийся по резцу армянский **РЕКА ДЕТСТВА...
ДЛЯ ЭТОГО МАЛЫША —
БУРЛЯЩИЙ РАЗДАН.**

каменотес сегодня с особой страстью работает в Ереване. Несколько лет назад я чуть ли не каждый день останавливался в центре города, на Московской улице, рядом с бывшим зданием Аэрофлота. Часами мог смотреть, как мерно стучат молотки по гранитной глыбе. Совсем молодые каменотесы и седовласые старики воздвигали памятник творцу современного Еревана академику Александру Таманяну. Это первый в мире памятник архитектору. Склонившись над базальтовым столом, стоит гениальный зодчий, о котором великий армянский поэт Чаренц говорил: «Этот человек, наверное, видел Город солнца». И слова эти высечены на камне.

Город-камень. Камень-город. Так часто называют мой розовый Ереван, который в ясное прохладное утро перекрашивается в малиновый цвет, и малиновые дома уходят к самому подножию сине-белого Арарата. Но Ереван не только цветной город-камень. Это город каменных памятников.

Ереван стоит на холмах. Каждый из них имеет свое название, свою историю. Один из самых, я бы сказал, именитых — Цицернакаберд — Ласточкина крепость. Еще в начале шестидесятых годов Цицернакаберд со своей каменной пустынной вершиной служил источником пыли, от которой трудно было в городе упрятаться, особенно по вечерам, когда в этих местах поднимался ветер. Сегодня здесь раскинут густой парк, а на вершине холма воздвигнут мемориальный комплекс — памятник жертвам геноцида. Священная заповедь советского народа «Никто не забыт! Ничто не забыто!» относится ко всей истории нашей страны. И памятник, установленный в Ереване, олицетворяет символ борьбы против всех врагов всего человечества.

Вместе с одним из авторов мемориального комплекса, архитектором Сашуром Калашьяном, мы медленно взбираемся на гору. Сашур рассказывает,

как он двадцатитрехлетним парнем устроился прорабом на время строительства мемориала. Ему хотелось самому быть участником сооружения памятника.

С вершины Цицернакаберда видны одинокая Ара, двуглавый Арарат, четырехглавый Арагац. Виден весь Ереван, как на ладони. Отсюда видно ущелье реки Раздан. Певучий ее голос можно услышать лишь в глубине ущелья, ставшего любимым местом отдыха ереванцев. Чуть выше реки попадаешь в царство тишины, которую нарушает разноголосое журчание родников, выстроившихся в стройный ряд. Целая аллея памятников-родников. Построена она по решению ЦК комсомола республики. Каждый день сюда приходили молодые архитекторы и строители, каменотесы и художники, комсомольцы и пионеры. Работали безвозмездно. Каждый памятник-родник оживал на глазах у его создателей. И каждый получал свое имя. На лицевой стороне отвесных розовых плит высечены имена героев-комсомольцев. Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Унан Аветисян. Многие их сверстники, оставшиеся навеки юными.

Лишь один памятник-родник безымянный. Перед ним чаще всего склоняют головы седовласые старцы и женщины, вот уже четыре десятилетия не снимающие траур. Памятник-родник неизвестному юноше, неизвестной девушке, не вернувшимся с войны.

В республике создано несколько тысяч памятников-родников. У каждого из них свой паспорт, своя биография. Известный писатель Серо Ханзадян у своего дома построил памятник-родник, посвященный племяннику, погибшему в двадцать четыре года. Но надпись на камне гласит о том, что памятник посвящается всем тем, кто погиб в таком же возрасте. В местечке Канакер у дома-музея великого армянского писателя и просветителя Хачатура Абовяна тоже установлен памятник-родник. Состоит он из

КАК И В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА, МАСТЕРСТВО КАМЕНОТЕСОВ В ПОЧЕТЕ.

двух туфовых колонн. На них изображены девушки — эстонки и армянки. Девушки идут навстречу друг другу. Это символ дружбы эстонского и армянского народов. Ведь Абовян учился в Дерптском (Тартуском) университете. На камне высечено: «Пусть подобно этому роднику и Арарату будет вечной дружба эстонского и армянского народов, у истоков которой стоял бессмертный Абовян!»

С Цицернакаберда хорошо видна возвышенность — выступ бровки Котайкского плато. На самой вершине памятник Матери-Родине. Рядом парк Победы. Николай Тихонов, ознакомившись с работой молодого скульптора Вагана Хачикяна, написал в Армению: «Произведение талантливого скульптора, символизирующее борьбу народов за мир, против угрозы войны, выполнено в виде пространственной оригинальной композиции. Она решена строго монументально, и поэтому ее можно было бы исполнить в более крупном масштабе под открытым небом, среди архитектурных объемов и зелени. Скульптура, которую можно назвать «Нет войне!», представляет собой яркий образец монументальной пропаганды...» Совет Николая Тихонова мы превратили в жизнь. В парке Победы из ярко-красного туфа сооружен памятник Матери-Родине.

Многие памятники Еревана в ночное время освещаются. Такое впечатление, будто сам камень порождает свет. И в этом, на мой взгляд, великий смысл. В Армении не говорят «родная речь», «родной язык». Только — «материнский язык». В Армении главный город родины не называют стольным, столицей. Только — Майракахак. Материнский город. Так говорят, потому что свет в государстве идет от его столицы, подобно тому, как свет детям идет от матерей...

случай шлиц судьба?

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Брюнет ищет блондинку

Обязанности выходить замуж нет. Но право-то есть! И высокая девушка хочет своим правом воспользоваться. Не знаю, что стоит за этим желанием: искренняя потребность в любви, давление общественного мнения или что еще. Но хочет. Ее дело, ее жизнь, ее право.

Я написал, что в силу разных причин одинокие в обществе будут всегда, по крайней мере в обозримом будущем. И действительно будут.

Но отсюда еще не вытекает, что одинокими в обществе будут постоянно одни и те же. Хотим мы того или не хотим, но личная наша жизнь изменчива: кто-то расходится, кто-то женится, кто-то теряет любовь, кто-то ее обретает, и процесс этот неостановим. Невечность, увя, многих семей, непрочность связей болезненно удручают. Но в печальной этой закономерности есть своя светлая полоска: нестабильность дает надежду одиноким.

Как бы статистика ни пугала незамужних, как бы ни чудесила арифметика полов, она не всеильна. В клубах знакомств женщин стойкое большинство, но там всегда есть неженатые мужчины. В шахтерских городках преобладают мужчины, но там всегда есть незамужние женщины. Так что одинокие не пожизненно заключены в своем одиночестве. И, если не запрашивать у судьбы сверх ее возможностей, поиски радости не будут безуспешными, каждому выпадет глоток разделенной любви.

Что же пока помешало высокой девушке реализовать свое право на любовь? Что может помешать в дальнейшем?

Сама она называет единственную причину: трудно познакомиться. И, заботясь не только о себе, просит сделать все возможное для расширения еще молодой, но уже популярной у нас службы знакомств.

Быстро же летит время! Давно ли брачные объявления считались почти непристойностью? А теперь вошли в быт и если вызывают критику, то, пожалуй, только за крайнюю дефицитность отводимой им газетной площади. Отсюда урок на будущее: не спешить с осуждением непривычного.

На службу знакомств сегодня возлагают надежды многие. Однако будем трезвыми оптимистами: надежда — вещь хорошая, но даже из тысячи упований не сложишь одно свершение. Многорукая и горластая сваха эпохи НТР, как всякое новое дело, требует не экзальтированных восторгов, а честного анализа.

Служба знакомств развивается в нескольких формах. Основных, пожалуй, три: вечера для тех, кому «за тридцать», знакомство по объявлению и пока еще немногочисленные организации, которые, несмотря на пестроту названий и методов работы, рискну определить как брачные бюро. Какая же форма лучше?

Вот отрывок из письма тридцатипятилетней женщины:

«Возраст у нас такой, что на танцы не пойдешь. Организовали клубы «после тридцати». Сама там не была, были знакомые. Как они ругаются! Это же публичное унижение женщин! Туда можно пойти, если нет чувства собственного достоинства.

В Вильнюсе организовано бюро знакомств. В

Латвии газета печатает объявления. Обратите внимание, что и в Вильнюсе и в Риге объявления дают со всей страны. Даже из Хабаровска и Южно-Сахалинска.

Если бы у нас одна из центральных газет взяла на себя труд печатать эти объявления два раза в месяц на своих страницах, то сколько людей были бы счастливы! Напрасно многие относятся к объявлениям с предубеждением. Пусть одинокие люди пищут друг другу. Ищут свое, единственное...»

Точка зрения довольно характерная. Вечера знакомств чаще ругают, на газетное объявление чаще надеются.

Что ж, давайте разберемся по порядку.

Зимой в очень хорошем приволжском городе я попал на вечер «Для тех, кому за тридцать». Вечер этот выглядел вот как.

Пятница. Довольно большой зал профсоюзного клуба. Народу много, в основном женщины, но и мужчин достаточно. На сцене дискотека: вертится лента магнитофона, улыбается диск-жокей, режут динамики, вспыхивают и гаснут цветные огни. Все вроде бы как положено, а с первых же минут берет ощущение бедности и тоски.

В зале не курят, но надымлено: ползут грязные облака из буфета, из коридора и из прочих мест коллективного пользования, отведенных под табачное баловство. Динамики режут, а звук неясный, силпыи, и мелодии средненькие, и слышаны все давно, и порядком надоело. Мигают цветные огни, но огня только два, желтый да красный, словно дергается беспорочно неисправный светофор. Диск-жокей делает что положено, объявляет номера, приглашает к танцу, но речи его кратки и банальны, интонации мертвы — выкладываться не перед кем, вот и отработывает товарищ зарплату. И костюм на нем мешковат, и галстук вялым жгутом, и глаза скучные, и весь его вымученный энтузиазм откуда-то из позапрошлого десятилетия...

Впрочем, сколько ему? Да, пожалуй, ближе к пятидесяти, чем к сорока. В начале шестидесятых, возможно, был бы неплохой массовик-затейник.

Самое тоскливое в зале — тяжкий, тошнотный сивушный дух. Буфет торгует на славу, в коридоре вокруг ури колятся опустевшие под полой протаченные бутылки. Впрочем, половина мужчин не нуждается ни в услугах буфета, ни в вино-водочной контрабанде: уже на входе в клуб у них достаточный запас куража.

Как пускают? А как не пустить? Ведь не кто-нибудь идет — мужчины, алмазный фонд любого клуба знакомств.

В конце прошлого века некий чеховский персонаж жаловался: «Женскому полу везде фортуна. Женщин и в солдаты не берут, и на танцевальные вечера им бесплатно...» Ныне не старые времена: за вход на этот вечер с женщины берут по рубль восемьдесят, а мужчин мало того, что пускают бесплатно, еще бегают, отлавливают по общежитиям.

Несмотря на увещевания диск-жокея, кавалеры приглашают дам редко, словно бы не за тем пришли. «Избыточные» женщины кружатся друг с другом или томятся у стен. Одеты они нарядно, качественно, но их дорогие, солидные платья странно смотрятся на сегодняшних танцах, привыкших к джинсам, маечкам и кроссовкам.

После этого вечера я, откровенно говоря, погрешил на город. Мол, хоть и красивый, и древний, и областной, а все равно провинция. Что с него взять?

Но на следующий же день в том же зале вновь была дискотека — уже не для тех, кому «за», а для

любого, кто купит билет. Впрочем, не купит — достанет: у входа в клуб была толпа, и хорошо, что московского гостя провели каким-то привилегированным ходом.

Всего-то и времени прошло с пятницы до субботы, но картина была принципиально иная.

Вроде бы все то же самое: музыка, свет, танцы, диск-жокей на сцене, движение в зале, однако то же, да не то.

В любой мелочи — будь то мелодия, конфигурация вспыхивающих ламп, неотразимо простенький свитерок стройного диск-жокея или прически двух юных красавиц, пластично и слаженно выражавших себя в танце у самой эстрады, — во всем этом и в разном прочем современная мода заявляла о себе самым своим распоследним поиском. И в зале было не тесно, а людно. И буфет не смотрелся привокзальной забегаловкой.

Я постоял в дверях и вышел из зала, остро ощущая свою дремучую провинциальность: и одет не так, и причесан не так, и хожу не так, и стою не так, а уж о танцах даже и не заикаюсь.

Вспомнилось, как двадцатидвухлетняя знакомая девушка однажды пожаловалась:

— В дискотеку уже не пойдешь, там шестнадцатилетние тон задают, я для них старуха.

Тогда я посмеялся, а теперь очень хорошо ее понял.

У любого возраста свои преимущества, свои слабости, свои формы самоутверждения. Можно сколько угодно этим возмущаться, но что поделаешь, если на танцплощадке даже заслуженная учительница начисто пасует перед нерадивой десятиклассницей.

И дело тут не в умении и ловкости: не такая уж хитрость — поймать ритм и запомнить пять-шесть стандартных движений. Но где взять блеск глаз, дрожь пальцев, восторг и страх, где взять неповторимое ощущение важного, да что там — главного в жизни, да что там — решающего судьбу танца? Великое событие в жизни — первый бал Наташи Ростовской. Но ведь событие-то только для Наташи. А для какой-нибудь Элен тот же самый бал — привычное верчение под музыку, обычная великосветская танцулька, слабенкое развлечение среди сытой скуки...

Да, в пятнадцать лет все мы вполне легко знакомимся на танцах, как бы они ни именовались — хоть «пяточком», хоть дискотекой. Но не наивна ли попытка одолжить у прошлого ключ для решения сегодняшних взрослых проблем?

Не сомневайтесь, в клубах для взрослых устраивают и вполне трезвые, вполне цивилизованные вечера. Но и тот, где я побывал, отнюдь не исключение. Женщина, приславшая письмо, имела некоторые основания не доверять знакомству на клубных танцах.

В том, что она предпочитает встречу по объявлению, есть немалый резон. Хотя бы то, что при этом способе не надо томиться у стены, чувствуя себя экспонатом своеобразной выставки. Объявление в газете прочтут тысячи людей, десятки откликнутся, а сам автор в тени, почти анонимен, не виден, неизвестен, а посему, каков бы ни был результат, ни стыда, ни унижения не испытывает. И нет нужды добывать билет, и нет надобности целый вечер дышать табачным дымом и сивушным духом.

Да, плюсы брачных объявлений несомненны. Ну, а минусы есть? Минусы, к сожалению, тоже есть...

Объявления о знакомстве публикуют, как правило, рекламные приложения к ежедневным газетам. Я просмотрел с десяток таких приложений.

В общем-то все они похожи. Как правило, тощая тетрадка половинного формата. На развороте объявления. Купля, продажа, обмен, реклама. А между ними тем же шрифтом еще одна рубрика — «Знакомства». Слева про подержанный диван и часы старинные с боем, в хорошем состоянии, справа райищторг агитирует за шлифованный рис, а в середине: «Мне двадцать девять. Очень одинока. Писать: Сосновоборск, а/я 45, Любе А.»

Рядом с рецептом плова по-индийски это выглядит странновато. Но не будем ханжами: какая разница, где и как человек просит помощи у человека! Плевать, что бумага серая и буквы не золотые, плевать на соседство дивана и пудинга — лишь бы услышали. Хочется надеяться, что сейчас, когда я все это пишу, Люба А. уже не одинока.

Надеяться хочется, а большой веры нет. Прежде всего потому, что статистика первых подобных экспериментов не слишком обнадеживает. Каждый месяц сотни объявлений, тысячи писем, а количество удач можно сосчитать по пальцам одной руки.

Почему же так мал коэффициент полезного действия брачных объявлений?

Прежде всего очень уж эти объявления лапидарны. Пять строк, пятнадцать слов, в общем-то достаточно однотипных. Вот и гадай, кто есть кто. Лотерея!

«Хочу познакомиться с женщиной 38—42 лет. Рост 165, вредных привычек не имею». Это все. Дальше адрес.

Ну что из этого объявления можно узнать об авторе, кроме роста? Нет вредных привычек? Прекрасно. Ну, а полезные есть?

«Хочу познакомиться с женщиной до 25 лет, рост до 170, желательно блондинкой. О себе: 32 года, брюнет».

Итак, брюнету нужна блондинка — с этим ясно. Но он-то сам что такое? Он кому нужен? Брюнет — это хорошо, это котируется. А прочие достоинства? И что делать темноволосым женщинам? Бежать в аптеку за перекисью или имеет смысл переждать?

«Познакомлюсь с привлекательным молодым человеком до 30 лет, имеющим высшее образование, рост выше 175 см. Отвечу на письмо с фотографией».

Ну что за голос из крошечной тьмы? Кто ищет привлекательного и молодого? Кто требует фотографию? А вот кто: а/я 13646. Предполагаю, что женщина.

Мужчина без вредных привычек ищет надежную подругу с жилплощадью. Женщина доброго и мягкого характера ищет интересного человека с жилплощадью. Сорокалетняя блондинка с покладистым характером ищет друга жизни, возраст любой, с городской пропиской...

Авторов объявлений можно понять. Объявление не письмо подруге, тут каждое слово стоит денег. Вот и стараются люди вписаться в несколько строчек самое, по их мнению, главное. Чаще всего — рост и возраст.

В общем-то принцип не из самых глупых. Это единственное, что можно проверить при первой же встрече: вот паспорт, вот сантиметр. Но сколько человеческого остается за пределами этой мини-анкеты! Пушкин со своим ростом шансов бы не имел.

Однако малая результативность брачных объявлений объясняется не только предельной их краткостью. Дело еще и в человеческой психологии.

Так уж мы устроены — то, что достается легко, не ценим, лишь добытым с трудом по-настоящему дорожим. Отсюда уважение к хлебу в крестьянской семье и пренебрежение в городской. Отсюда яростная погоня за любым дефицитом, который порой тем только и хорош, что дефицит. Отсюда преданность ребенка единственной самодельной кукле и равнодушие к ящику дареных игрушек. Отсюда почтительная бережность к заработанному рублю и презрение к родительской сотне.

А теперь представьте: блондинке с покладистым характером приходит двести писем. О таких случаях принято писать с умилением под заголовком «Двести женихов». Но есть ли повод для умиления?

Ну, двести. А что с ними делать? Ведь с каждым по идее надо познакомиться, и не раз и не пять. Дело-то серьезное, не партнера на белый танец выбираешь.

Но сколько времени нужно на эти свидания? Лет пять, наверное. Ну, три — быстрее уж точно не получится. Но не станешь же столько ждать! Да и женихи не станут — зачем, если в следующее воскресенье брачный бюллетень предложит им новую грудку вариантов? Значит, из двухсот претендентов надо срочно отобрать десятка полтора-два. А по какому принципу? Фото? Но не ставить же собственную судьбу в зависимость от таланта неизвестного фотографа! Письмо? Но что путное напишет мужчина женщине, о которой только и знает возраст да рост?

Нетрудно предположить: хоть характер у блондинки и покладистый, сортировка писем ей быстро надоест. Сбегаешь на десяток свиданий, ни на ком не задержавшись, даже толком не разглядев: когда разглядывать, если впереди еще целая рота! Так и вижу ее воскресным утром: до завтрака, еще в халате, разбросав письма по дивану, ищет она в этой куче жемчужное зерно. Летят в сторону не подходящие по росту, по профессии и просто с плохим почерком — была охота разбирать! Нечитанное послание завалилось за диван, нагибаться лень. Ну и черт с ним, пусть валяется, вон их еще полтора. А в том письме, может, спокойная радость всех ее будущих дней...

Эти газетные объявления вовсе не безопасны — они способны за пару недель превратить скромную женщину в капризную, разборчивую невесту. А у разборчивых невест во все эпохи судьба одна — вековать в девках.

Так что, пожалуй, у знакомства на танцах есть, как минимум, одно преимущество перед объявлением: оно не дурманит голову потоком предложений. А в целом, что и говорить, сегодняшняя наша служба знакомств весьма далека от идеала...

Так нужны ли такие вечера? Нужна ли рубрика «Знакомства» в рекламных приложениях?

Отвечаю убежденно и однозначно: нужны! Нужны вечера, потому что люди на них ходят. Нужна рубрика, потому что люди в нее пишут. Потому что такая служба знакомств лучше, чем никакая. Да,

сухая корка царапает горло, но не вырывать же кусок изо рта у голодного! Пусть из сотен, из тысяч находят друг друга лишь единицы, но ведь находят!

И еще есть причина, по которой крайне несвершенную службу знакомств нужно развивать и поддерживать во всех ее формах. Именно потому, что формы эти неразвиты, мы не знаем, какая из них перспективней. Учас ходить, и глупцы и гении одинаково разбирают носы, и никто не укажет заранее, который из ползунков со временем осястливит человечество.

Развивая службу знакомств, ошибаясь и совершая нелепости, мы накапливаем опыт в совершенно новом для нас деле. Опыт, который уже сейчас приносит некоторые плоды.

Один вывод из первых экспериментов кажется мне особенно важным. А именно: проблема одиночества в первую очередь упирается вовсе не в сложность знакомства.

Судите сами. Трое или пятеро из каждой сотни давших объявления, получив грудку писем, находят если не родственную душу, то хотя бы приемлемый для жизни вариант. Прекрасно!

Но ведь остальные девяносто семь или девяносто пять из той же сотни, получив такую же грудку писем, не находят ничего. Широчайшая возможность знакомства, а результат нулевой. То же самое одиночество, только теперь без надежды на периодическую печать.

Право же, танцплощадка в парке или вечеринка в общежитии дают не меньший процент удачных попаданий.

Выходит, само по себе знакомство практически ничего не решает. Дело не в нем. А в чем же?

Кто однажды пробежал марафон...

В газетах и разного рода брачных бюро, принимающих объявления о знакомстве, множество предложений от женщин. Что ж, это понятно: одиноких женщин больше, им выйти замуж трудней.

Но вот ведь какой парадокс: в тех же газетах и бюро множество предложений от мужчин. И не только из сурового Заполярья, не только из Донбаса и Кузбасса. Объявления о знакомстве дают даже мужчины из «текстильных городков», а уж там ли не рай для холостяка!

Что же происходит? Почему без помощи периодической печати не могут преуспеть не только многочисленные «невесты», но и столь дефицитные «женихи»?

Наши демографы, очинив карандаши или, в духе эпохи, включив ЭВМ, подсчитывают процент мужчин и женщин в каждом поколении, множат, делят и выдают на-гора научно обоснованный прогноз: в таком-то году легче будет с замужеством, в таком-то с женитьбой.

Они смело могут спрятать карандаши: соотношение полов, конечно же, будет меняться, но проблема одиночества никогда не станет его зеркальным отражением. Ибо в любви хозяйничает не арифметика. Ибо и мужчинам и женщинам независимо от того, каковы их шансы на успех, нужна не просто пара.

Наш интерес друг к другу, так сказать, не тотальный, а сугубо избирательный. И глубину проблемы одиночества определяет не столько сложность знакомства, сколько критерии отбора.

От них-то и зависит многое. Очень многое. Вот письмо, занимающее двенадцать страниц (привожу только выдержки).

«...пишет вам старая дева. Можете эти слова принимать за иронию. Только меня лично они заставляют задуматься о вполне серьезных вещах...»

«Вчера мне исполнилось ровно тридцать. Поздравительный текст одной из сотрудниц был такого содержания: «Теперь на тебя только какой-нибудь разводяга посмотрит». Другая же работница произнесла: «Сколько можно в девках сидеть? Хватай за шиворот первого попавшегося и беги в загс. В крайнем случае разведись».

«Наверное, у меня было право обидеться на них за бестактность. Но обижаться нельзя: уж очень искренне прозвучали эти слова...»

«Нет, не могу согласиться с мнением: «Бери первого попавшегося». Почему это возраст лишает меня права выбора? Неужели я стала хуже оттого, что прожила на свете одним десятком лет больше? Вы думаете, легко в девках быть и пронести через десятилетие незапятнанной свою девичью честь? Гордость во мне родилась раньше, чем я: скорее умру, чем позволю кому-то именоваться меня бесстыжим именем «любовница» (простите за откровенность).

«Всегда и только от женщин слышу: «Ты никому не нужна». А может, это в них голос зависти звучит? Хотелось бы узнать, какими глазами смотрит на «старых дев» сильный пол.

«Не без боли думаю: почему я одна? Казалось бы, по всем данным из меня должна выйти неплохая жена. Я умею рукодельничать, вяжу, вышиваю, рисую, вообще многое делаю по дому...»

«Характер у меня уравновешенный. Кто-то может предположить: внешность. Но ведь и с этим вопросом в порядке — отец был красивым, а я вся в него...»

«По-моему, трагедия одиночества зависит от того, что современный горожанин стенами своей комфортабельной квартиры отделен от всех. Я, например, не сомневаюсь, что, может быть, совсем близко от меня находится одинокий молодой человек, «старый холостяк», который живет ожиданием, что вот-вот к нему в открытую форточку залетит Царевна-Лебедь. Но пока он ждет, от горьки слез одиночества Царевна-Лебедь превращается в бабу Ягу.

«Жить одними ожиданиями мало. Кто мне сможет ответить, над какими лесами, над какими полями летает мой Сокол?»

«Я всем сердцем верю — ходит по свету близкий человек. Но где его встретим, чтобы подарить ему свою нежность? Танцплощадки и дискотеки я не посещаю, так как там царит дух легкомыслия. В городском транспорте? Но когда со мной заговаривают в автобусе, я считаю это оскорблением...»

«Сама жизнь указывает на необходимость объявлений о знакомствах. Но указывать в них надо не рост и вес, а совсем другое. По-моему, брачные объявления должны представлять ответы на анкету с такими вопросами: тип нервной деятельности, увлечение, любимый литературный герой, любимое музыкальное произведение, любимый кинофильм.

«Ведь совсем не одно и то же, филателист человек или турист. Приведу пример: моя подруга развелась с мужем из-за того, что до вступления в брак не знала о его увлечении аквариумными рыбками. Потом она всем говорила: «Он неплохой человек, но его рыбки у меня в печенках сидят».

«Да, у супругов все должно быть единолюбиво: и песни, и кинофильм, и увлечение...»

«Служба знакомств современному человеку необходима: ведь нашими упущениями уже пользуются предприимчивые люди. Уже появилась неофициальная профессия «сводила», причем «сводилы» хорошо греют руки на этом деле, беря с молодых по тридцать, а с пожилых по пятьдесят рублей. И люди охотно платят и ждут своей очереди в надежде обрести личное счастье.

«Дополнительно к объявлениям я предложила бы организовать клубы встреч при кинотеатрах. Перед началом вечерних сеансов надо проводить вечера знакомств. И пусть люди танцуют в фойе прекрасные балльные танцы, а не безобразные современные, в которых дергаются, как паралитики. Знаете, как я люблю вальс! Ведь и мою маму с папой когда-то соединил вечно юный, никогда не стареющий вальс!»

Надя, медсестра, г. Саратов».

Цитата получилась все-таки длинной, и по идее ее можно бы сократить, оставив лишь конкретные предложения и аргументы. Но ведь Надо волнуется прежде всего не правильность или спорность ее умозаключений, а вполне практический вопрос: «... почему я одна?» А замуж выходят не аргументы, замуж выходят женщины. И нам сейчас важны не столько Надины предложения по совершенствованию службы знакомств, сколько она сама.

В чем же, судя по письму, суть Надиных личных трудностей?

Мне кажется, вот в чем.

«Она хочет встретить близкого человека, чтобы «подарить ему свою нежность», — естественное и прекрасное желание! Но посмотрите, как подробно она рисует облик этого пока еще не встреченного, а лишь предполагаемого Сокола (употребим ее же термин).

Сокол должен обладать целым рядом заранее заданных качеств. Чтобы понравиться Наде, он должен разделять не только ее основные взгляды на жизнь, но и вкусы, манеры, многочисленные житейские пристрастия.

Этот одинокий молодой человек не должен знакомиться в городском транспорте. Не должен быть хамом, то есть до официального бракосочетания посягать на девичью честь: вероятно, ему придется спланировать свою страсть таким образом, чтобы она достигла апогея как раз к финалу свадебного ритуала. Не должен разводить аквариумных рыбок. Должен иметь «единолюбимые» с Надей песни и кинофильмы. И, наконец, желательно, чтобы их с Надей соединил вечно юный, никогда не стареющий вальс.

Меньше всего хочу ставить под сомнение Надин вкус: каждый из нас имеет право на свои представления о настоящем мужчине и идеальной женщине. Я просто подозреваю, что искать Сокола именно с

таким сочетанием достоинств не просто трудно, а практически безнадежно.

А как быть, если одно в нем годится, а другое решительно не подходит? Скажем, рыбок не разводит, но зато посягает на честь. Или, напротив, не посягает, но прекрасным бальным танцам упорно предпочитает «безобразные современные». Или, допустим, в песнях полное единолюбие, а в кинофильмах непримиримое расхождение. Как тогда? А ведь возможен еще и самый обидный вариант: и не разводит, и не посягает, и в танцах полное единолюбие, а Надя ему не понравится...

Пожалуй, теперь легче ответить на вопрос, почему красивая и серьезная Надя, обладающая вроде бы всеми качествами хорошей жены, до сих пор одна. Да, она готова отдать нежность близкому человеку, которого пошлет судьба, но при этом ставит судьбе весьма жесткие и слишком конкретные условия, которые та не может или не хочет выполнить. Но ведь и судьбу надо понять: одиноких женщин много, соколов недобор, и с какой бы стати фортуна предоставила именно Наде преимущественное право выбора?

Особо хочу сказать о гордости, той самой, что раньше Надя родила.

Когда-то слово «гордость» считалось почти бранным: церковь проповедовала смирение. В проповеди этой, вероятно, было немало лицемерного, ибо смиряться приходилось в основном не богатым и сильным, а тем, кому, кроме смирения, иного и не оставалось. Но сегодняшняя проповедь гордости, которую подросток в разных формах слышит и в школе, и на лекциях, и за домашним столом, — лучше ли она? Ведь гордость в бытовом, житейском смысле слова — чувство довольно мелкое. Слишком часто оно замешано на самом дешевом самолюбии, а то и на элементарной трусости: и друга оскорбим, и от любимого отвернемся, и родную мать обидим, лишь бы окружающие не подумали, что у нас этой гордости нет. Ведь чем гордимся во дворе на лавочке? Не отличной учебой, не успешной работой, а тем, как переупрямили родителей или отшили на танцах робко подошедшего пареняка...

У психологов есть такой термин: уровень притязаний. Так вот подлинной причиной многих одиночеств является не затрудненность знакомств, не дефицит мужчин или женщин, а просто завышенный уровень притязаний. Та же Надя живет не в пустыне — большой современный город, люди вокруг. Работает на довольно бойком месте, занимается в самодеятельности, к ней вон даже в автобусе пристают. Есть вокруг мужчины!

Мужчины-то есть. Но не соколы. Никак не тянут на высокий идеал...

Вообще поиски любимых по заданному образцу стали достаточно массовым явлением. Причем образцы эти часто не только продуманы до деталей, но однажды уже воплощены в натуре. Главным образом в темном зале на белом полотне. Желательно в цвете.

Сколько судеб ломает, сколько жизней калечит великое искусство кино!

Благодаря тому или иному популярному фильму множество девушек успешно прогнозируют не только общий тип и нравственный облик будущего любимого, но и разрез глаз, цвет волос, тембр голоса, манеру поведения — все, вплоть до родинки на щеке. И порой очень хороший человек отвергается лишь потому, что при всей своей хорошестьи вопиюще не похож на Алексея Баталова в фильме «Москва слезам не верит». Мне тоже очень нравится актер Баталов, но что поделаешь, если у него есть по крайней мере один роковой «недостаток»: он не серийного, а штучного производства и до сих пор существует в единственном опытном экземпляре. Неустрашимый дефицит!

Завышенный уровень притязаний — вещь опасная. От мнимого невезения портится характер, накапливается злость на человечество. И уходит время, те самые дни, что, как нервные клетки, не восстанавливаются. В промтоварном магазине все мы довольно успешно соизмеряем свои желания с возможностями. А вот в любви не хотим.

Как-то весь вечер провел в молодой женской компании. И весь вечер девушки, основательно перевалявшие за двадцать пять, со вкусом и смаком обсуждали, какой нынче нужен муж. Такой-то рост. Такой-то вид. Такой-то заработок. И чтобы все мог по дому. И чтобы завидовали подружки. И чтобы прощали все капризы. И чтобы удовлетворял все прихоти. И еще всякое прочее.

Я слушал и думал: какими же достоинствами должны обладать сами требовательные мечтательницы, чтобы на них остановил взгляд и выбор такой морально-бытовой супермен? В конце концов этот довольно бестактный вопрос я произнес вслух.

Девушки не обиделись и не растерялись. Самая логичная из них спокойно возразила:

— А никаких достоинств и не надо. Должен любить, вот и все.

Когда же я осторожно заметил, что шансы на

подобную удачу дискуссионны, она снисходительно пожалала плечами:

— Подумаешь! Вот Манюня, вместе учились, вышла замуж за пианиста. Симпатичный и полгода в загранках. А чем она лучше меня?

Я только руками развел, ибо Манюню знал и мог подтвердить, что она ничем не лучше моей знакомой.

Уже потом я сообразил, что из этого роскошного случая ровно ничего не вытекает: Манюне действительно повезло, но это вовсе не значит, что повезет всем девушкам, которые не хуже ее. В конце концов при каждом тираже спортлото кому-то выпадает крупный выигрыш, но можно ли на этом основании рассматривать лотерею как средство регулярного заработка?

Боюсь, что везучая Манюня своим внезапным успехом обрекла на длительное безбрачие кучу своих приятельниц: наши музыкальные училища заслуженно славятся, но незамужних девушек в стране все же значительно больше, чем пианистов-лауреатов...

Словом, чем выше претензии к возможному избраннику, тем выше вероятность одиночества. Однако дело не только в том, что именно человек рассчитывает в браке получить. Дело в самом принципе — в браке он рассчитывает получить. Кому-то нужна материальная независимость, кому-то свой дом, кто-то рассчитывает на ежедневную заботу, кто-то мечтает избавиться от родительской опеки, кто-то норовит улизнуть разом от всех своих проблем, спрятавшись от них в замужество или женитьбу.

Подобного рода стимулы редко ведут к успеху. Ибо брак не выход из жизни, полной проблем, а наоборот, вход в жизнь, полную проблем. И вообще это не то место, где можно получить, — это скорее место, где можно отдать.

Когда речь идет о человеческих отношениях, из каждого правила полно исключений. Но правила все-таки есть.

Тот, кто стремится в браке отдать, как правило, создает и берегает семью. Тот, кто старается только получить, в конце концов остается одиноким.

Правда, в бытовых наших разговорах то и дело проскальзывает невеселая мыслишка, что, мол, доброта вознаграждается только в книгах, а в суровой действительности к любому дефициту, отирая скромных и совестливых, тут же тянут загибающие лапы эгоист и нахал. А поскольку «женихи» сегодня большой дефицит...

Верно, тянут. Иногда и загибают, хотя значительно реже, чем тянут. А вот удержать не могут. Не умеют. Тут эгоисту не фартит.

Любой может провести маленькое социологическое исследование: поглядеть на знакомых и посчитать, кто удачливее в делах семейных — добрые или эгоисты? Только брать надо не двадцатилетних, а пятидесятилетних: этот возраст ставит точки над всеми «и»...

Вообще главное и ведущее правило человеческих отношений однажды замечательно сформулировала моя двенадцатилетняя приятельница, сказавшая однокласснице:

— Много хочешь — мало получишь!

Поскольку пятиклассницы — тоже несомненная и уважаемая часть народа, я бы предложил зачислить эту фразу по разряду народной мудрости и писать ее крупными буквами на дверях всех без исключения клубов знакомств...

Стоп! Это что же у меня выходит? К чему призываю, а? К оголтелому снижению критериев — лишь бы замуж, а за кого, плевать?

Нет, критерии снижать не надо. И призываю я к другому: к зоркости, только к зоркости! К тому, например, чтобы девушка, плененная романтическим киногероем, сумела разглядеть его черты в невзрачном и немодном соседе по двору. Или к тому, чтобы Надя смогла узнать своего Сокола в рядовом мужчине, который сперва рискнет заговорить с ней в трамвае, а потом окажется любителем современных ритмов и аквариумных рыбок. Ничего не поделаешь — природа не делает любимых на заказ, и в жизни благородный Дон Кихот вполне может обладать комичной внешностью Санчо Пансы, а доблестный рыцарь Айвенго — заикаться и сверкать лысиной...

А сейчас я хотел бы привести выдержки еще из одного письма — не об одиночестве и не о любви. Прислала его учительница из Иркутска, год назад окончившая институт. Она пишет:

«...Мне очень запомнилась одна мысль Стефана Цвейга: «Тот, кто помогал хотя бы одному-единственному человеку, жил не напрасно, стоит отдавать всего себя, все свои силы — до последнего. Оправдана каждая жертва; даже ложь, если она приносит счастье другим, важнее любой правды».

Жизнь моя складывается довольно благополучно. У меня прекрасные родители, любимая сестра. Училась хорошо, работая с детьми, как и хотела.

Работа трудная, не всегда и не все получается, но я стараюсь, в коллективе ко мне относятся хорошо. Есть замечательная подруга. Казалось бы, чего мне не хватало?

А не хватало мне ощущения, что я кому-то помогла в трудную минуту. Мне хотелось узнать, на что я способна. Могу ли, как написано у Цвейга, «отдавать людям всего себя»? Могу ли помочь чьей-то судьбе?

Случайно узнав адрес, я написала в исправительную колонию. Мне ответил один из осужденных. Зовут его Володя, он мой ровесник. Мы переписываемся уже три года.

Он осужден правильно, сам знает об этом и о прошлом вспоминает с болью. Не знаю, правда ли я, но в своих письмах к Володе я выступаю не прокурором, а адвокатом. Как поется в песне, «вера в людей — главное наше оружие». Три года — достаточный срок, чтобы узнать человека. Я уверена, что Володя никогда больше не совершит ничего плохого. Но я понимаю, как трудно ему будет после возвращения. Общество справедливо настороженно относится к осужденным, требуется время, чтобы доказать свою готовность начать все с нуля, свое умение жить и работать честно.

Если я помогу Володе в этот трудный период, я буду счастлива. Он достоин помощи. Но моя сестра считает, что эту переписку пора кончать, что, все глубже погружаясь в Володину судьбу, я беру на себя слишком большие обязательства и могу упустить собственное жизненное счастье, время-то идет. К тому же мы с сестрой не одни на свете, есть любящие и любимые родители. Могу ли я рисковать их спокойствием и здоровьем?

Я познакомилась с Володиными родными. Даже они говорят, что я должна считать себя свободной: он вернется только через два с половиной года, это большой срок, мало ли что может произойти, а моя жизнь пока проходит...

Как видите, я вроде свободна, могу считать свой долг выполненным. И мне, и родителям, и сестре будет спокойнее. Но ведь «спокойнее» не значит «лучше». Как мне ни трудно, я не хочу и не могу начать жить легче. Что бы ни случилось, другом Володя мне будет всегда.

Я давно поняла, что счастье не дается в подарок, к нему надо идти через трудности и даже страдания. Не помню, кто сказал: «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать!» Может быть, самое ценное счастье — это трудное счастье?

Мы с Володей ни разу не виделись, никаких обязательств друг перед другом не брали, переписка наша чисто дружеская. Но я уже не могу решать свое будущее, не думая о нем. Мне кажется, если я выйду замуж до его возвращения, это будет чем-то вроде предательства. Простите за обилие цитат, но приведу еще одну: «Каждый, кто принимает участие в чужой судьбе, не может уже с полной свободой распоряжаться своей собственной...»

Вот такое письмо.

Я где-то читал, что человек, хоть один раз в жизни пробежавший марафонскую дистанцию, в будущем может не бояться инфаркта: сердечно-сосудистая система, способная на такое напряжение, не подведет его никогда.

Я не рискнул бы давать конкретные рекомендации девушке, приславшей письмо, — в столь сложной ситуации издали не разобраться. Но одно, пожалуй, можно гарантировать: среди множества проблем, которые наверняка придется решать в жизни молодой учительнице из Иркутска, не будет проблемы одиночества. Три года по доброй воле заботиться о чужой тяжелой судьбе, от многого отказываться и многим рисковать, ничего, в бытовом понимании, не получая и ни на что не рассчитывая, — это ведь тоже марафон: такое напряжение души, такая школа человеческих отношений, такая работа над собственной личностью обязательно отзовутся в любой жизненной ситуации. Да, по сути, уже отозвались. Хотя бы в том, как достойно и мудро, стараясь не обидеть никого из дорогих людей, ищет девушка решение очень непростой задачи. А ведь эта мудрая бережность — едва ли не главное качество жены и вообще женщины. Не знаю, умеет ли она, как Надя из Саратова, руководничать, шить и вышивать. Если и не умеет, не страшно — научится, когда понадобится близкому человеку...

Мы говорим — слухай, удача, судьба. Как выпадет. Как повезет.

Но есть ли все это в реальности? Может, и нет никакой судьбы — есть лишь дороги, которые мы выбираем?

Два письма. Два выбора. Надя из Саратова ждет своего Сокола, учительница из Иркутска бежит свой марафон. Не знаю, как у кого сложится. Знаю только, что дорогу осилит идущий...

Продолжение следует.

НЕ ЧУЖАЯ БЕДА

Пьяный подросток, подвыпившая девушка... Есть ли картины более неприглядные! Конечно, можно отвернуться, пройти мимо, сделать вид, что тебя лично это не касается. Но беда слишком велика и опасна, чтобы «стыдливо» отводить глаза. Вот почему такую обильную почту вызвали публицистический очерк Ольги Чайковской «Пикник в подъезде» («Смена» № 15, 1983 г.) и статья Станислава Шевердина «Опасное пристрастие» («Смена» № 9, 1984 г.), в которой автор анализирует читательские письма на эту тему.

Сегодня мы продолжаем разговор о борьбе с пьянством. Почему некоторые молодые люди тянутся к рюмке? Какие способы и меры надо употреблять, чтобы покончить с этим злом? — вот вопросы, которые задают себе, всем нам авторы присланных в редакцию откликов. Злободневные, болезненные, волнующие всех вопросы. Думается, что и ответы на них будут интересны всем.

Почему я не пью

Для меня лично никогда не существовало такой проблемы — пить или не пить. Мы (у меня есть две очень хорошие подруги) никогда не собирались в подъезде для того, чтобы распить бутылку портвейна, не курили и не сквернословили. Почему же Ира С. или Наташа С. считают, что выпивка в подъезде — это развлечение? Пьют, потому что им некуда деть свободное время? Глупости! У меня, например, этого свободного времени просто нет. Я прихожу с работы и сразу сажусь заниматься (в прошлом году я окончила школу и не поступила в институт). Занятия отнимают массу времени. И так каждый день. Только в воскресенье я позволяю себе отдыхать: помогаю маме, иду в кино с подружками или в парк. День проходит очень быстро. А как его ждешь целую неделю! Иногда хочется все бросить и заняться чем-нибудь более приятным, чем математика или история. И я действи-

тельно бросаю... на 15 минут. Отдохну и снова занимаюсь. Так зачем же пить? Какое в этом развлечение?

Может быть, нужно ставить вопрос иначе: пьют, потому что больше ни на что не способны? Потому что в шестнадцать лет не одолели ни одной книги, не играют в шахматы, не занимаются бегом. Потому что нет ни характера, ни силы воли. Потому что духовный мир слишком убог.

Мне смешно, когда я вижу, как мои сверстницы сидят в подъездах и плачутся по поводу плохой компании. Ждут, когда придет добрая фея и уведет в светлый и прекрасный мир. А компанию-то нужно создавать самим! Или, может, они боятся одиночества? По-моему, лучше остаться одной, чем быть в плохой компании. А самое главное — если изменишься ты, то изменится и мир вокруг тебя.

Лена Ш., Краматорск

Моя компания

Здравствуй, «Смена»!

Прочитала статью С. Шевердина, где обсуждается «Пикник в подъезде», и совершенно согласна с автором: многие 17-летние пьют от нечего делать. У меня тоже была подобная компания, вернее, она и сейчас есть, только я уже вне ее: меня изгнали вчерашние друзья и подруги, причем друзья не только по пьянке.

Дело в том, что папа и мама, узнав, что мои приятели выпивают, категорически запретили мне бывать с ними. Но родители на этом не остановились, они стали клеймить их позором. Ладно бы поговорили с самими ребятами, зачем же другим-то знать, какие у меня друзья, какой класс.

Ребята обиделись, посчитав это предательством с моей стороны, будто я все специально рассказала родителям. В общем, теперь я в полной изоляции!

Конечно, я читаю Толстого и Достоевского, в моем библиотечном формуляре есть книги по этике и эстетике, но, честное слово, ни одна книга, даже самая прекрасная, не заменит живого человеческого общения. Ведь не подельсь же я с Толстым своими радостями и печалью, не расскажу ему о последней моде, о кулинарном рецепте, словом, обо всем, что меня волнует! Вы спросите: разве рядом нет людей, кроме твоих бывших «собутыльников»? Есть! И очень хорошие, добрые, честные люди, но... — одно маленькое «но» — эти люди либо уже имеют друзей и я им как «пятое колесо в телеге», либо они скучны до жути... В общем, причин юношеского одиночества много.

Знаете, я часто думаю, зачем вообще людям выпивка? Не алкоголикам, не заядлым пьяницам (хотя и они ведь вырастают из наших рядов), а моим сверстникам? Не пойму! Правда, мне кажется, если не упиваться, как говорится, «до чертиков», не хлебать «лошадиные дозы», а выпить норму, просто чтобы поднять настроение, то ничего страшного не будет. А вот остаться совсем одной — это ужасно!

Лариса Кумолина,
Майкоп

Всему виной — вино

Уважаемая редакция!

Я пью уже лет 15. Один, два, три раза в неделю обязательно. Пью на работе, на улице, дома — везде. Последние годы стал пить и один. Уверен: если бы вдруг перестали продавать вино, я пить бы бросил.

К чему пишу о себе? Да к тому, что когда-то тоже был молодым. И тоже выпил первую рюмку. И почувствовал «бархатное» опьянение. Сейчас мне 36 лет. Есть работа, семья, растут две прекрасные девочки — все неплохо. Но вино закрыло мне многие дороги в жизни. Мог бы окончить институт, неплохо рисую, но... опять это злое вино.

А что потом?..

Я не раз замечала, что любители выпить, «побалдеть», «повеселиться» легко находят себе подобных среди совершенно незнакомых людей. Стоит им куда-либо приехать отдохнуть, они не гуляют в одиночестве с задумчивым видом, а быстро находят себе развлечение за бутылкой. Нормальному человеку это трудно понять, и все же: почему именно эта мерзость так быстро сближает людей?

В памяти человека живут такие минуты, которые для него дороже всего. Их не забыть, ничем не оценить, потому

Было бы желание...

Семнадцать лет, по моим наблюдениям, — переломный возраст. В это время или совсем бросают пить, или начинают спиваться.

...Мы сидели на грязных ступеньках какого-то подъезда, курили, и по кругу ходила последняя бутылка портвейна. Каждый что-то говорил, но вряд ли его слушали. Вот так мы «ловили кайф». Я полюбил эти вечера. Как немного требовалось, чтобы грязный подъезд стал самым прекрасным залом, а твой собеседник — лучшим другом. Не было милей девчонки, тянувшей с тобой одну сигарету на двоих, а парень, что-то завывавший ломающимся голосом и неумело терзавший гитару, казался лучшим в мире певцом.

А наутро наступало похмелье. И то, что вчера казалось белым, становилось черным, то, что вчера было прекрасным, представлялось грязным и пошлым. И я обещал себе, что ноги моей больше там не будет, а толку что? Чем ближе вечер, тем сильнее тянуло в компанию.

Совсем недавно я покончил с «посиделками» в подъезде. Почему? Появился один человек, девушка, которая сказала: «Зачем тебе все это?» Я бросил, хотя, если быть до конца откровенным, я поступил так в первую очередь для того, чтобы сделать приятно ей. И уже только после понял, что ведь и без этого жить можно. Скорее всего, даже нужно!

Михаил Орехов,
учащийся ПТУ, Москва

От слов — к делу!

Много лет существует проблема пьянства, а «воз и ныне там». Возникает вопрос: почему? Не потому ли, что свыклись с алкоголизмом и воспринимаем его как неизбежную плату напряженному XX веку? Скуча, праздность и неспособность некоторых людей занять руки и ум — разве может это являться оправданием современной «питейной моды»?

Тех, кто не хочет пить, но пьет, гораздо больше. И очень мало тех, кто нашел в себе силы противостоять этому пороку: идти против мнения большинства всегда было уделом незаурядных личностей. Так как же тогда могут противостоять требованиям складывающихся привычек наши малолетние граждане?

Совсем недавно плакался мне один московский инженер — без пьянки нельзя утвердить проект. Сам не в силах пить, вынужден держать заместителя, который только этим и занимается. А сколько их так и не дотягивает до пенсии, сгорает «в деле»!

Абсолютно убежден в разрешимости алкогольной проблемы. Нужно только наконец утвердить в жизни то, что мы декларируем. А в жизненном статусе трезвенника и пьющего должна быть ощутимая разница в пользу первого.

Е. В. Баркун,
почтальон, г. Фрунзе

Пока не поздно

Здравствуй, «Смена»!

Я постоянно читаю все твои статьи о молодежи, потому что и сама молодая, мне 17 лет, заканчиваю десятилетку.

Вот недавно прочла я статью Станислава Шевердина «Опасное пристрастие». Да, алкоголь, как и курение, — вредные привычки. И как жаль, что не все это осознают и понимают.

У нас во дворе тоже есть компания. Ребята, которые входят в нее, конечно, не идеал, но если бы все были такими, как мы, то это уже было бы хорошо. В нашей компании ребята от 16 до 21 года. У нас общие интересы. Конечно, это не спиртное. Никто из нас не пьет. Старшие парни курят, а младшие нет. А вот другой пример: я пою в вокально-инструментальном ансамбле при Дворце пионеров. Коллектив, кроме меня, состоит из мальчишек 15—17 лет. Все, за исключением двух, курят. А пьют все до одного — и по «поводу» и без повода.

Вот какой случай был недавно с нашим гитаристом. Мы готовили программу к областному смотру-конкурсу. На одной из репетиций я заметила, что у гитариста, стоящего рядом со мной, какой-то странный вид. Я спросила его: «В чем дело?» Он ответил: «Все хорошо, мы просто выпили по стаканчику с Аликом». Алик уже весело смотрел на всех. Как потом я узнала, пили они на голодный желудок, а на закуску выкурили по сигарете. И вот посреди программы (я была в это время за кулисами) слышу грохот. Оказывается, это наш гитарист упал. Он лежал на полу побледневший, лишь через несколько минут он пришел в себя.

Думаете, на этом все кончилось? Нет, он продолжает пить. А ведь парню только 16 лет, что же будет с ним дальше?

Куря и выпивая, девчонки не осознают, что через несколько лет, когда станут матерями, их пристрастие отразится на самом дорогом и близком — на их детях. А парни! Они не останавливают девчонку, которая курит, а, наоборот, суют ей сигарету и подносят стакан. А если взять и перебороть себя, то есть порвать с плохой компанией и опасными пристрастиями? Пусть каждый задаст себе этот вопрос и постарается на него ответить.

Виктория Халан, Чернигов

Б. К. М., Пермь

Владимир ЧЕРКАСОВ

Вот как сошлось. Я недавно вернулся из поездки по замороженной иртышской тайге. А ярко вспоминал о наших беседах с писателем Анатолием Ивановым прошлым летом. Это были дни, когда шла премьера заключительных серий телесериала «Вечный зов», за первую часть которой коллектив ее создателей удостоен Государственной премии СССР. Мы сидели с Анатолием Степановичем в его кабинете главного редактора журнала «Молодая гвардия», и он снова собирался в поездку на Урал и дальше, за горы, по родной Сибири.

Воспоминания ясно ожили сейчас, потому что читаю только что вышедшее в периодике интервью Анатолия Иванова и, вдумываясь в размах размышлений писателя, обостренно понимаю, почему предисловие к его собранию сочинений названо: «XX век в изображении Анатолия Иванова». В своем интервью Иванов говорит о социалистическом реализме, об экологии, об умелом хозяйствовании на нашей земле. И я невольно думаю о могучей пружине, заложенной в его рассуждениях, об основе всего его творчества, сжато обозначенной им раньше: «Высший смысл и

назначение литературы — отображать народную жизнь во всей ее полноте. Высший человеческий идеал — создание на земле такого общества, в котором все народы были бы братьями, имели бы неограниченную возможность проявлять все свои лучшие качества. И всякий владеющий пером только тогда будет считаться писателем, если своим творчеством будет способствовать созиданию такого общества».

Мое открытие прииртышского края, конечно же, тоже было связано с образами книг А. Иванова. В Омске, глядя на купечески осадистые, в снежном оторочье постройки прошлого века, я думал о соседнем Новосибирске (в романе «Вечный зов» — Новониколаевск). Удивительное чувство узнавания поглотило 400 километров таежной дороги: мы ехали в центр бывшего партизанского края — Седельниково. Кроны исполинских деревьев тяжело клонились под усиливающимся ветром.

— «Верховик» подул, — многозначительно сказал шофер, положивший накануне в багажник два охотничьих ружья в чехлах.

Первозданно, кряжисто обступила нас Сибирь, и вспомнились точные слова сибиряка Валентина Распутина, высказанные им на страницах альманаха «Сибирь»: «Сибирь — это Сибирь, которая имеет свое имя, лежит на своем месте и выработала свой, ни на что другое не похожий характер. Из конца в конец и из края в край над нею витает свой дух, словно бы до сих пор не решивший, быть ему добрым или злым, в

Фото Николая КОЧНЕВА.

зависимости от того, как поведет себя здесь человек».

В седельниковской школе, в Музее боевой славы нам показали карту партизанского движения с красными стрелами боевых походов. С пожелтевших фото смотрели на нас бойцы в папахах с ленточками наискосок, в помятых шинелях. В подписях не встречались фамилии героев «Вечного зова»: Субботин, Кружилин, Назаров... Но в лицах партизан нетрудно было угадать и Кружилина, и Назарова, и Субботина. После очередной поездки на родину Анатолий Иванов говорил, что в Субботине есть многое от местного секретаря обкома: его высокая партийность, его государственная заботливость. В Кружилине многое от райкомовского партийного руководителя — его беспокойство о судьбе каждого рабочего или колхозника, живущего в его районе, его отчетливое понимание того, что каждая горсть зерна, каждый грамм масла — это частицы, из которых складывается богатство, могущество Родины, а значит, и счастье людей. А в председателе Панкрате Назарове есть та великая и неистребимая любовь к земле, к сельскому труду, которую видел писатель у руководителей колхозов, раскинувшихся на землях, где Анатолий Иванов родился и вырос.

Каков же тот сибирский край — Алтай? Каков «дух» ивановской литературной и всамделишной «малой» родины? «Эталон красоты европейской — Швейцарию к Горному Алтаю подставляют особенно часто, — пишет иркутянин В. Распутин в статье (альманах «Сибирь»), — природа здесь не просто живет, а царствует, безбрежно и безвластно и, словно устыдившись своих высот — высот не над уровнем моря, а над уровнем человеческого восприятия, начинает от великодушия спускаться вниз, с державной легкостью снося свои богатства, чтобы, как зримые божественные звуки, прозвучали они задушевно и ободряюще. Не случайно именно здесь, на Алтае, два столетия подряд искали русские люди таинственное беловодье, легендарную страну, устроенную, как рай земной, где они могут зажить в полном счастье. Искали и, по их представлениям, находили... начинали строиться и пахать — было же, значит, в этих местах что-то особенное, не рядовое, что заставляло смотреть на них с благословенной надеждой».

«Человек на своей земле» — так классически можно назвать одну фотографию Анатолия Иванова давней поры, сделанную на его родине, в селе Шемонаиха на берегу светлой Убы. Прищурившись, он смотрит на реку, на лодки, паром, на резкие контуры великанских каменистых сопок в неохватном прозрачном небе. И там, за рекой, высокий, с отвесными стенами утес, который теперь прозывают Марьиным. Окрестили в честь героини романа «Тени исчезают в полдень» Марьи Вороновой, будто бы и въявь убитой кулаками на его вершине.

Вот как запало писательское слово в сердца земляков. Литературный образ как бы слился с породившей его родной землей. Художественная идея обрела наглядную горную высь, потому что силы и вдохновение дал ей народ. Река Уба зовется в

Анатолий ИВАНОВ: "ЗА"

книгах писателя Светлихой, Громотухой, а Шемонаиха, затерянная среди алтайских гор и холмов, — Шантарой.

Здесь жил Анатолий Иванов до окончания десятилетия, полностью разделив в военное лихолетье тяготы матери, оставшейся без мужа с тремя детьми на руках. Как тогда жили-были в Шемонаихе — Шантаре? Представление об этом вынесли теперь не только давнишние читатели прозы А. Иванова, но и десятки миллионов телезрителей, посмотрев семисерийный фильм, созданный по второй части романа «Вечный зов», завершивший 19-серийную эпопею.

На экране вновь ожили герои писателя. И было узнавание давнишних знакомых захватывающе интересным, словно они спутники твоей собственной судьбы. Да так оно и есть: ведь вся эпопея снималась десять лет.

Широк интерес к экранизации самого известного романа Иванова. В этой связи уместно взглянуть на такую особенность творчества писателя, как драматургия его письма. Склонность эта — ключ ко многим ипостасям художника. Например, любопытно, что многие наши крупные прозаики, чьи произведения экранизировались, как правило, не удовлетворены их кино- и телекачеством. Анатолий Иванов, на моей памяти, первый, кто удовлетворен экранизацией своих произведений. Впрочем, он не вполне согласен с самим термином «экранизация». Вот что пишет Анатолий Степанович в одной из своих статей:

«Мне кажется, мы неправильно называем фильм или телефильм, поставленный по литературному произведению, экранизацией. Вот, скажем, заснятый на киноплёнку без всяких изменений театральный спектакль — это экранизация. А созданное на основе романа, повести или рассказа кинематографическое произведение никогда слепо не копирует прозаический оригинал, да и сделать это невозможно. Следовательно, так называемая экранизация любой литературной вещи есть всегда создание нового, оригинального произведения в другом жанре, ибо в этом новом произведении всегда будут ярко выражены творческие принципы и методы художественного исследования жизни его автора — режиссера-постановщика, его миропонимание, его нравственно-философские идеалы».

Понятно, что в такой переработке большую роль играет писатель, автор сценария.

— Я всегда участвую в работе съёмочной группы до последнего кадра,— говорил Иванов в одну из наших летних встреч.

Непросто Анатолию Степановичу выкраивать время от своих писательских и редакторских забот, чтобы постоянно быть в курсе съёмок. Но только от такой сопричастности у сценариста может потом быть удовлетворение истинной законченностью вещи, когда-то родившейся под его пером. Присутствие писателя рядом с режиссером необходимо. Ведь здесь оживают плоды его воображения. И кому, как не ему, практически выверять новую жизнь своих образов.

— Важно понять, что кино и литература — разные виды искусства,— рассказывал Анатолий Степанович.— Кинематограф более эмоционален. Человеческое восприятие монолитно вбирает художественные образы с экрана, у зрителей больше возможностей для сопереживания с актёрами, авторами фильма, нежели у читателя. С учётом этого при съёмке приходится постоянно художественно переосмысливать и прозаическое произведение, а иногда и сценарий.

19-серийный телефильм «Вечный зов» снимался известными кинорежиссерами Владимиром Краснопольским и Валерием Усковым. За долгие годы совместной работы мы научились понимать и привыкли доверять друг другу. Вот, скажем, один пример. По приезду на съёмки в Норвегию режиссеры пришли к выводу, что в силу ряда технических и финансовых причин придется изменить место и обстоятельства гибели одного из героев — Семёна Савельева. Что ж, надо, значит, надо. Всего минут 5—10 у нас ушло на творческий разговор — и тут же я написал новую сцену, которая и появилась в фильме.

Подытожить слова Анатолия Степановича необходимо ещё одной цитатой из его статьи: «Телевизионному кинематографу под силу романная форма исследования и отображения жизни... Каждая серия большого телефильма должна быть законченным произведением с определённой философско-нравственной темой, со своим четко выстроенным сюжетом. Характеры персонажей, заявленных ранее, должны полу-

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ АНАТОЛИЯ ИВАНОВА:

Случайная встреча.

Новосибирск. Зап.-Сиб. кн. изд., 1964.

Тени исчезают в полдень. Роман.

М., «Советский писатель», 1964.

Жизнь на грешной земле. Избранное.

М., «Московский рабочий», 1971.

Вечный зов. Роман.

М., «Советский писатель», 1971.

Собрание сочинений в пяти томах. М., «Молодая гвардия», 1979—1981.

Вражда. Повесть.

М., «Роман-газета» № 11,

«Художественная литература», 1981.

Повесть о несбывшейся

любви. М., «Роман-газета» № 2,

«Художественная литература», 1984.

Из статьи Анатолия Иванова: «Острые сюжеты привлекают меня не сами по себе. Ведь острые коллизии складываются в самой жизни в результате общественных противоречий. Наше писательское дело — увидеть эти противоречия и суметь художественно их отобразить».

Событийность, живопись взлетов и падений человеческого духа пронизывают, например, все содержание повести А. Иванова «Вражда». Тон задают четкие начальные фразы произведения: «В високосный день 1944 года, 29 февраля, во вторник, старший из шести оборванцев Катики Афанасьевой Мишуха застрелил из берданки председателя романовского колхоза Артемия Пилюгина, недавно вернувшегося с фронта по ранению, орденосца...»

В повести «Вражда» противостояние духа и судеб двух крестьянских фамилий завершается естественной гибелью одних, историческим торжеством других.

— Некоторые критики,— сказал я тогда,— склонны причислять эмоциональную по содержанию манеру письма к «сибирской школе»...

— Это такое же неудачное определение, как и «деревенская проза»,— ответил Анатолий Степанович,— ибо нет ни деревенской прозы, ни сибирской или там вологодской школ. Есть просто писатели, есть литература. Я пишу о хорошо знакомой мне сибирской жизни как могу и умею, то есть по-своему. По-своему пишут и такие выдающиеся писатели-сибиряки, как Георгий Марков, Сергей Залыгин. Я, например, люблю сначала проинформировать читателя о том, что произошло, а потом показать, как это происходило...

...Недавно в «Огоньке», а потом в «Роман-газете» вышла «Повесть о несбывшейся любви» Анатолия Иванова. Герой повести — писатель Чернышев, ища

Или сердцу бедному

Помоги забыть...

— Боль такую, дочь моя,

Не заворожить.

Как сумела полюбить.

Так сумей забыть».

Здесь она приведена полностью, в повести же рассыпав песенных частичек мозаично подсвечивает переживания героя.

Музыка и писатель. При кажущейся разности музыкального ощущения жизни и литературного взгляда на действительность связь этих понятий в душе писателя, как правило, неразрывна. Ибо, говоря словами Евгения Носова: «Самое безупречное искусство — музыка, она всепроникающа, она — отражение неисповедимых глубин». Конечно, добавим от себя, если это хорошая, талантливая музыка.

— Иногда мне кажется,— сказал по этому поводу Анатолий Степанович,— что в звуках можно выразить больше, чем в словах. Звук рождает настроение, а настроение — мысль. У меня нет музыкального образования, у нас в деревне в годы войны, на которые пришлось мое детство, даже балалайка была редкостью. Но чувствую постоянно, музыка — великое искусство. Слово имеет единственное, конкретное значение. Гениальную же музыку каждый воспринимает многогранно, по-своему. Например, «Рассвет над Москвой-рекой» Мусоргского каждый раз слушаю и ощущаю по-разному. То туман над водой чудится жидким, розовым, то густо-холодным, как бы звездно-синим...

Пока критика об этом произведении А. Иванова таинственно молчит. А «Повесть о несбывшейся любви» нуждается, на наш взгляд, в пристальном

ЧЕМ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

чать какое-то новое развитие, качественно новое содержание, в судьбах героев должны происходить неожиданные изменения, значительные повороты. Все это предполагает, естественно, строжайший отбор жизненного материала, напряжённую драматургию».

— Я не сторонник делить литературных героев на положительных и отрицательных без объяснения социальных истоков их характеров,— говорит Анатолий Степанович.— Бытие определяет сознание. А сознание многих людей перестраивается медленнее, чем развивается общество в целом. Наверное, я пишу о том, как новое борется со старым. Но это объективный жизненный процесс, который и является объектом исследования всякого художника.

Нашу беседу тогда прервал приход писателя Евгения Фадеичева. Анатолий Степанович передал Фадеичеву пятый номер «Молодой гвардии» с началом его нового романа «Газета».

— Вот вам иллюстрация к нашему разговору,— сказал Иванов — В этом романе выведен некий руководитель, сознание которого далеко отстало от нравственных идеалов нашего общества, и поэтому он, используя служебное положение, идет ради личной выгоды на преступление.

— У этого образа был реальный прототип в жизни,— заметил Фадеичев.

— Да, такие встречаются еще нередко,— сказал Анатолий Степанович.

выражения своим чувствам, порой сожалеет, что не родился композитором. Как и в рассказе «Алкины песни», написанном в звоне молодости, художественная ткань этой повести зрелого Иванова напоена томительно-раздумчивой русской песней, когда-то услышанной автором в путешествии.

«У родимой матушки
Я, как лен, цвела
Жизнь моя отрадная,
Как река, текла.
В хороводах и кружках —
Всюду милый мой
Не сводил очей с меня,
Любовался мной...
Но давно уж милый мой
Стал, как лед зимой,
Ласки свои нежные
Отдает другой...
Лучше чем соперница.
Краше чем меня?
Чем отбила милого
Друга у меня?
Иль косяк отроду?
Белым ли лицом?
Иль походкой частою
Завлекла его?..
— Научи, родная мать,
Как мне дальше жить?»

рассмотрении. Ведь писатель создал произведение о сути и смысле творческого труда. То, что у многих коллег Иванова останется в дневниках или выйдет публицистикой, он запечатлел в художественном произведении. Раздумывая о призвании и ответственности литератора, его месте на земле вылились, как всегда у А. Иванова, в изображение характеров драматических.

Есть о чем с грустью поразмышлять герою повести писателю Чернышеву, подводя итоги своей жизни. Когда-то его, молодого и полного творческих предчувствий и надежд, полюбила безответно славная девушка Маша. Чернышев же увлекся другой — яркой, самоуверенной, дерзкой. Они поженились. А Маша, пережив трагедию, вышла замуж за их общего друга Леонида Сапожниковова. И вот, приехав в родные места, уже известный писатель Чернышев видит, как хорошо и счастливо живет семья Сапожниковых... А у него, Чернышева, счастья нет. Нет в первую очередь потому, что как истинный творец, как писатель, он не состоялся, хотя хвалебные отзывы о его произведениях привычно пестрят на страницах газет и журналов. Почему его дарование не обрело крылья? И ответ он знает, во всяком случае, догадывается о нем. Вкладывая искренний жар души в свои первые работы, он постепенно стал по-иному подходить к своему творчеству. На смену трепетным душевным движениям пришла мастерovitость, хватка писать «из головы», заранее выстраивая будущие образы по

меркам широкой «читабельности». Подсказчиком работать накатанно, вдохновителем легких успехов стал некий Семен Куприк, один из литературных проходимцев. Энергичный, ловкий, громкогласно рекламируя в прессе продукцию «своего» писателя, он быстро добился «зеленой улицы» для издания и формальной оценки быстро «выпеченных» произведений Чернышева.

Повести-скороспелки не в состоянии читать даже его супруга, бывшая когда-то для начинающего литератора путеводной звездой, теперь — домовито устроившаяся в созданной им красивой и богатой жизни, безучастная к его тревогам мецанга. Каплей, переполняющей чашу беспокойства «маститого» писателя, становится искреннее, сочувственное ободрение Маши: «Твой талант еще не раскрылся... Понимание жизни к тебе придет...»

И писатель начинает понимать, что он «в творчестве... скользил только по поверхности, а в глубины народной жизни заглядывать боялся». И огненно возникают в памяти отчаянные слова, когда-то сказанные ему на читательской заводской конференции паренком-токарем: «Вы не понимаете нашей жизни. А не понимаете потому, что не любите ее... Ваши герои никогда ведь не задумываются об истории, о прошлом, о будущем народа, они не анализируют настоящее, у них нет самоубеждений в правоте или неправоте содеянного. Ну вот кто-нибудь из ваших героев когда-нибудь спросил себя — кто я, зачем я на земле. Не спросил...»

Да, герои писателя Чернышева об этом себя не спрашивали. Но самому Чернышеву в конце концов пришлось спросить себя об этом. И вдруг открылась перед ним пропасть, ему стала ясна некая связь — предав любовь, писатель невольно предал себя и в творчестве. Все не сбылось...

Поучителен финал повести, показавший, по сути дела, окончательный нравственный и творческий крах художника, которого в родном краю, среди настоящих друзей лишь на время посетило озарение. По возвращении в Москву он на традиционной встрече в вокзальном ресторане вновь попадает в хваткие объятия Куприка. Чернышев, привычно выдавая желаемое за действительное, внимает его лукавым речам, отгоняя, забывая свои недавние открытия. Да, писательская судьба не сбылась, ибо ей помешали сбыться!

— Толчком к созданию этой повести, — рассказал Анатолий Иванов, — послужили мои раздумья о том, как порой критика направляет творческие искания молодых писателей по ложному пути. Нередко на страницах печати работы молодых литераторов анализируются поверхностно и не четко, без глубокого всестороннего анализа, а нередко и извращенно. Бывает частенько, что то или иное имя, попадая под такой «критический» угол зрения, входит даже в какую-нибудь пресловутую обойму. И художник, барахтаясь в пене критического пустословия, теряет животворные творческие ориентиры и критерии, работает вхолостую, приближаясь к своей творческой трагедии, не догадываясь, а то и не имея мужества спросить себя: а зачем я как художник на земле, нужен ли я такой людям?

Я старался написать гражданственно направленную вещь о природе литературного творчества, о том, что обществу надо талант беречь, что самому художнику следует бережно относиться к своему дарованию, направлять его на пользу обществу.

За моим окном — февральская выюга, студеная, но не всесильная на городском асфальте. Это в сибирской тайге от такой — непроглядно, жутко-таинственно... Именно зимой любит писать Анатолий Иванов. Он работает над своими рукописями с раннего утра. Дома у него большая семья, у сына и дочери, юристов по специальности, уже трое детей. Писает он в дальней уединенной комнате сначала от руки, потом правит по напечатанному. И как повелось, эмоциональная окраска прозы почти всегда сразу ложится на лист. Что-то рождается прямо за столом, но основное черпается из душевных тайников, давно, в многомесячных раздумьях накопившееся там.

Ледяной ветер свистит среди каменных кварталов улицы. А перед моими глазами — летний вечер, небо, синее в след отступающему зною. Анатолий Степанович задумался и глядит в окно.

— Как пишется? Когда замысел будущего произведения определился, начинаешь вспоминать людей, каких знал, которых встречал, размышлять о тех причинах, которые формируют человеческие характеры. Дорогой, какой-то новый, неизвестный доселе в литературе тип человека открыть, из одного этого уже может получиться рассказ, повесть, а то и роман. В творчестве, как и в жизни, все взаимосвязано. Думаешь о так называемом отрицательном герое и обязательно выходишь на положительного. Словом, всегда важно понимать и четко ощущать диалектику нашего бытия, его главный закон — единство и борьбу противоположностей. А в этой борьбе светлое и благородное рано или поздно побеждает. Это тоже надо не просто понимать, а постоянно и обостренно чувствовать при работе над любым произведением.

Адель АЛЕКСЕЕВА

В дни войны на Урале учительница музыки разучила с моей подругой песню, и пели ее на школьном вечере в два голоса. С тех пор навсегда вошла в меня эта мелодия, остался в памяти поэтический образ девушки-крестьянки и ее любви. Что это за песня, о ком?

Была ли такая история в жизни? Мы спросили учительницу, она уклончиво ответила: «То ли эта песня о крепостной актрисе графа Шереметева, Параше Жемчуговой, и она сама ее сочинила, то ли просто народная песня позднего времени».

*Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала.
Лишь спустилась к ручеечку
Возле нашего села:
Вижу — барин едет с поля,
Две собачки впереди.
Поравнявшись со мною,
Он приветливо сказал:
«Здравствуй, милая красотка,
Из какого ты села?»
— Вашей милости крестьянка.
— Отвечала ему я.*

*«Не тебя ли, моя радость,
Егор за сына просил:
Он тебя совсем не стоит,
Не к тому ты рождена:
Ты родилась крестьянкой,
Завтра будешь госпожой!»
Вы, голубушки, подружки,
Посоветуйте вы мне!
А подружки усмехнулись:
«Его воля, его власть!»*

Прошло несколько лет. Я приехала в Москву. И в Останкинском парке встретилась и разговорилась с человеком в военной гимнастерке. Он был сухоощ, невысок ростом, тих и по-старомодному галантен. Мне удалось узнать, что он был на войне, добровольцем в ополчении, что хочет стать художником.

Он рассказал об актрисе Жемчуговой, о том, в каких комнатах Останкинского дворца она жила, какие фантастические представления устраивались здесь когда-то, о том, что в войну 1812 года французы разграбили и уничтожили, увезли отсюда десятки произведений живописи, утварь... Он знал такие подробности, что было ясно: он не чужой тут.

Демобилизованный солдат с этюдником в руках оказался Василием Павловичем Шереметевым, правнуком актрисы Прасковьи Ивановны Жемчуговой. Мечтает поступить в Суриковский институт, живет в башне Новодевичьего монастыря, и там у него хранится немало предметов старого быта. Узнала, что он в то трудное послевоенное время ничего не продает из семейных реликвий, потому что убежден: все должно принадлежать народу, государству, — и собирается отдать все вещи в музей. (Сохраняющуюся с петровских времен картину Рембрандта позднее он подарит в музей имени Пушкина.)

Василий Павлович назвал два имени: Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова-Шереметева и Татьяна Васильевна Шлыкова-Гранатова — певица и балерина. Неразлучные подруги, их верная дружба вошла в семейные предания. А песня? Песня поздняя, это как бы воспоминание о любви крепостной крестьянки и графа.

Мы расстались тогда с Василием Павловичем, и песня, казалось, осталась навсегда в прошлом. О Параше Жемчуговой уже написаны книги, ее жизнь вошла в легенду, ни к чему трогать милый образ...

Однако... Я захожу в пышные залы реставрированного Останкинского дворца. Малиновая комната, центральная зала зелено-голубого цвета, сфинксы над дверями, торжественная пунцовая комната, картинная галерея: итальянские пейзажи, испанские долины, античные герои... И вдруг на затемненной стене театрального помещения — простое русское лицо! Широко посаженные карие глаза, лукавый взгляд и юная веселость. Полуулыбка, но... ни капли джокондовой загадочности. Милое и ясное

лицо. Я увидела его, и любовь, как писал Булгаков, словно убийца из-за угла, настигла меня.

Бледно-лиловые тона платья переливаются с пепельно-серым. Сочетания цветов изысканны, холодны (лиловый, серый), но все же портрет кажется теплым. Нежная розовость щек — и спелая чернота глаз. Выражение лица и прямота взгляда удивительны. На голове корона русо-пепельных волос, и это делает ее выше, а маленькие кончики кос на груди совсем детские. Неужели это лицо из далекого прошлого, из XVIII века? Не припомню в том веке таких лиц, такой свободы выражения. Недавно прошедшая выставка бытового портрета XVIII—XIX веков в Историческом музее открыла нам людей незнатных, неизвестных, рядовых — какие характеры! И что ни портрет, то личность. Но такого удивительного лица не было и там.

Надпись гласила: «Аргунов. Татьяна Васильевна Шлыкова-Гранатова, крепостная актриса театра Шереметева. 1773—1863 гг.». Захотелось узнать: кто она? Актриса, а что дальше? Прожила 90 лет. Но как? Где ее следы?

Начались поиски в ушедших годах, столетиях... Встречи, переписка, воспоминания...

Вставала женщина эпохи крепостного права, раба господина, раба отца, раба мужа, свекрови, деверя... Как дерево, склонялась, но не помаломала... И сквозь пути времени прорывалась нравственная сила, талант.

И Параша Ковалева и Таня Шлыкова — из крепостных, владелица семнадцати вотчин графа Шереметева. Были обе «лицом приятным», «лицом не гнусным» и «станом стройным», к тому же рано обнаружилась у них склонность к пению и танцам, и потому по воле графа были вывезены в его имение Кусково. Здесь под строгим надзором шло обучение музыке, танцам, языкам, истории, словесности, манерам.

Пение, гитара, танцы... Строгий режим, самоограничение в еде, в отдыхе... Долбежка цифри, граммамки, закона божьего... французского языка, итальянского... Провинишься — посадят на хлеб и воду, заболешь — граф сам придет, распекать станет за напрасную трату времени. Занятия от раннего утра и до позднего вечера, каторжный труд. Вскоре обе научились держаться на сцене вольно, будто и не были крепостными, забытыми девочками. Свобода движений рождала в них свободу души... Или природный талант, нрав позволяли забывать о рождении?

Одна — задумчивая и нежная (Паша), другая — веселая и лукавая (Таня).

Может быть, и не выдержали бы они участи крепостных актрис, если бы не чудесная дружба, зародившаяся у них. Старшая Паша взяла Таню под свое покровительство, и та полюбила ее со всем пылом юности.

И первая победа, первый общий успех — опера Монсиньи «Царица Голкондская». В Кусково, имение графа, прибыла Екатерина II, послушала оперу, и газета «Московские ведомости» написала: «Во время продолжения оперы игра первой и прочих актрис и актеров столь ее величеству понравилась, что изволила представить пред себя и пожаловала к руке».

«Пожалованы к руке» были наши героини. Мало того, одной был подарен бриллиантовый перстень с царской руки (Параше), а другой (Тане) — высыпана горсть золотых монет.

Сколько чувства, силы, пластичности в крепостных актрисах! Параша играет царицу и ходит, как настоящая царица, а сколько гордости, лукавства в «тансерке» Тане!

Но занавес опускается. Только что одна исполняла арии царицы, другая — танцы принцессы, и, кажется, в эти минуты они властвовали над господами. Однако... Кончилось действие — и кончалась их призрачная свобода. Жемчугова пела, Шлыкова танцевала, им кричали «Фор!» — но что дальше?

В. А. Чивилихин в книге «Память» приводит отрывки из дневников А. В. Никитенко — крепостного мальчика Шереметева, ставшего профессором Московского университета. На собственном шкуре узнал тот «барство дикое»: сохранился его отзыв о Николае Петровиче Шереметеве:

«Между своими многочисленными вассалами он слыл за избалованного и своенравного

«ОСАВВЫМЪ ПЛАМЪНЬ СВОИ»

**Н. И. АРГУНОВ.
ПОРТРЕТ
П. И. КОВАЛЕВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ.**

деспота, не злого от природы, но глубоко испорченного счастьем. Утопая в роскоши, он не знал другого закона, кроме прихоти. Пресыщение, наконец, довело его до того, что он опротивел самому себе и сделался таким же бременем для себя, каким был для других».

Однако слова эти относятся, видимо, к последним годам жизни Шереметева, когда уже скончалась актриса, своим голосом и нравом умевшая «укротить» самовластного графа.

Только ее он слушал, только она имела на него благое влияние, спасая его от него самого.

И не оттого ли столь беззаветно полюбил он эту не столь уж красивую, хрупкую, черноглазую девочку? Он совершил мужественный, невиданный по тем временам поступок, бросил вызов высшему обществу: в пору самого дикого крепостничества женился на своей крепостной. «Ты родилась крестьянкой, завтра будешь госпожа!» — как поется в песне.

...Причудливы наши блуждания по лесу жизни, и причудлива память, изгибы судьбы.

Москва. Пересечение улиц Калинина и Грановского. Угловой дом — дорогой для меня; когда-то, в студенческие годы мы читали тут древнерусскую литературу, учили историю... Комната была огромная, круглая, маленькая «буржуйка» не в силах была ее согреть. И вдруг я узнаю, что в этой комнате жила Прасковья Ивановна. Именно сюда привез ее граф Шереметев после венчания.

Разговариваю с Еленой Петровной Шереметевой-Голицыной, с праправнучкой актрисы Жемчуговой.

— ...И из церкви действительно они поехали на Воздвиженку, в тот угловой дом? Там

закругленный балкон еще? И комната круглая? — замирая, спросила я.

— Ну, конечно, она называется ротонда! — густым голосом воскликнула Елена Петровна. — Я появилась на свет в этой комнате.

Родители приехали из Петербурга ненадолго. И вот...

Параша и Таня жили в доме моей юности! Какой неожиданный перекресток судьбы, какое совпадение... Значит, я все студенческие годы сидела над учебниками в той самой комнате? Здесь они коротали вечера вдвоем, ибо граф постоянно бывал в разъездах. Конечно, они пели тут в два голоса. Играли на гитаре, на клавинофордах. И словоохотливая Таня отвлекала, должно быть, Парашу от печали, развлекала своими разговорами.

— Но умерла Прасковья Ивановна в Петербурге, в Фонтанном дворце... — продолжает свой рассказ Елена Петровна. — На двадцатый день после родов. А ее верная Таня стала негласной опекушкой мальчика, ее, кажется, отправили от злых глаз, в деревню...

Что-то благородное было в голосе, в движениях Елены Петровны, что-то завораживающее и в то же время открытое, простое, ясное, как у ее великой прабабки:

— Я прекрасно помню Фонтанный дом, малиновую парадную комнату, белый зеркальный зал, детскую с резными стенами... И маленькую комнату прабабушки, она оставалась в неприкосновенности, и нас водили в нее каждое воскресенье... Ее памяти поклонялись нежно, преданно... Мне кажется, любовь к ней и по сию пору вдохновляет... Мой сын, художник, писал на темы, связанные с Парашей Жемчуговой.

И тут опять невольно приходится удивляться способности судьбы устраивать неожиданные встречи.

Оказалось, что мы учились с ее сыном в одном классе! В маленьком подмосковном городке. Мы не видели с тех пор друг друга — и вот! Вот я уже смотрю на картину «Воспоминание о П. Жемчуговой» Иллариона Голицына...

То ли сцена, то ли поляна в лесу. Женщина в белом платье, в красной шали... Все расплывчато, неясно, в дымке времени, в воспоминании. И так прелестно и поэтично, так свободно рождается образ, что невольно опять вспоминается та дивная песня «Вечер поздно из лесочка я коров домой гнала...». Кстати, у этой песни существует много вариантов, разных слов. И мне кажется: вот этот размытый образ, эти непрорисованные линии — один из живописных вариантов этой песни.

Ниточка образа, песни все вела и вела меня дальше...

Ленинград, Александровская лавра. Усыпальница Шереметевых. Искусствовед Ю. Пирютко показывает мне ветхие книги, записи... Как жестоко, однако, мстил Санкт-Петербург отступнику-графу! На похороны его супруги-крестьянки пришло лишь несколько должностных лиц, из родственников — никого... Зато простого народа — «многолюднейшее стечение»! По многолюдности ее похороны могли сравниться лишь с теми, что были устроены в 1719 году фельдмаршалу Петра I Борису Петровичу Шереметеву, когда за гробом от Фонтанного дома до Александровской лавры не только шел «пеши» Петр I, но и масса людей. И как бы назло этому Санкт-Петербургу, его сословному презрению Шереметев иступленно служил памяти жены, словно запоздало оправдываясь перед ней.

Перед смертью Прасковья Ивановна завещала: дать приданое ста бедным невестам, построить дом для бедных, бездомных людей (граф построил такой дом — Странноприимный на Садовом кольце в Москве, ныне больница имени Склифосовского), дать вольную всем девушкам, которые были при ней...

Она принадлежала к тем людям, которым годов отпущено немного и они рано предчувствуют свою судьбу и оттого живут полно, интенсивно, праведно и создают столь мощное силовое поле, такое излучение, что надолго заражают им близких. Такие люди легко берут вину на себя, казнятся, мучаются, «плачут и рыдают», но изменить раз избранному пути не могут.

В начале XIX века у всех на слуху были стихи Жуковского: «Ах, нежная душа, природу покидая, надеется друзьям оставить пламень свой!» Почему-то мне кажется, что в этих строках — отблеск ранней смерти Жемчуговой (в 34 года от чахотки). И кажется мне, обаяние личности Параша столь велико, что пламень, оставленный ею, освещал жизнь ее близких до конца их дней. Николай Петрович пережил свою супругу всего на пять лет, он забросил театр, все ему постыло без милой черноглазой певицы.

Да, прелестная мелодия народной песни «Вечер поздно из лесочка...» — изысканная и легкая, когда-то услышанная мною в детстве, наполнялась все новым содержанием...

А Таня? Что она, поразившая меня в Останкине девушка с веселыми глазами? О ней и ее жизни после ухода великой подруги — особый разговор.

... Люди — как реки: если Прасковья Ивановна — река причудливая, извилистая, не-

**Н. И. АРГУНОВ
ПОРТРЕТ
Т. В. ШЛЫКОВОЙ-ГРАНАТОВОЙ.**

спокойная, то Татьяна Васильевна Шлыкова — в те годы одиночества — равнинная река, долгая, полноводная.

Вернемся к портрету Аргунова. У юной Тани умный, насмешливый взгляд, широко расставленные глаза, лоб большой и ясный, русые косы и тонкие губы с вздернутыми уголками. Она стройна, невысока ростом. Во всем облике спокойная уверенность, независимость и живой ум.

Она пережила свою подругу на целых шестьдесят лет, хотя ее театральная биография кончилась одновременно с Парашинной.

Но началась вторая, не менее славная полоса жизни, о которой почти ничего не известно. Что же было дальше с крепостной балериной? Останкинский театр отскеркал, отблестал. Может быть, и не надо искать следы ее в прошедших днях?

В 1803 году Шлыкова получила «вольную». Молода, красива, можно идти в любой казенный театр. Можно сделать выгодную партию. Но... она не вышла замуж, не пошла в театр.

Книги, архивные документы, воспоминания, собранные по крупицам, свидетельствовали о том, что первая крепостная балерина была образованной женщиной, человеком природного ума. Благодаря редкой общительности она имела знакомых в самых разных сферах петербургской жизни — от тульских родственников до крупнейших деятелей культуры XIX века. Она свидетель войны 1812 года, очевидец декабрьских дней 1825 года, пережившая шесть царей, Крымскую войну и, наконец, отмену крепостного права!

Современник писал: «Перед ней проходили лица, свершались события, она оставалась неизменно, держалась спокойно, с достоинством, в разговоре своеобразна и поучительна, в воспоминаниях любопытна».

Представим себе картину лета 1827 года. К чугунной решетке дома на Фонтанной набережной подъехала коляска, в ней смуглый, с выходящими волосами юноша. Это Орест Кипренский. В его распоряжении здесь две комнаты, где много света. Уже не раз Шереметевы ссужали его деньгами, они дали ему возможность побывать в Италии, учиться там. А теперь, летом 1827 года, он каждый день приезжает сюда в немалом волнении: здесь встречается с Пушкиным и пишет его портрет...

Навстречу выходит Татьяна Васильевна, ей уже за пятьдесят, но она все так же стройна и так же гордо поднята ее голова. Чай, варенье и рассказы — прекрасное сопровождение работающему художнику и позирующему поэту.

С. Д. Шереметев в своей книге писал, что «баба Таня» жила безвыездно в Фонтанном доме, значит...

В Ленинграде прекрасные экскурсоводы (есть такое племя самоотверженных людей). Я говорю с одним из них.

— Какие нити могли связывать писателей с Фонтанным домом?

— Дом славился музыкой. Дмитрий Шереметев наследовал от отца и матери любовь к музыке, сам хорошо пел, сочинял даже. Это сближало его с Дельвигом... Жуковский при дворе, конечно, встречался с Шереметевым и был у него дома... Что касается поэта Ивана Ивановича Козлова, то, помнится, он писал поэму о Наталии Борисовне Шереметевой, значит, ему были нужны подробности о жизни в Кускове. Он был слеп, и единственным источником могли быть устные рассказы. Знают?.. Никто, кроме Татьяны Васильевны, не мог ему рассказывать о жизни Кускова в XVIII веке...

Все эти люди бывали у Шереметевых, они не могли не посетить Татьяну Васильевну: она была душой, хранительницей этого дома.

— А Александр Сергеевич?

— Что касается Пушкина... Известно, что именно в Фонтанном доме Кипренский писал его портрет. Портрет — дело интимное, домашнее, тут и чай, и разговор, встречи... И писался он не один-два дня... Сколько?.. Думаю, что несколькими сеансами тут не обошлось... И портрет в некотором роде преобразующий... Представьте себе, Пушкину всего 27 лет, шестого июня должно исполниться лишь 28, но заметили, что у Кипренского он много старше? Полная зрелость поэта. Это заказной портрет, в первом варианте не было лиры, она написана по желанию заказ-

чика. Писался портрет с перерывом. Надо было отойти, отстраниться на время... Нет, пять-шесть сеансами тут не обойдешься... Так что бывали в Фонтанном доме два великих художника много раз...

Вот почему я живо представляю, как словоохотливая Татьяна Васильевна встречала дорогих гостей, как угощала чаем, вела беседы...

Учитывая дружбу Пушкина с Дельвигом, а также отношения Дельвига с Дмитрием Шереметевым и их музыкальные увлечения, можно предположить, что Пушкин даже чаще встречался с Татьяной Васильевной.

Невольно задаешься вопросом: а не могло ли повлиять это знакомство на выбор сюжета «Барышни-крестьянки»? А имя? Многие знали, что граф предложил негласной опекушке сына Татьяне Васильевне стать его женой, наследницей, но она отказалась — ради памяти той, что соединяла их, ради верности. «И буду век ему верна». «Ах, Таня, Таня!...» Таня — редкое в дворянской столице имя. Я не нашла ни единого упоминания этого имени во всей переписке Пушкина, скорее всего оно принадлежало провинциальному быту, простонародной жизни... Почему не могло повлиять знакомство Пушкина с Татьяной Васильевной на выбор имени его любимой героини?.. Ах, Таня, Таня!

О нраве ее, о характере сохранилось немало воспоминаний. Например, такое событие, как петербургское наводнение 1824 года, всколыхнувшее весь город. Вода бушевала под окнами дома, а Татьяна Васильевна не поднималась из своей комнаты вверх. Сверху прибежали гости Дмитрия — Трубецкой и Бутурлин, звали ее, но она отвечала: «Есть у меня отметка на стене, и дальше вода не осилит подъем. Отчего говорю так, батюшка?.. Да оттого, что знаю, оттого, что давно на свете живу...»

А вот еще одна сцена, характерный случай из жизни Татьяны Васильевны, уже иного рода, свидетельствующий о ее остром народном уме, добром сердце и здравом смысле.

Как-то собрались в Фонтанном дворце гости. Все шло хорошо, Шереметевы, как всегда, поражали гостей искусством своих поваров, наливками, устрицами, соусами, спаржей и, конечно, музыкальными выступлениями. Кто-то из гостей — это был учитель рисования с фамилией Тихобразов, которая ничуть не соответствовала его нраву, — «угостился» через край. И пошел в пляс, да так, что того и гляди упадет.

Татьяне Васильевне уже было за восемьдесят, но, стройная и ловкая, как и в молодые годы, в твердом корсете, она вытатила платочек, велела играть «По улице мостовой» и пошла, пританцовывая, навстречу Тихобразову. Виновник замер, приободрился, наклонился к ней, и она, танцуя, повела его к креслу. Он поцеловал ей руку и растроганно прошептал: «Ах ты, голубка...»

...Прошли десятилетия. Растут внуки Прасковьи Ивановны. Наконец отменено крепостное право. Родственники, земляки из Тульской губернии уже могут приехать к своей столичной родственнице...

Почти незрячая, но все такая же прямая, Татьяна Васильевна бродит по анфиладам комнат Фонтанного дома. Садится у окна. В сумерках ей видится Останкино, сцена, блеск театра. Тени минувшего? Нет, не тени, они ей живые!.. Кажется, она слышит голос, ангельский голос: несмотря на запреты врачей, Паша пела своим нежнейшим сопрано, даже когда уже была «тяжелая» Митенькой. Она подходит к ее портрету. В малиновой комнате, у столика, в полосатом платье, шарфе красного цвета. Ох, какой портрет напоследок сделал Николай Иванович Аргунов!..

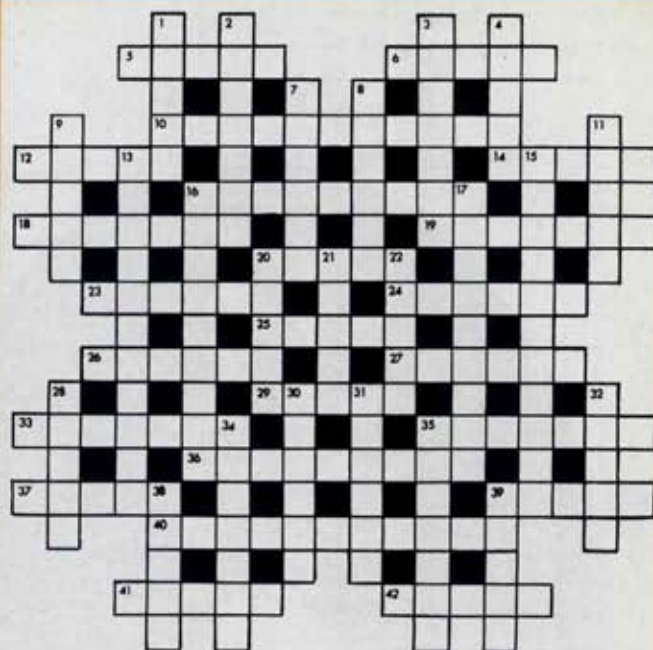
Колышутся шторы; Татьяна Васильевна кажется: легкие шаги дорогих людей. Дует ветер — кажется, что-то шепчет за окном любимый старый клен Пашы, посаженный еще в первый их приезд в Петербург... Призраки? Воспоминания? Нет, пламень ее сердца, тепло ее голоса живы. И Татьяна Васильевна тихим голосом напевает: «Вечор поздно из лесочка я коров домой гнала...»

Вот куда меня завела песня «Вечор поздно из лесочка...».

Картины из истории русского музыкального театра, его детства, наивного и прекрасного времени. Наша история, наша гордость.

КРОССВОРД

Составил Г. КОРЖОВ,
г. Горловка Донецкой области

По горизонтали:

5. Лодочный инвентарь. 6. Выходной за работу во внеурочное время. 10. Человек, предложенный собранием на выборную должность. 12. Мелкая морская промысловая рыба. 14. Река в Актобинской области. 16. Взрыватель в гранате, бомбе. 18. Старое метательное оружие. 19. Сумчатое животное. 20. Духовой музыкальный инструмент. 23. Сочетание нескольких стихов, объединенных общей мыслью. 24. Город-герой. 25. Отравляющее вещество. 26. Музыкальный интервал. 27. Кухонная посуда и другие принадлежности. 29. Механизм для перекачки. 33. Тяжелый боевой меч. 35. Одна из героинь романа В. Гюго «Отверженные». 36. Приспособление в музыкальных инструментах, усиливающее звук. 37. Острова на западе Тихого океана. 39. Наборный материал в типографии. 40. Прибор для определения качества зерна. 41. Советский писатель, брат С. Маршак. 42. Немецкий живописец XVIII века.

По вертикали:

1. Кость в ноге птицы. 2. Папка для карт и документов. 3. Двустворчатый плод с семенами внутри. 4. Излюбленная у Омара Хайяма форма стихотворения. 7. Лодка у североамериканских индейцев. 8. Город с академией в романе Д. Свифта «Путешествия Гулливера». 9. Дыхательный орган у рыб. 11. Город в Курской области. 13. Большой физкультурный праздник. 15. Автоматический записывающий прибор. 16. Художник, оформляющий спектакли. 17. Емкость для жидкостей или газов. 20. Охотничья птица. 21. Переносной в почве. 22. Жизненная активность, деятельность. 28. Река в Швеции. 30. Цветочные запахи. 31. Съедобный гриб. 32. Героиня оперы Л. Яначека «Ее падчерица». 34. Изображение на фотопленке. 35. Выдающийся американский писатель. 38. Смелость, молодечество. 39. Спортивное оружие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

4. «Разлука». 7. Табло. 10. Гурами. 11. Летник. 12. Лерка. 13. Марабу. 14. Донник. 16. Сабза. 20. «Карнавал». 24. Делакруа. 27. Адаптер. 28. Велодром. 29. Египтяне. 30. Плаксин. 31. Украинка. 34. «Ахарняне». 37. Отвар. 40. Циклоп. 41. Отклик. 42. Паром. 43. Фiasco. 44. Бревно. 45. Нетто. 46. Индивид.

По вертикали:

1. «Наутилус». 2. Хлебороб. 3. Акколада. 5. Булава. 6. Фарада. 8. Чтение. 9. Ширина. 15. Ракетка. 17. Амарант. 18. Затеска. 19. Пушкина. 21. Ньюба. 22. «Ворон». 23. Лампа. 24. Дрена. 25. Луиза. 26. Катон. 32. Иридий. 33. Колесо. 35. Хоккей. 36. Руиена. 37. Оппонент. 38. Воротник. 39. Ромбовик.

«СМЕКА!»

На вопрос отвечает юрист Министерства финансов РСФСР Александр КИСЕЛЕВ:

По распределению я поеду работать директором сельского клуба, а мои сокурсники разведутся по селам и тоже будут трудиться в различных культурно-просветительных учреждениях. Предусмотрены ли законом какие-нибудь преимущества или льготы для тех, кто поедет работать не в город, а на село?

Л. Голубина, Москва

Да, предусмотрены. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1977 года «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» предусматривает обеспечение всех проживающих и работающих в сельской местности культпросветработников и киноаппаратчиков бесплатными квартирами с отоплением и освещением. В РСФСР в соответствии с постановлением правительства республики и ВЦСПС от 2 июля 1974 года бесплатные квартиры предоставляются следующим работникам клубных учреждений: директорам (заведующим), художникам, инструкторам и методистам, кроме того, режиссерам, художникам — заведующим постановочной частью, дирижерам, балетмейстерам, хормейстерам, библиотечным работникам — директорам (заведующим) библиотек и их филиалов, старшим библиотекарям, библиографам, методистам и др. Такие же льготы предоставляются педагогическим, медицинским и некоторым другим категориям работников, проживающих в сельской местности.

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

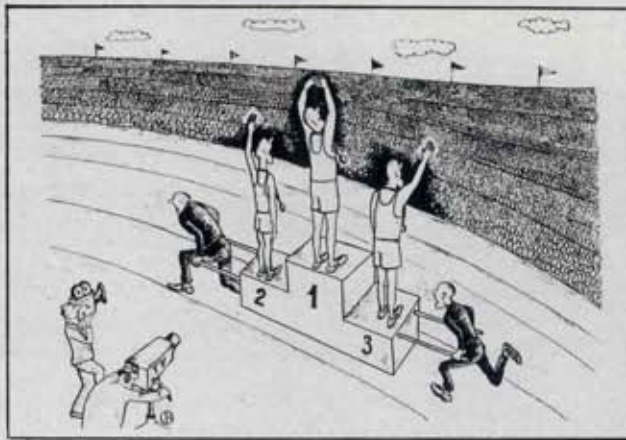

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА, Москва

Рисунок Константина МАЛЬЦЕВА, Челябинск.

Рисунок Андрея ПОМАЗКОВА, Москва

«СМЕНА»-15

ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
С 1 АВГУСТА ПО 31 ОКТЯБРЯ ВО ВСЕХ АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ» И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, У НАШИХ ДРУЗЕЙ — ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ ВЫ СМОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ «СМЕНА». ПОДПИСКА ПРОВОДИТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

Подписная цена журнала на год — 8 рублей 40 копеек, на полгода — 4 рубля 20 копеек.
В случае возникновения сложностей с оформлением подписки просьба обращаться в журнал «Смена». Пишите нам по адресу: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Многие читатели отмечают, что в ходе соревнований они познакомились с основными законами и принципами композиции, с разнообразной тематикой задач и этюдов. В то же время любители шахмат выражают пожелание поближе познакомиться с творчеством корифеев отечественной шахматной композиции, чего «защекрененный» характер олимпиадных заданий не позволяет сделать достаточно полно. Разделяя это мнение, мы решили в период между олимпиадами публиковать произведения наших выдающихся шахматных композиторов.

Сегодня мы представляем читателям «Смены» задачи Александра Васильевича Галицкого (1863—1921).

ШАХМАТНЫЙ ГЕЙНЕ

Первую свою задачу А. Галицкий опубликовал, когда ему уже было 23 года. Несмотря на столь позднее начало, его творческое наследие составляет более 1850 задач разных жанров, преимущественно — трехходовок. Он был сторонником «чешской школы» в композиции. Однако правильные маты не были для него самоцелью, а лишь средством предельной экономии материала. Галицкий равно ценил «как идеи хода, так и идеи матовых положений». Это позволило ему создать свой собственный художественный стиль — стиль Галицкого! Как охарактеризовать его? Это неподражаемое шахматное остроумие, понимание красоты, тонкий вкус, стремление к простоте, естественности. Недаром современники назвали его шахматным Гейне.

Широта взглядов, продуктивная

творческая и литературная деятельность Галицкого оказали огромное влияние на развитие композиции в России, сыграли большую роль в формировании принципов отечественной шахматной задачи.

1. «Стратеги», 1900
III приз

Мат в 3 хода

После 1. b4! грозит 2. Kd6+ Kp:d4 3. Фa1×. В случае 1... Kp:f5 следует 2. Фg5+ Кре6 3. Фg6×. Два варианта с правильными матами, не претендующие на оригинальность. Но есть еще защита 1... Л:f2 и ничего форсированного не видно. Внимание! 2. h5!! — цугцванг! Неожиданно! Не правда ли? И три новых правильных мата: 2... Л 3. Kd6×, 2... d2 3. Фb1×, 2... Kp:f5 3. Фg6×. Это Галицкий!

2. «Шахматный журнал», 1893

Мат в 4 хода

Характерный для Галицкого легкофигурный материал! И при столь ограниченных средствах удалось осуществить сложную идею: обходный маневр слона с последующей засадой за двумя своими фигурами!

1. Cd1! Kpg6 2. Cc2!! Kpf6 (h7) 3. Kf4 ef 4. e5×! Два разных правильных мата! Еще один — в случае 2... Kph5 3. Kpg7 Kpg4 4. Cd1×. И остроумно и изящно!

Даже в жанре двухходовки Галицкому удавались неожиданные острокомбинаторные ходы. Предлагаем читателям самим, не заглядывая в ответ, решить следующую задачу.

3. «Шахматный журнал», 1892
I приз

Мат в 2 хода

Решение: 1. f2×e3!

ШАШКИ

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

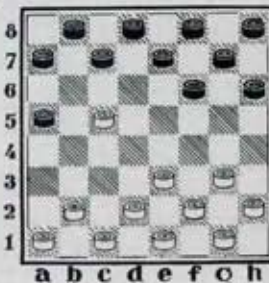
ДРЕВНИЙ ДЕБЮТ

Многие читатели обращаются с просьбой познакомить их с некоторыми дебютами русских шашек.

Мы решили начать с очень важно-го и распространенного дебюта — «Кол».

«Кол» — один из наиболее древних дебютов. Его основная, общая идея — это борьба за поле c5, обладание которым обеспечивает белым пространственное давление на правый фланг противника. Как каждое начало партии, это всего несколько ходов, но ходы эти дают направление всей игре.

1. cd4 ba5 2. dc5 d:b4 3. a:c5 Этими ходами характеризуется дебют «Кол».

В нескольких номерах мы рассмотрим системы развития, связанные с продолжениями черных 3... fe5 и 3... fg5.

Преждевременна немедленная атака шашки c5 путем 3... cb6 или 3... cb6, так как может привести лишь к ослаблению правого фланга черных. Так, в случае 3... cb6 следует 4. ba3 d:b4 5. a:c5 bc7 6. ab2 cd6 7. ba3 d:b4 8. a:c5 dc7 9. cb2 (к преимуществу белых ведет также 9. gf4 cd6 10. hg3 d:b4 11. fe5 f:d4 12. e:a3 и т. д.) 9... cd6 10. ba3 d:b4 11. a:c5 fg5 (проигрывает 11... fe5? из-за 12. gf4! e:g3 13. h:f4 и на 13... ed6 14. c:e7 f:d6 следует 15. fg5 h:f4 16. e:g5, и позиция белых выиграна, а в случае 13... gf6 белые выигрывают комбинационным путем: 14. ed4 fg5 15. dc3! g:e3 16. cb4 a:e5 17. f:d8×) 12. ed4, и преимущество на стороне белых.

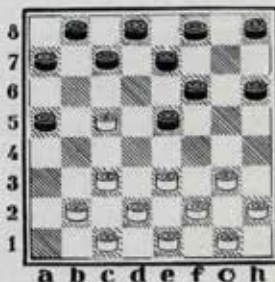
На 3... cb6 лучше всего 4. gf4 (если белые играют 4. ed4, в расчете на 4... dc7? 5. gf4 cd6 6. ba3

d:b4 7. a:c5 bc7 8. cb2 с выигрышем после 8... cd6 9. ba3 d:b4 10. a:c5 fg5 11. dc3! и 12. cb4×, то черные перехватывают инициативу после 4... fe5! 5. d:f6 g:e5 6. de3 b:d4 7. e:c5 bc7 и т. д.) 4... b:d4 5. e:c5 fg5 6. hg3 (возможно и 6. fe3 gf6 7. bc3 dc7 8. ed4 g:e3 9. d:f2 с инициативой) 6... g:e3 7. f:d4 gf6 8. gf4 fg5 9. de3 ed6 10. c:e7 f:d6 11. bc3 ab6 12. de5! с активной игрой у белых.

После 3... hg5 белые могут сыграть 4. gh4, получить позицию выгодного для них варианта дебюта «Обратная игра Бодянского».

Нешаблонная трактовка встретила в партии М. Рахунов — А. Кандауров (1979 г.): 4. cd6 (возможно и 4. cb6 a:c5 5. ed4 c:e3 6. d:h6 и т. д.) 4... e:c5 (возможно и 4... c:e5 6. gf4 e:g3 6. h:h6 и т. д.) 5. ed4 c:e3 6. d:h6 ab6 7. bc3 fe5 8. gh4 gf6 9. fe3 bc5 10. ef4 e:g3 11. h:f2 cd6 12. fe3 hg7 с обоюдоострой игрой.

Система развития с 3... fe5 4. bc3 gf6 страдает существенными недостатками. У белых имеется несколько планов игры, при помощи которых удается выгодно использовать наличие шашки e5 и заставить черных для сохранения равновесия играть весьма точно. Если белые сыграют 5. ab2, что может ответить черные?

Посмотрите внимательно на диаграмму и выберите лучшее продолжение за черных. На открытках просьба ставить пометку «Шашки. Дебют «Кол».

«ВОСХОДЯЩАЯ БОЧКА» —
УНИКАЛЬНАЯ ФИГУРА
ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА.

Александр Андрюшков,
военный летчик 1-го класса

Красиво идут! — восхищение и зависть в голосе Бокача. Сам военный летчик первого класса, виртуоз среди пилотажников. Боевой порядок «ромб» — геометрическую фигуру из четырех самолетов в воздухе — одним из первых в полку освоил.

— Ну, что ты за человек, Саша? — Глаза Рожкова смеются. — У тебя же отпуск. Путевка в кармане. Загорай, купайся. А «ромб», сам видишь, Верозуб чисто водит...

В свое время ведущим группы был Бокач. Водить «ромб» означало быть командиром двух пар самолетов, управлять ими, отвечать за групповую слетанность.

В небе резвилась четверка истребителей.

Крылья изменяемой в полете стреловидности прильнули к фюзеляжам. С консолей белым жгутом стекает спрессованный скоростью воздух. Истребители ввинчиваются в синь опрокинутого неба, и горизонт поднимает

ся на их крыльях, распахивается, открывая покрытую сизой дымкой даль земли.

Прежде чем начать «переворот» — исходную фигуру перед выполнением комплекса высшего пилотажа, Верозуб осматривается по сторонам: готовы ли товарищи?

Ведомым у Верозуба Алексей Петров. Стоит у крыла как привязанный. Накануне отрабатывали стрельбу по наземным целям. Полигон незнакомый, под сильной защитой ПВО. Верозуб увлекся атакой и не заметил замаскированную ракетную установку «противника». Если бы не Петров, быть ему «сбитым». Ведомый тогда огненный таран сымитировал.

Слева от Петрова вторая пара: Александр Кутузов, замполит эскадрильи крыло в крыло с Анатолием Арестовым, замкомэска. Глаз летчиков не разглядеть — кислородные маски прикрыли лица. Защитные шлемы повернуты на ведущего. Каждое движение самолета Верозуба для остальных сигнал к повторению. Промедлить нельзя и доли секунды: изменятся интервал и дистанция между самолетами, может рассыпаться боевой порядок. В реальном бою это равносильно гибели.

— Внимание, начали! — слова Верозуба еще звучали на стартовом командном пункте, а четыре истребителя, перевернувшись вокруг своей

ОНИ И НА ЗЕМЛЕ
ЖИВУТ НЕБОМ.

ВСЕГО
НЕСКОЛЬКО
МЕТРОВ
РАЗДЕЛЯЮТ
САМОЛЕТЫ
И НА ВЗЛЕТНОЙ
ПОЛОСЕ
И В ВОЗДУХЕ.

Фото
Александра
ДЖУСА

оси, уже начали падение к земле. Оно не было беспорядочным, по-прежнему все стороны «ромба» равны. Только приглушеннее звучали на малых оборотах турбины. Вот до земли уже несколько сот метров. Кажется, столкновение неминуемо. Но, изломав перегрузкой траекторию полета, бросает в зенит свой ракетноносец ведущий.

— Форсаж! — И четыре огненных языка одновременно вырвались из реактивных сопел, громом прошли по поднебесью. «Ромб» пошел на выполнение «петли».

На заре авиации эту фигуру называли «мертвой петлей». Попаив в нее случайно, пилоты не справлялись с управлением самолета. А русский офицер Нестеров отважился включить «петлю» в арсенал боевых приемов. С этой фигуры советские летчики уверенно били врага в годы войны. «Петля» — элемент сложного пилотажа даже для одиночного самолета, выполнить ее группой еще труднее. Для четверки Верозуба она пройденный этап. Каскад фигур высшего пилотажа истребители завершают «восходящей бочкой». Делают их на одной вертикали несколько. Это новинка.

«Бочка», как правило, выполняется в горизонтальной плоскости с поворотом самолета вокруг оси на 360 градусов. Разновидностей ее много — от энергичной, одним махом рулей, «штопорной», до «управляемой», с фиксацией летчиком положения самолета в пространстве едва ли не через каждый градус поворота. Строгое требование: колебания по высоте не допускаются. Постоянство высоты характеризует мастерство летчика, говорит о чистоте полета. В противном случае получается не «бочка» а, как ее называют авиаторы, «кадушка».

Звено Верозуба крутит «бочки» без орехов в вертикальной плоскости. А

Летаем

вначале были и у них «кадушки». Сколько пришлось помучиться, пока «ромб» на вертикальных фигурах освоили! «Летать» начинали в тренажерных классах, дома.

Как-то выбрались с семьями на природу. У костра сынишка Толи Арестова пристал с вопросом:

— Пап, а ты командир?

— Конечно, сынок!

— Прокати на самолете...

Арестов подхватил Димку, крутнул им косую петлю вокруг себя, а потом вверх, к веткам берез — радуется малыш, смех колокольчиком.

— Стоп! — Верозуба осенило: — Толя, а если вот так, на вертикали

«бочки» покрутить четверкой?

— Рискованно, командир, могут не понять.

— Риск — дело благородное. Если он, конечно, выверен с математической точностью. Вспомни Чкалова, Анисимова...

И началось. Поляна стала аэродромом. Ладони карусель замысловатых фигур выписывают, рисуют завтрашний вариант воздушного боя.

— Ну, мужики, с вами не соскучишься! — Зоя Верозуб решила приземлить «залетавшихся» мужчин.

Еще бы, сколько лет вместе, столько лет и слышно: полеты, перехваты. И каждый раз волнение: как там

муж? В городке ночь за полночь окна не гаснут. Сынишки отцов с аэродрома ждут не дождутся, о стекла носы плющат — летчиками быть хотят.

— Сшить бы им кепку с большим козырьком, чтобы очень-то вверх не заглядывались, — улыбается Зоя Юрьевна и добавляет: — Только ведь все равно не удержишь дома. Прямо из школы несутся на стадион — «корды» запускать.

Рассекают под окнами воздух кордовые модели, а чуть в стороне от авиагородка аэродром, бетонка. По ней уже не игрушечные — боевые самолеты проносятся. В них — отцы и мужья.

Зоя Юрьевна разоткровенничалась:

— Самое мое заветное желание, чтобы у мужа на работе все ладилось. Он с утра на аэродром уходит, а из моего сердца уходит покой. Заметила за собой: пока шумит аэродром, любая работа ладится, на плите борщ не выкипает. Потому что знаешь: идут полеты — все нормально. А если вдруг тишина не по расписанию, места себе не находишь. Мысли глупые лезут: может, случилось что? Рука сама тянется к телефону дежурному позвонить, проведать, как там у наших дела?

— Полет, это верно, с порога дома начинается. — Арестов одной рукой обнимает сынишку, второй продолжает чертить прутиком схему. — Я вот жить не могу, долго не летая, а в воздухе ничего нет желаннее, чем запах земли вдохнуть...

В воздухе человек острее чувствует все, чем живет на земле. И оттого, что яснее других людей видят летчики, как легко разрушить, убить все живое, несут они особую ответственность за мирное небо. Сент-Экзюпери сравнил его с огромным полотном, а летчика назвал художником. В конце концов так оно и будет. Но пока стоят на боевых самолетах пушки, летать парадным строем для военных летчиков не самоцель. И высший пилотаж они отрабатывают для реального боя...

Убегает за горизонт взлетная полоса. Счастливого вам полета, гвардии майор Верозуб, гвардии майор Кутузов, гвардии майор Петров, гвардии капитан Арестов! Равенства взлетов и посадок!

**КАК НИ ВЕЛИКИ ПЕРЕГРУЗКИ,
РАДОСТЬ ПОЛЕТА НИКОГДА
НЕ ПОКИДАЕТ ЛЕТЧИКА.**

РОМБОМ

ИГРАЕМ

Читатели «Смены» с интересом встретили первые приключенческие повести молодого ростовского прозаика Николая Оганесова «Мальчик на качелях» (1980 г.) и «Непохожий двойник» (1982 г.). Надеемся, что и новая вещь писателя привлечет ваше внимание.

Николай ОГАНЕСОВ

ПОВЕСТЬ

Глава I

1

Был вторник. Двадцать девятое сентября.

Собственно, начать, наверное, надо бы с пятнадцатого, поскольку именно эта дата значится во всех официальных документах, а в постановлении следователя о возбуждении уголовного дела, например, даже час указан с точностью до минут—21.40.

Точность—вещь, безусловно, полезная, кто спорит, но много ли толку в цифрах, если им не сопутствует хоть какая-то ясность?

Это во-первых. А во-вторых, раз уж речь зашла о датах, пятнадцатого сентября меня здесь вообще не было. Я находился за тридевять земель отсюда, практически в другом конце страны, и понятия не имел ни о путаных обстоятельствах этого дела, ни о роли, которую мне предстояло в нем сыграть.

Сейчас мне и самому не верится, что всего две недели назад я был еще дома, сидел на кухне, пил с матерью чай из тонких фарфоровых чашек, не спеша готовился к отъезду. Прошло совсем немного времени, и нет больше чашек, нет прозрачных занавесок на окнах, нет нашей старой обжитой квартиры с видом на Исеть. Верней, все это, конечно, есть. Но очень далеко—в том городе за Уральским хребтом, где осталась мама, друзья, где я жил и учился и где так недавно мне, новоиспеченному выпускнику высшей школы милиции, вместе с дипломом об окончании вручили направление, предписывающее ехать сюда, на юг, к месту своего назначения. Я уезжал в город, в котором никогда прежде не был, о котором знал до обидного мало: знал, что там тепло, что количество солнечных дней в году переваливает за двести, а берега, поросшие древними папоротниками и экзотическими пальмами, омывает «самое синее в мире Черное море». Море и вправду оказалось пронзительно синим. И солнце, не обращая внимания на календарь, припекало щедро, по-летнему. И пальмы росли прямо на улицах, поддерживая свои вечнозеленые кроны толстыми и морщинистыми, как слоновьи ноги, стволами. Тропики, одним словом! Но, пожалуй, главным из всего, что меня здесь ожидало, была работа—первая в жизни самостоятельная работа, о которой мечтал чуть ли не с детства...

Ну, да я отвлекся.

Был, как уже сказано, вторник. Двадцать девятое сентября. Вторая половина дня, точнее—восемнадцать тридцать.

Я сидел на скамейке у раскаленного зноем парапета набережной лицом к морю, сидел и ждал, когда короткая стрелка на моем хронометре подберется к цифре семь.

Время тянулось адски медленно.

Существуют десятки, а может, и тысячи способов убить время. Я выбрал простейший и, поднапрягши память, пытался воспроизвести одну из органических композиций Чеслава Немана. Музыка вообще моя слабость, особенно современная, а музыкальные экзерсисы—привычка, перешедшая от матери, она у меня профессиональный музыкант, работает аккомпаниатором в областной филармонии.

Обычно мелодия дается мне легко, однако в этот раз что-то не клеилось. В голове трещало и гудело на все лады, но, пожалуй, не от мощных аккордов немановского «Хаммонда», а от шума прибора и еще от головной боли, поселившейся в недрах черепной коробки еще со вчерашнего дня. Похоже, это была несколько запоздалая реакция на перемену климата. Или первый симптом простуды. Потому что время от времени давал о себе знать второй, не менее отвратительный,—ком в горле, тугой, как теннисный мячик, и такой же упругий.

Скамейка, на которой я устроился, была вплотную придвинута к гранитному парапету, отчего возникла почти полная иллюзия одиночества. Моментами казалось, что вокруг нет ни души и что можно позволить себе сидеть вот так, не двигаясь, бесконечно долго.

Далеко, у самой оконечности волнорезов, один за другим поднимались огромные мутные валы. С глухим рокотом катились они к узкой полоске пляжа и, величественно опадая, выносили на своих пологих

гребнях обрамленные пышной пеной коряги, стволы деревьев, пучки коричневых и зеленых водорослей.

Захватывающее зрелище, завораживающее даже. Вот только головная боль, будь она неладна. К тому же, хотел я того или нет, мысли упорно возвращались к заметке, опубликованной в местной «вечерке», которую полчаса раньше купил в киоске у Морского вокзала.

Я опустил взгляд на развернутый газетный лист.

В самом низу, между колонкой с объявлениями о размене жилой площади и программой телепередач, под рубрикой «ПРОИСШЕСТВИЯ» крупным шрифтом было напечатано:

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ В ГОРОДЕ И ПРИМЫКАЮЩИХ К НЕМУ ПЛЯЖНЫХ ЗОНАХ ВОЗРОСЛО КОЛИЧЕСТВО НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

Ниже и более мелко шел текст, который я успел выучить наизусть и теперь перечитывал скорее от безделья, чем по необходимости.

Вчера в акватории морского порта на полном ходу опрокинулся прогулочный глассер, которым в нетрезвом состоянии управлял рулевой-моторист Н. Н. Панчин. В результате опрокидывания пассажиры глассера гражданин ПРУДКИН Э. П. и его дочь ПРУДКИНА Л. Э. оказались за бортом. Благодаря самоотверженной и оперативной помощи спасательной службы потерпевшие были спасены.

Зарегистрировано еще несколько несчастных случаев.

Так, семнадцатого сентября на диком пляже, что неподалеку от санатория имени С. М. Буденного, утонул житель нашего города КУЗНЕЦОВ С. В. Как предполагают, во время купания он находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. Причиной смерти послужило грубое нарушение гражданином КУЗНЕЦОВЫМ С. В. Правил поведения на воде.

Рядовая в общем-то заметка, ничего особенного. Подобные сообщения здесь не редкость и обычно мало кого интересуют, разве что самих потерпевших, их родственников или знакомых. Но как раз на это последнее обстоятельство я и рассчитывал.

Дело в том, что нынешняя информация появилась в газете по моей инициативе, при моем, так сказать, непосредственном участии. Я надеялся, что она привлечет к себе внимание людей, имевших отношение к случившемуся. Аргументация, что греха таить, не очень убедительная, тем не менее начальник уголовного розыска подполковник Симаков согласился с моими доводами, слегка выправил текст и дал «добро» на публикацию. И вот заметка в газете. Остальное зависело от моих действий, действий, названных в законе коротко и исчерпывающе ясно—оперативно-розыскными...

Участь гражданина Прудкина и его дочери беспокойства не внушала. Объектом нашего внимания являлись обстоятельства гибели гражданина Кузнецова, ибо в действительности они были куда сложнее, чем об этом сообщалось в газете.

Начнем с того, что труп утонувшего до настоящего времени не найден. Как потерпевший оказался на пляже близ санатория имени Буденного, неизвестно. Был ли он пьян, неизвестно тоже. Это бы еще полбеды. Куда важнее было другое: Сергей Васильевич Кузнецов, двадцатичетырехлетний старший кассир бара-ресторана при местной гостинице «Лотос», прежде чем грубо нарушить Правила поведения на воде, совершил кое-что похуже.

За день до несчастного случая, пятнадцатого сентября, в 21 час 40 минут, находясь при исполнении служебных обязанностей, он уложил дневную выручку в специальные мешочки,—кстати, часть выручки была в валюте, поскольку ресторан посещают иностранцы,—поднялся по винтовой лестнице в вестибюль гостиницы, до находящейся здесь же сберкассы, где его ожидал инкассатор, и не добрался до нее, хотя расстояние от подвала, в котором расположен ресторан, до сберкассы каких-то полсотни метров.

Поднято по тревоге подразделение милиции тщательно осмотрело гостиничные номера, службы, ресторан, но не обнаружило ничего, что могло бы помочь в поисках пропавшего кассира. Он исчез, не оставив после себя никаких следов, и появился только через сутки, семнадцатого, на загородном

пляже, да и то лишь затем, чтобы, скинув одежду, снова скрыться, на этот раз окончательно...

Приблизительно в такой последовательности изложены события в постановлении следователя, и не его вина, что события эти сильно смахивают на завязку детективного романа.

...

На скамейку по соседству со мной присела пожилая пара.

— Пойдет твоя «Комета», куда не денется...—Мужчина говорил, обращаясь к своей спутнице—сухощавой женщине в детской панамке, но, видно, был человеком общительным и следующую фразу произнес, полуобернувшись ко мне:—Через день-другой установится прекрасная погода. Поверьте старожилу, будет полный штиль...

В прогнозируемую перемену верилось с трудом, однако спорить я не рискнул: нынешнее, на мой взгляд, странное сочетание кипящего в шестибалльном шторме моря с полным безветрием и чистым, будто выкрашенным из пульверизатора небом моему опыту ни о чем не говорило.

До семи оставалось чуть больше четверти часа. Высокие грязно-желтого цвета волны продолжали яростно атаковать сушу. Надо полагать, к концу сезона погода в этих краях действительно не балует постоянством: семнадцатого, в тот самый день, когда тонул в двадцати метрах от берега Кузнецов, море, к сожалению, было абсолютно спокойным. Я говорю «к сожалению», потому что утони Кузнецов в такой вот шестибалльный шторм, его смерть, возможно, не казалась бы теперь столь нелепой.

Мне не пришлось побывать на месте его гибели, но по фотографиям я хорошо представлял и пустынный пляж, и впадающую в море горную речушку, и одежду, сложенную на остывших к вечеру глыбах. В кармане оставленной на берегу куртки нашли носовой платок, мятую пачку сигарет, спички и горсть монет. Все. Выручка из гостиничного ресторана как в воду канула. Юмор, быть может, и неуместный, но ведь не пошел же Кузнецов купаться, перекинув через плечо сумки, набитые деньгами?! Разумеется, нет. Он их где-то оставил. Где?..

Нужно сказать, что на первых порах меня к текущей работе не привлекали. Дали время осмотреться. Я бродил по кабинетам, знакомился с коллегами, копался в архивах. Постепенно стало складываться представление об оперативной обстановке в городе. Если откровенно, она показалась мне довольно хорошей: нераскрытых дел за следственными органами не числилось, в сводках преобладали мелкие хулиганства, незначительные по размерам хищения, случайные драки. Единственным рецидивным явлением, портившим в общем-то вполне благополучную картину, были фарцовщики. С ними боролись, но, очевидно, соблазн был слишком велик—как-никак крупный морской порт, да и иностранцев в этом райском уголке круглый год хоть пруд пруди,—и спекулянты, не считаясь с риском, продолжали делать свой «маленький бизнес»... Что касается происшествия в гостинице, то краем уха я слышал об этом ЧП, но сведения были очень приблизительные—этим делом занимались другие сотрудники. Работы у них было невпроворот, ибо проверке подлежал практически каждый из постояльцев гостиницы.

Словом, я был близок к разочарованию и внутренне готовился к длинной череде мелких и скучных поручений. Однако инкубационный период окончился раньше, чем я ожидал, и совсем иначе, чем мне представлялось.

В пятницу меня вызвали к «самому».

— Ну как дела, Сопрыкин?—спросил он, когда я по всей форме доложил о своем прибытии.

— Нормально, товарищ подполковник.

— С жильем устроился?

— Квартиру снял,—ответил я.

— Небось в центре и с видом на море?—поинтересовался Симаков, подняв на меня свои выпуклые небесно-голубые глаза, и я в очередной раз подивился, как он умудряется сохранить девственно-белый цвет лица при здешнем климате.

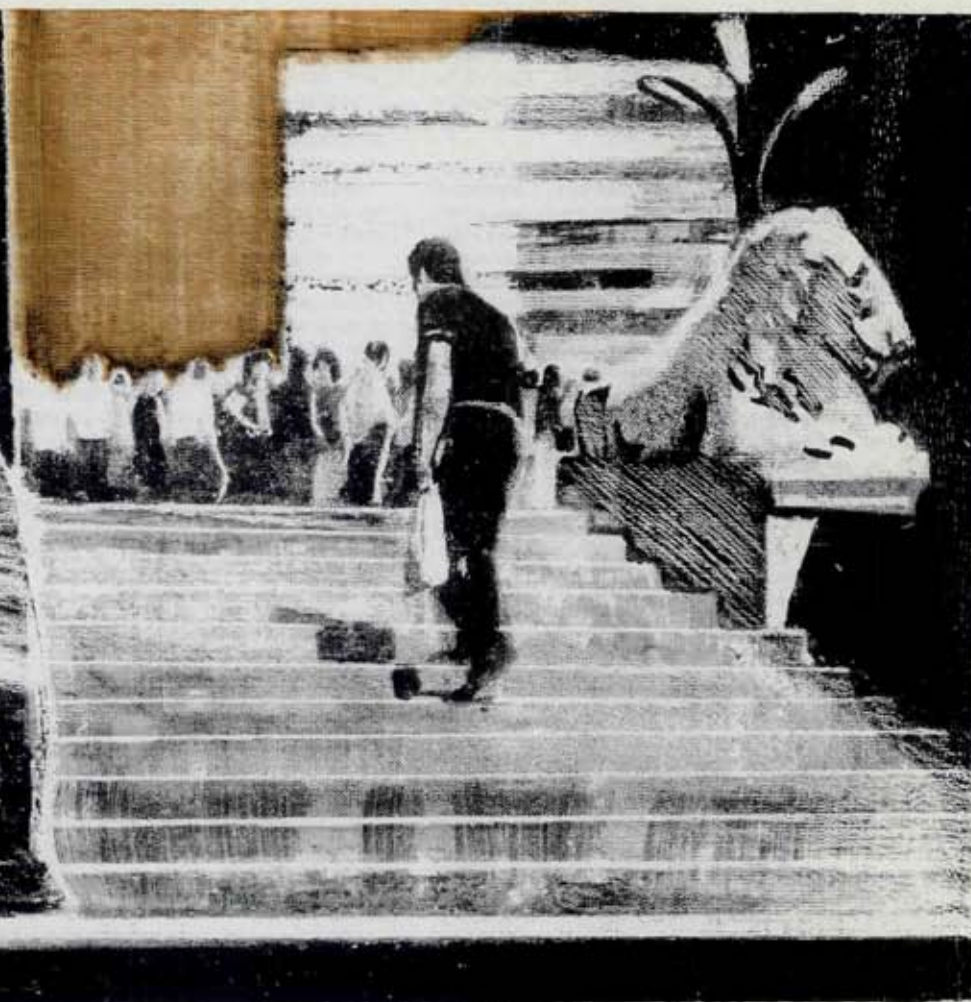

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ.

— Не квартиру ты снял, а койку. И дерут, наверно, семь шкур.— Он улыбнулся, но улыбка получилась какая-то вымученная.— Кто сейчас квартиру сдаст — бархатный сезон. Койка нашлась, и то, считай, повезло.

Он вытащил из кармана блокнот и вырвал из него лист.

— Короче, Сопрыкин, такие дела: комнату мы тебе выделили. В доме гостиничного типа. Как молодому специалисту. Через неделю она освобождается, и можешь вселяться.

Он приподнялся и протянул мне листок:

— Держи — твой новый домашний адрес. Матери напиши: комната приличная, сам смотрел. Газ на две конфорки и душ индивидуальный имеются. Ну а недельку потерпи.

— Спасибо, — промямлил я и впервые со дня приезда вдруг по-настоящему осознал, что нахожусь тут не временно, не случайно, что здесь, в этом городе, предстоит жить и работать, и не месяц, не год, а, возможно, всю жизнь. Черт знает почему при мысли об этом у меня защемило сердце.

— Спасибо, — еще раз пробормотал я.

— Не стоит. Женишься — квартиру дадим, — пообещал Симаков.

По его тону можно было догадаться, что с решением жилищной проблемы наш разговор не исчерпан.

— Ну как тебе город? Освоился? — спросил он, глядя на меня голубыми немигающими глазами.

— Не совсем, — признался я.

— Что так?

— Раньше бывать не приходилось, товарищ подполковник, а сейчас времени нет, в чужих делах роюсь, ориентировки читаю.

В последние слова я вложил намек на свое затянувшееся безделье, но Симаков сделал вид, что не понял.

— Ориентировки вещь полезная, — обронил он, как видно, думая о чем-то своем. — Ты когда приехал?

— В прошлую пятницу, неделю назад.

— Да-да, помню... — Он откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и снова остановил на мне внимательный оценивающий взгляд. — Значит, в чужих делах роешься? Что ж, может, это и к лучшему... Продолжая вслух какую-то свою мысль, заметил. — Только вот прическа у тебя не того, длинноватая.

Не модно это сейчас... — Помолчав, добавил: — Значит, надоело, говоришь, по коридорам слоняться?

— Так точно, — по-военному четко доложил я.

— Надоело... — Видимо, он подвел черту под своими неясными для меня размышлениями. — Так вот, Сопрыкин. Считай, закончился твой карантин. Работа для тебя имеется... Ты раньше времени не улыбайся. Дело серьезное. Про Кузнецова слышал?

— Слышал.

— То-то. Человек пропал. Это тебе, брат, не кража с пляжа...

Ребята рассказывали, что много лет назад Симаков начал свою службу в милиции с задержания пляжного вора, накрыл его как-то в раздевалке с полничным, и теперь, будучи уже подполковником и начальником отдела, часто приводил «кражу с пляжа» как пример самого быстрого и оперативного раскрытия преступления. Разумеется, делал он это с известной долей юмора.

— ...Пропал человек, — повторил Симаков. Он вытащил из пачки папиросу, постучал мундштуком по столу и, потарахтев спичками, закурил. — Сначала из гостиницы испарился, потом того лучше, камнем на дно. Улыбаться тут нечему, плакать впору... Валюты одной на семь тысяч и наших столько же. Соображаешь?

Он сделал паузу, чтобы я оценил всю значительность суммы. При этом на его скулах шевельнулись желваки, отчего лицо стало жестче и даже как будто потемнело.

— Ладно, не буду тебе раньше времени голову забивать. Подробности в прокуратуре узнаешь, у следователя. Потом ко мне зайдешь, обмозгуем, с какого конца лучше взяться... Вопросы имеются?

Вопросов не было.

Они появились позже, и ответы на них, увы, не мог дать ни опытный Симаков, ни менее опытный, но старательный следователь. Ответы предстояло искать самому.

2

Собеседник из меня оказался никудышный. Старожил-синоптик со своей спутницей не спеша удалялся вдоль набережной.

Обратной стороной самостоятельности, о которой говорил Симаков, было одиночество. Я был обречен на него в силу порученного задания — оно предполагало мою полную изоляцию от товарищей, от случайных, не идущих на пользу дела контактов. Это состояние, кроме прочих, имело одно малоприятное свойство — к нему нелегко было привыкнуть. А если прибавить оторванность от дома, незнакомый, по сути, город, получалось совсем худо.

Не знаю, уместно ли тут слово «ностальгия», но, глядя на здешнее раскаленное докрасна солнце, на праздные толпы веселых и беззаботных людей, я мысленно уносился за тысячи километров к северу, в свой далекий скупой на краски город. Там уже ночь. Горят уличные фонари. Напоминанием о близкой зиме качаются голые ветки деревьев, и асфальт блестит от осевшей на него измороси. Оно, конечно, не так красиво: и моря нет и горы пониже, да ведь это кому что нравится...

Я вздохнул и посмотрел на часы. Они показывали ровно семь. Пора.

Прихватив полиэтиленовую сумку с изображением бородатого Демиса Русоса, я пошел разменивать двушку.

Ближайший телефон-автомат находился неподалеку, у входа в бильярдную.

К трубке на другом конце провода долго не подходили. Наконец монета проскочила в прорезь, и глухо, точно с другой планеты, донесся низкий, не то мужской, не то женский голос:

— Слушаю.

— Это библиотека?

— Слушаю, говорите, — повторил голос.

— Это библиотека? — крикнул я, опасаясь, что меня опять не услышат.

— Абонемент это. Вам кого? — откликнулось в трубке.

— Кузнецову Нину позовите, пожалуйста.

— Нету ее. Ушла.

— Давно?

— Громче говорите, не слышно.

— Давно она ушла?! — гаркнул я что есть мочи.

— Хулиган! — возмутился абонент, и в наушнике раздалась короткая, как многоточие, гудки.

Я повесил трубку. Расстраиваться было не из-за чего. Телефонный разговор с вдовой погибшего в вой

планы не входил — важно было убедиться, что она уже вышла. В остальном я полагался на удачу.

От библиотеки до улицы Приморской, где Нина Кузнецова жила одна после смерти мужа, четыре квартала. Следовательно, через десять — пятнадцать минут она будет дома.

Вообще-то идея встретиться с вдовой погибшего принадлежала не мне. Она принадлежала Симакову. Он эту идею выдвинул, и он же, поразмыслив, забраловал, посчитав малоперспективной. «Искать надо не тех, кто на виду, — инстинктивно он напоследок, — а тех, кто хорошо знал Кузнецова и держался при этом в тени, на расстоянии. Ищи, Сопрыкин, невидимок! Это и будет твое персональное задание». Легко сказать! Второй день я болтался по городу, стараясь нагнать на след этих самых «невидимок», и все попусту. Тогда с отчаяния, что ли, вспомнил об отвергнутом плане, решил рискнуть: нас учили использовать любой шанс, каким бы ничтожным он ни казался, и не в моем нынешнем положении было пренебрегать этим правилом...

Я направился к лестнице.

У ее каменного основания лежали два облезлых, подслеповатых от старости льва. Положив на пьедесталы каменные морды, они меланхолично смотрели куда-то за линию горизонта.

Ступени вели круто вверх, к многоэтажному корпусу гостиницы «Лотос». Того самого «Лотоса», из которого за день до смерти исчез Кузнецов. Гостиница стояла на Приморской, то есть на улице, куда лежал мой путь и где до своей кончины проживал известный нарушитель Правил поведения на воде. Вот, кстати, еще одна загадка: вместе с уложенной в парусиновые мешки выручкой Сергей умудрился «пропасть» в ста метрах от собственного дома — обстоятельство если и не подозрительное, то весьма странное...

«Как он вообще мог утонуть? — рассуждал я, одолевая подъем. — Родился у моря, плавать, верно, научился едва ли не раньше, чем ходить. Что привело его на пляж? Свидание с сообщником? А вообще был ли у него сообщник? Кто сказал, что Кузнецов был не один?»

С другой стороны, где он скрывался после пятнадцатого? Как попал на дикий пляж? Откуда? Вот и выходит, что началась эта история гораздо раньше, чем зафиксировано в официальных документах. Слишком много в ней неясного, необъяснимого...

В любое другое время путь наверх не занял бы у меня и пяти минут, но, как видно, я действительно был не в лучшей форме: когда одолел подъем и вышел к двум точным копиям с оставшихся внизу меланхоликов, и спину и лоб покрывала испарина, а затылок ныл, словно на него надели тяжеленный железный обруч.

Наверху стояла цистерна с квасом. Я постоял в очереди и взял большую кружку, но, не успев сделать и глотка, поперхнулся. Проклятый теннисный мячик почти наглухо перекрыл горло. Бережно поддерживая кружку обеими руками, я прислонился к холодному боку цистерны и посмотрел вдоль Приморской.

То, что я видел, меньше всего походило на улицу. Передо мной лежала короткая и широкая площадка, открытая для проезда и стоянки автомашин. Благодаря сравнительно короткому спуску к морю, близости к центру и дюжине магазинов, расположенных в квартале отсюда, это было одно из самых оживленных мест в городе.

Правую от меня сторону площади из конца в конец занимал фасад «Лотоса» с подстриженными газонами перед входом, светильниками и клумбами, террасой, на которой под пестрыми зонтиками шла бойкая торговля прохладительными напитками. На другой стороне тоже имелись газоны и клумбы, выложенные песчаником дорожки, а также невысокая стена, сплошь покрытая рекламными щитами. Прямо напротив «Лотоса» стояло карликовое здание под вывеской «Канцтовары», а за ним, полностью скрытый от глаз прохожих декоративным кустарником, прятался одноэтажный домик, в котором ожидала меня... впрочем, никто меня там не ждал — Нина Кузнецова и знать не знала о моем существовании...

Я вернул кружку с недопитым квасом и двинулся через дорогу, чувствуя на спине ожог от прикосновения к холодной, как лед, бочке.

Бетонированная дорожка вела мимо заросшей виноградом стены, сворачивала за угол, к беседке, в глубине которой стояла старая садовая скамейка с несколькими уцелевшими перекладинами, и обрывалась маленьким тупичком — двориком, размером чуть больше прихожей в квартире стандартных размеров.

На ступенях, ведущих в дом, сидела девушка.

Я сразу ее узнал. По снимку, который видел в деле. Он был из традиционного набора свадебных фотографий двухлетней давности. Правда, время и события последних недель изменили Нину, и изменили не к лучшему: у глаз залегли тени, когда-то пышные волосы были стянуты в тугой узел, а у губ обозначились складки, которых на фотографии не было и в помине.

Нина сидела вполборота к дорожке. Она мельком посмотрела в мою сторону, автоматически отозвалась на приветствие и, помедлив, сообщила:

— Квартиры не сдаются.

Это был устный вариант популярного в городе объявления: я встречал его написанным от руки, отпечатанным на машинке и даже в виде долговечных металлических табличек, накрепко прибитых к дверям и заборам.

— Мне самому в пору сдаваться, — сказал я как можно беспечней, но, кажется, сфальшивил, и поспешил уточнить: — На квартиру у меня нет денег.

Вероятно, она решила, что ослышалась:

— Простите, что вы сказали?

— Я говорю, что у меня ни копейки. Знаете, где я спал последнюю ночь? На лавке, в парке культуры и отдыха. — Само собой, ни на какой лавке я не спал, просто слегка сгустил краски.

— В парке? — переспросила Нина. — Не понимаю. Чего вы, собственно, хотите? Кто вы?

Примерно таким и мыслилось мне начало нашего разговора.

— Извините, я забыл представиться. Володя, фамилия Сопрыкин. Нахожусь в трудовом отпуске, приехал к вам...

— Меня не интересует, к кому и зачем вы приехали, — сухо перебила она. — Объясните, наконец, чего вы хотите?

Я был готов удовлетворить ее законное любопытство и извлек из сумки книгу, на которую делал главную ставку.

— Литературой случайно не увлекаетесь? Продаю вот...

Нина недоверчиво посмотрела на увесистый том в буром с позолотой переплете.

— Не упускайте случай, девушка. Это уникальное издание! «История крестовых походов». Слышали когда-нибудь? Единственный в своем роде экземпляр. Берите, не пожалеете. Правда, у меня только второй том, но... минуточку... вы только послушайте... — Я раскрыл фолиант на заранее отмеченной странице, где речь шла о легендарном Ричарде Львиное Сердце, и, подражая манере профессиональных чтецов, с расстановкой начал: — «Король Ричард, возвращаясь в свое отечество, сел на корабль и направил путь прямо в Германию. Пристав к одной гавани, он отправился оттуда, переодетый, сухим путем и, проходя через Австрию, был преследуем лазутчиками и узнал. Чтобы лучше скрыть себя, он переоделся слугой и нанялся на кухню помощником...» Ну как? Захватывающая история? Только не говорите, что вам не интересно, чем закончился этот средневековый вестерн... Серьезно, девушка, покупайте, пользуйтесь случаем...

Я ничего не знал о характере Кузнецовой, о ее интересах, вкусах и наклонностях, не знал, что ей нравится, а что нет, и потому действовал вслепую. Отсюда и книга, купленная накануне в букинистическом, — более удачного предлога для знакомства я не нашел, ведь Нина как-никак работала в библиотеке.

— Ну что, хотите посмотреть?

Она неуверенно пожалла плечами.

Ричард Львиное Сердце выдавал себя за слугу. А вот за кого выдавал себя я? За спекулянта? Бродягу, путешествующего без копейки в кармане? За попавшего в беду человека? В моем положении любая из перечисленных ролей могла оказаться выигрышной.

— Обратите внимание на год издания.

Нина взяла том, в нерешительности подержала его в руках, потом положила на колени и раскрыла на титульном листе.

— Тысяча восемьсот двадцать третий! — заглядывая ей через плечо, прокомментировал я. — Представляете?! Эту книгу мог держать в руках Пушкин. Не верите? Напрасно. Тиражи были маленькие, какая-то жалкая сотня экземпляров. И дата подходящая...

Столик пепла с ее сигареты сорвался и рассыпался по странице.

— Извините. — Она поспешно сдула пепел.

— Ничего, — снисходительно успокоил я. — Понимаю ваше волнение и потому не тороплю. Зрите и восторгайтесь!

— Но зачем вы ее продаете? — удивилась Нина.

— Это же действительно большая редкость.

— Большая, — поддакнул я, радуясь наметившемуся в разговоре перелому.

— И вам не жаль с ней расставаться? Прозвучавшие в ее голосе интонации я истолковал по-своему. Надежда, что между нами перекинулся мостик, придала уверенности, и я с удвоенной энергией перешел к укреплению своих позиций.

— Конечно, жаль. Несчастье у меня, понимаете, бумажник стащили... Собственно, может, и потерял я его, не знаю, но скорее всего стащили. И как назло, все деньги там были, в среднем отделении. Остался, что называется, без средств к существованию. — Для убедительности я похлопал себя по карманам. — Хорошо, документы уцелели, иначе совсем труба. На последнюю мелочь телеграмму матери отбил. Жду перевода. Ну а пока — полное банкротство. Спать негде, за койку платить нечем. Чужой город, ни друзей, ни знакомых. Приболел вот вдобавок. Лихорадку какую-то подцепил, второй день трясет. Одно к одному — знаете, как бывает...

Слушая мой треп, Нина рассеянно листала плотные, будто из картона вырезанные страницы, а я стоял сбоку и впервые после начала разговора позволил себе немного расслабиться.

Если не считать ссылки на болезнь, мой рассказ был чистым вымыслом, но, кажется, Нина принимала его за чистую монету, и в глубине души я уже поздравлял себя с успехом.

Длилось сие idiotское состояние всего секунду, не больше, и надра же было случиться — как раз в эту-то секунду Нина подняла голову. Что прочла она в моем взгляде, одному богу известно, только брови ее удивленно поползли вверх, и она поспешно отвернулась.

— Возьмите. — Не глядя в мою сторону, она протянула злосчастный фолиант.

— Но почему? — попробовал я спасти положение.

— Возьмите свою книгу, — настойчиво повторила она.

«Сейчас меня погонят», — успел подумать я и зачистил с отчаянием утопающего, хватающегося за соломинку:

— Вы, наверно, из-за цены? Не беспокойтесь, я дешево уступлю, честное слово. Главное, книга вам нравится, остальное — детали, об остальном мы договоримся...

— Все равно, — отрезала Нина. — Я не могу ее купить.

— Ну хотя бы пятерку, — через силу выдал я, ощущая закипающую у самого себя злость. — А деньги отдадите завтра, мне не к спеху... — Я понимал, что сморозил глупость, но остановиться уже не мог: — Серьезно, давайте договоримся на завтра? У меня есть и другие книги, хотите принесу?

— Вы что же, так с библиотекой и путешествуете? Ирония действовала сильнее, чем если бы она послала меня ко всем чертям. «Знаю, зачем вы пришли, — будто говорил ее взгляд. — Вам нужны сведения о муже. Если так — спрашивайте прямо, к чему разыгрывать этот глупый спектакль, тем более, что актер из вас неважный».

— Ничем не могу вам помочь. — Она поднялась со ступенек и смотрела с насмешливым любопытством, очевидно, ожидая, что произойдет чудо и я тут же, не сходя с места, сгину с глаз долой.

— Значит, нет?

— Нет.

Мне и в самом деле захотелось исчезнуть, то есть в самом прямом смысле взять и раствориться в теплом, перенасыщенном влагой воздухе. Без сомнения, я бы так и поступил, если б знал, как это сделать.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания, — буркнул я в ответ и, кивнув, пошел со двора.

Ноги были точно ватные, в голове ни единой стоящей мысли, полнейший вакуум. Я вдруг ощутил страшную, давящую на плечи усталость. Из всех желаний осталось одно: принять таблетку и завалиться спать. И спать долго-долго, чтобы, проснувшись, можно было вспомнить о случившемся, как о дурном сне.

— Постойте, — раздался за спиной голос.

Не уверенный, что не ослышался, я обернулся.

— Вам что, действительно негде переночевать?

Вероятно, мой вид сказал ей больше, чем я мог бы объяснить словами.

— Хорошо, я дам вам раскладушку... Только спать придется во дворе. Устроит вас?

Еще бы не устроило! Да предложи она мне лавку в беседке, собачью конуру, птичье гнездо на крыше, я согласился бы, не раздумывая.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Она пожалла плечами.

— Не за что. Вы и в самом деле еле на ногах держитесь...

Продолжение следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.07.84. Подписано к печати 01.08. 84. А 10300. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 2211. Заказ № 3228. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ДИАГНОЗ: ФАНАТ

С некоторых пор на улицах Москвы в дни футбольных матчей появляются группы подростков в одинаковых, чаще всего двухцветных шапочках и шарфах. Двигаясь к стадиону до игры или от стадиона после матча, они что-то скандируют, поют, размахивают флажками. Это и есть фанаты. Так они себя с гордостью величают. Фанаты футбола, а точнее, от футбола. Фанаты не игры, а точнее, от футбольных сборищ.

За время своего существования — по моим подсчетам, лет восемь — десять — фанаты добились определенных успехов: милиции для поддержания порядка на стадионах стало чуть ли не в три раза больше; нормальные болельщики, не фанаты, рядом с ними на трибунах предпочитают не садиться — побаиваются; слабые прохожие на улицах шархаются, услышав истошный вопль: «Ра-

кета» (название, понятно, даю условное) — чемпион! Вот так и слава пошла! Это ли не здорово?

А на стадионе прежде всего надо оккупировать сектор. До самой игры им, строго говоря, и дела нет. Где тут следить за событиями на поле, если надо косить глазом на милиционеров, а когда тот отвернется, завопить что-нибудь «своим» футболистам или оскорбить соперников. Потом нужно только втянуть голову в плечи и ловить на себе восхищенные взгляды «соплеменников» фанатов и недоуменно-оскорбленные остальных зрителей.

Не каждый фанат, занимаясь своим опасным ремеслом, доживает до конца встречи: кого-то выводят за хамские выкрики, кого-то — за швыряние серпантинных лент, мелко нарезанной бумаги или менее безбидных предметов, а кому-то и вообще не удается

проникнуть на стадион. Но зато после игры, на улице, вне пределов досягаемости милиции, они снова собираются вместе, и проходимым предлагается прослушать «все, что мы когда-то не допели».

Матчи для фанатов — праздники, а будни посвящены бесцельным ожиданиям и подготовке.

— Ходили вчера на дубль, размяться.
— Ну и как?
— Клёво! Две «бормотухи» раздавили — перед матчем и в перерыве. Футбол для таких — лишь повод собраться вместе, приложиться к «бормотухе», поорать вволю. Это благодаря их стараниям слово «болельщик» люди начинают постепенно воспринимать как синоним слова «хулиган». А наиболее рьяные фанаты даже ездят на мотоциклах в другие города. Невозможно понять откуда у школьников, учащихся ПТУ и техникумов берутся деньги на поездку в Минск или Ереван? Это особый вопрос, думаю, что не всегда билеты приобретаются на средства.

Фанатам в основном по 14—19 лет, но есть и отклонения: кто-то стремится раньше повзрослеть, а кто-то не прочь и продлить «веселое детство». Эти последние обычно предпочитают жить в семье, учат младших правильным «текстам».

Нет, футбол фанатам не нужен. А они ему — и подавно. Никто, понятно, не считает, что на стадионе нужно сидеть молча и, как говорится, руки по швам. И мы знаем, что большинство мест на стадионах занимают зрители, искушенные в тонкостях игры, поддерживающие любимые

команды и доброжелательно оценивающие соперников. Настоящие болельщики — это люди, исполненные собственного достоинства, гордящиеся достижениями своих любимых команд. Фанаты же оскорбляют прекрасную игру, имя которой футбол.

Но они идут и идут на футбол. Дрожи, земля, и берегись, прохожий! Горю всем, кто не приверженец «Ракеты»! Расписаны заборы, замусорены тротуары. Раскачиваются автобусы, и бытуют уличные фонари. Но при чем же здесь футбол? И как нам всем остановить фанатов?

Сергей МИКУЛИК,
студент педагогического института

От редакции. Мы опубликовали это письмо читателя, ожидая, что на него откликнутся заинтересованные лица: истинные болельщики и футболисты, педагоги и воспитатели учебных заведений, а может быть, и кто-то из самих фанатов — ведь не все же они окончательно потеряли совесть. Разве не честнее было бы объяснить, чем вызвано такое поведение, нежели выкрикивать нечто грязное, оскорбительное пряча за спинами в толпе?

ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА»

ВЫПУСК 2-Й

Переписка

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ГОЛОС

Мои юношеские футбольные впечатления относятся к началу 30-х годов, а самые яркие — к годам послевоенным, потому что, вернувшись еще молодым с фронта, мы радовались футбольным баталиям как примете мирного времени. Никогда не забуду, как ходил на стадион с сыновьями. Сейчас они взрослые, один стал летчиком, другой — инженером-строителем, но до сих пор мы часто толкуем о футбольных проблемах. А на стадион уже не выбираюсь, смотрю телевизор с внуками. И порой очень расстраиваюсь из-за качества телерепортажа, порой даже не из-за того, что говорят об игре, а из-за малограмотных оборотов, плохого языка. Переживаю, когда дети слышат такое, и рассказываю им о прекращении комментатора Вадима Синявского. Однажды услышал сын и говорит: «Что ты, отец, придираешься? Это у тебя просто ностальгия по юности». Я же уверен, что радиожурналист, способный сравниться с Синявским, сейчас нет. Обидно, что не успел он себя проявить во всем блеске и в телерепортаже. Хотелось бы узнать мнение авторитетного человека, хорошо знавшего Вадима Синявского.

А. Е. КУЗНЕЦОВ,
ветеран войны и труда.
Ленинград.

Это письмо читателя мы направили известному советскому драматургу Л. Г. Зорину и получили ответ, прочитать который, уверены, будет интересно не только тов. Кузнецову.

Популярность Синявского была фантастической. Имя его было у всех на устах, стало почти нарицательным. Такая популярность, помимо индивидуальных качеств, обуславливается еще и мерой совпадения личности со временем, в котором ей, личности, выпадает на долю действовать. В этом смысле голос Синявского прозвучал удивительно своевременно, именно тогда, когда потребность услышать его была особенно острой.

Четыре года шла жестокая беспощадная война. Четыре года люди воевали, трудились без отдыха, голодали, мерзли и жили от сводки до сводки. Они собирались у репродукторов, и голос Левитана, голос войны, говорил им сначала об отступлении, об осадах, обороне и, наконец, о великом переломе. Но даже и весть о разгроме врага неизбежно связывалась с мыслью о потерях, которыми она была оплачена. В перечислении освобожденных городов, отличившихся частей, имен полководцев звучала не только музыка победы, за ним угадывались те, павшие, — молодые, отважные, кому вовек не праздновать торжества.

И вот война окончилась, а люди вновь собирались у радиорупоров и, замирая от волнения, слушали четкий, неизменно свежий, точно умытый, утренний голос. И этот голос, голос Синявского, голос мира, рассказывал о совсем иных битвах на совсем иных полях, рассказывал зажигательно, вдохновенно, пылко, делая решительно всех соучастниками происходивших событий.

Да, в нашем увлечении футболом была не только дань прекрасной игре, была еще подслудная, не всегда осоз-

нанная тема, — возвращение к миру, возвращение в мир, в солнечный доверенный мир, где был зеленый овал стадиона, многоцветье, молодость, безоблачное небо, где звучали ставшие родными имена — Старостины, Федотов, Бесков.

Вадим Синявский, как щедрый волшебник, вновь дарил нам этот, казалось, навеки ушедший мир, и мы были ему благодарны за это. А еще мы были ему благодарны за то, что он был настоящим мастером своего дела, умным, тонким, высокоинтеллигентным, и оттого вызывавшим уважение к тому, о чем он рассказывал. Он умел рисовать картины так живо и так зримо, что в ту далекую бестелевизионную эпоху мы словно присутствовали на трибунах.

Была у него замечательная особенность, которая доступна только виртуозу журналистики, — редкая достоверность интонации. Обращаясь к многомиллионной массе, он обращался одновременно к каждому в отдельности. Мы не чувствовали в нем оратора, он неизменно был собеседником.

И как он умел зажигать! И какими благородными средствами этого добивался! Не бранил противников, не возмущался судьями, не впадал в неумеренные восторги, не вопил «го-о-ол!» с экспрессией, которая,

верно, не снилась даже матросу с корабля Колумба, когда, завидев после многомесячного плавания береговую полосу, тот вскрикнул: «Земля!» Нет, Синявский всегда оставался мудрым, чувствующим меру, не забывавшим, что речь идет не о «последнем решительном», а об игре, созданной, чтобы принести людям радость.

В последний раз я видел его в гостях у московских динамовцев перед началом сезона. Он сидел в окружении футболистов той команды, которую так преданно любил долгие годы и любовь к которой должен был по обязанности комментатора тщательно скрывать. На душе у него было хорошо, покойно, видно было, что он находится среди родных людей.

Он был оживлен, весел, чуть стариковски многоречив. И то и дело возвращался к поздней осени сорок пятого года, к незабываемым дням, когда «Динамо» отправилось в Англию, встретилось с родоначальниками футбола и, победоносно завершив поездку, вернулся на Родину.

Ласково поглядывая на Бескова, он вспоминал, «как волновался Костенька, будет ли Лерочка на аэродроме...». И Бесков тоже улыбался и согласно кивал, — верно, верно, как летит время, вот уж серебряную свадьбу недавно отпраздновал, а так свежа в памяти та золотая пора.

Есть люди, которые в течение долгих лет, независимо от того, знал ты их или нет, сопровождали тебя по жизни. Вадим Синявский был из таких людей.

Леонид ЗОРИН

ЭТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ФОТОПРИЕМ ЛИШЬ В МАЛОЙ СТЕПЕНИ ПЕРЕДАЕТ ВСЮ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕПОРТАЖЕЙ ВАЛИМА СИНЯВСКОГО

Спортивный автограф

Ребята! Если вы играете в футбол, то старайтесь играть так, чтобы вы принесли радость и вам самим — своим друзьям.

Федя

«Игра лучшего футболиста страны прошлого года Черенкова подкупает пластичностью, умением обращаться с мячом, видением поля, какой-то самобытностью. Хотелось бы узнать о нем возможно больше как о человеке», — написал в редакцию Н. ЧАПУРИН из г. Шевченко. С такой же просьбой обратились к нам В. ЗАХАРОВ (Даугавпилс), И. АБРАМОВА (Харьков), семья ВАРИЧЕВЫХ и семья КИСЕЛЕВЫХ (Железнодорожный Московской обл.), А. ВОЛКОВ (Красноярск), В. ИВАНОВ (Рязань), А. и Я. АЛЛАБЕРДЬЕВЫ (Ашхабад), Н. МОРОЗОВА (п. Кокошкино Московской обл.), ученики 9-го класса «Б» школы № 55 (Краснодар), студенты сельскохозяйственного института (Фрунзе), С. БУТЕНКО (Херсон) и многие другие.

ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ

Ф

еде Черенкову был год от роду, когда он стал москвичом.

С XV века известна подмосковная деревня Кунцево. Читатель может припомнить ее название и в связи с наполеоновским нашествием, когда деревня была сожжена еще до Москвы. А потом в ней развивались ремесла, постепенно она стала пролетарской окраиной, затем (с 1960 года) крупным районным столицей.

Выходцы из потомственных пролетарских семей, Федины отец и мать познакомились в молодости на кожевенном заводе, где вместе трудились, счастливо прожили два десятилетия, растили двоих сыновей. Когда мать овдовела (сорока трех лет отец скончался от сердечного приступа), старший сын, Федор, только что окончил десятилетку, а младший, Виталик, — четвертый класс. И чтобы еще больше уделять внимания сыновьям, мать перешла на работу в жэк рядом с домом, поставила детей на ноги, сейчас на пенсии, живет с Виталием, студентом радиомеханического техникума.

Федя потерял отца в те дни, когда готовился к поступлению в институт. Родители мечтали увидеть его инженером. Математика, физика, химия давались в школе хорошо, и он выбрал нелегкую инженерную специальность: поступил в горный институт на факультет «Технология, организация и механизация подземных горных работ».

Отец мечтал увидеть его и мастером футбола, с трехлетнего возраста, сколько помнит себя Федор, приобщал его к спорту. Лыжи, коньки, футбольный мяч, потом хоккейная шайба заменяли ему игрушки: никаких оловянных солдатиков в доме не было; правда, чуть позже — инженерные наклонности, видно, дали о себе знать — увлекался различными «Детскими конструкторами». Однако спортивные способности проявились еще раньше, и отец сумел это заметить.

Худенький, щупленький мальчонка уже девятилетним выходил на футбольное поле соревноваться с ребятами, что были на два-три года старше. Выступал и в матчах на призы клуба «Кожаный мяч». Десятилетним попал в детскую команду «Спартак», за который болел тоже с тех пор, как себя помнит. И приходилось отцу возить его через всю Москву — из Кунцева в Сокольники, где Федя начал тренироваться у олимпийского чемпиона Анатолия Масленкина. Горько думать и Феде и маме его, что не увидел отец старшего сына ни инженером, ни известным футболистом. Но о том, что есть у сына футбольный талант, отец, к огромному своему счастью, успел узнать.

А все благодаря замечательному нашему спортивному педагогу Николаю Петровичу Старостину, которому уже за восемьдесят, а он по-прежнему остается начальником команды «Спартак» (Москва). Десять лет назад Старостин — так же, как он делает это и по

сей день, в каждый редкий выходной, — пришел на тренировку детской команды к Масленкину. Пришел и сразу заметил самого маленького, но самого техничного, самого хитроумного игрока, который организовывал, вел игру более крепких и рослых партнеров. Старейшина спартаковского клуба подозвал Федю, угостил шоколадкой, поговорил с ним, напутствовал и потом уже несколько лет не упускал из виду.

Федя же, не пропуская ни одной тренировки и ни одного матча, хорошо учился в школе и поступил в институт. Тут как раз он и получил приглашение в дублирующий состав «Спартак». Сбылась мечта! Но нет, у него не закружилась голова, он не ушел из института и даже не перевелся в институт физкультуры, где игроку команды мастеров было бы легче учиться. Лишь тогда, когда он окончил два самых трудных курса, ему предоставили в горном свободный график при условии, что все лабораторные работы, коллоквиумы, зачеты, сессии он будет сдавать в срок. И так оно и было до защиты диплома с оценкой «хорошо». Он получил диплом уже после того, как стал в составе «Спартак» чемпионом СССР, игроком сборной страны.

Многие до сих пор не понимают, как он умудрялся успевать везде. Ведь это нелегкий труд — совершенствование футбольного мастерства, тренировки огромной интенсивности, многочасовые по объему. А какой тяжелый календарь в чемпионате и Кубке страны, да еще выступления в европейских клубных турнирах и в составе сборной. А как нелегко было учиться в горном, проходить практику на шахтах, на себе проверяя теорию горных подземных работ. Как он все это успевал, сам не может объяснить: распределял время так, чтобы сделать, как надо, — вот и весь сказ. Но, конечно, сказалась школа трудовой семьи, то, что называют «рабочей косточкой».

И уже есть у него своя семья: как раз после второго курса пожениться они с Олей. Вместе учились с первого класса, вместе поступали в институты. Оля окончила экономико-статистический, стала инженером-системотехником по АСУ. Их дочурке Настеньке уже четыре года. Оля тоже из рабочей кунцевской семьи, ее родители и сейчас живут там, а молодая семья Черенковых получила квартиру в Сокольниках. Так вот и ездят бабушки к внучке, и так же, как в детстве, ездят знакомым маршрутом из Сокольников в Кунцево лучший футболист страны 1983 года Федор Черенков. И по-прежнему всюду успевает.

Успевает в выходные дни даже поиграть в футбол со старыми друзьями на спортплощадке кунцевской школы № 811. Играет и с мальчишками, нынешними членами клуба «Кожаный мяч». Не всегда его команда выигрывает на этой площадке, и тогда он радуется: значит, растут в Кунцеве будущие мастера.

В самом начале нынешнего сезона, перед важнейшим матчем с бельгийским «Андерлехтом», Федор тяжело за-

болел. Несколько месяцев не играл, и «Спартак» и сборной трудно было без него. А когда он вернулся на поле, то словно и не пропустил ничего, снова забивает, снова он — в центре игры, в центре внимания. Описывать, как он играет? Бессмысленно. Это надо видеть. Ему 25. И он надеется играть еще долго. А потом станет тренером? Нет, скорее, горным инженером, ведь это, по его мнению, самая интересная профессия.

Валерий
ВИНОКУРОВ

Фото
Евгения ВОЛКОВА
и
Сергея КУЗНЕЦОВА.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820